

Департамент образования и молодёжной политики ХМАО – Югры
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

**Проблемы и перспективы
этнокультурного
и социально-экономического
развития коренных малочисленных
народов Севера**

Ханты-Мансийск
2014

УДК [008 + 316.42](=1.571.1)

ББК 71 + 65.9(253.3)

П78

Редакционная коллегия: к.ист.н. С.А. Попова, к.ист.н. М.Ф. Ершов, к.филол.н. Н.А. Белова, к.геол.-минер.н. С.Х. Хакназаров, к.псих.н. В.А. Лобова

Рецензент: к.филол.н. Е.В. Косинцева

Ответственный редактор: С.А. Герасимова

Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (31 октября 2013 г., Ханты-Мансийск). – Тюмень: ООО «ФОРМАТ», 2014. – 238 с.

В сборнике публикуются доклады Всероссийской заочной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы этнокультурного и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера», состоявшейся 31 октября 2013 года в г. Ханты-Мансийске.

Сборник адресован филологам, историкам, этнологам, археологам, социологам, культурологам и всем интересующимся культурой коренных малочисленных народов Севера.

Редколлегия сборника может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей несут авторы.

УДК [008 + 316.42](=1.571.1)

ББК 71 + 65.9(253.3)

ISBN 978-5-9905543-2-0

© Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, 2014

© Коллектив авторов, 2014

© ООО «ФОРМАТ», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические исследования: язык, литература, фольклор коренных малочисленных народов Севера

ГЕРЛЯК Н.А., ВАФЕЕВ Р.А. Вопросы формирования «языковой картины мира» в процессе заимствований	6
ДЯДЮН С.Д. Фразеологизмы в хантыйских сказках	10
ЕНОВ В.Е. Русская рыболовная лексика в хантыйском языке (на материале пословского говора шурышкарского диалекта)	14
ИСЛАМОВА Ю.В. Региональная топонимия как объект социолингвистического исследования (на примере гидронимов Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры)	20
КОСИНЦЕВА Е.В. Образ тундры в хантыйской литературе	29
КУМАЕВА М.В. Сравнения в мансийском детском фольклоре	34
ЛЕЛЬХОВА Ф.М. Хӓнты йасӓд-пӓтрӓд, щит, малы, моӓщ	41
МАЛЬЧАКИТОВА Н.Ю. Идеографические рубрики в языковой картине мира эвенков	45
НИКОЛАЕВА-ОЙНЕТС В.А. Родной язык как иностранный (случай сибирских эстонцев)	49
ПАНЧЕНКО Л.Н. Песня как исторический источник (на примере мансийской песни о народе Пастыр)	54
ПРОКАЕВА Е.П. Лингвокультурная ценность лексем эрзянского языка в формировании этнического самосознания личности	58
ХАЗАНКОВИЧ Ю.Г. Цитата-знак в повести Анны Неркаги «Молчащий»	66
ШИЯНОВА А.А. Языковая картина мира соматизмов хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта)	72

Историко-культурное наследие коренных малочисленных народов Севера, духовная и материальная культура

КАШЛАТОВА Л.В. Женские божества и их воплощения в древности	78
---	----

МАСЛОВА Н.К. Связующая цепь народных традиций в п. Хулимсунт Березовского района	89
МИХНЕВА О.И. Инновационная среда формирования толерантного поведения	93
ПАРТАНОВ Н.К. Лошади земные и небесные в культуре обских угров	95
РАНДЫМОВА З.И. Сохранение этнической самобытности оленеводов Приуральского района ЯНАО	101
РЫЖКОВА О.С. Героические традиции предков	103
СТАВРОПОЛЬСКИЙ Ю.В. Социология культуры и проблемы сохранения культурного наследия коренных народов на примере айнов	106
Социально-экономические и экологические проблемы развития коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока	
БАБУШКИНА О.М., КОРНИЛОВ В.В. Этногеографические особенности долган в современных социально-экономических условиях хозяйствования	111
БОРОВИНСКАЯ Ю.С. Правовое регулирование природопользования коренных малочисленных народов в условиях промышленного освоения северных территорий	115
ЗАЗУЛИНА М.Р. Проблемы и риски этносоциального развития коренных малочисленных народов Сибири (на примере шорцев Таштагольского района Кемеровской области)	124
КУРИКОВ В.М., ХАКНАЗАРОВ С.Х. Об опыте деятельности Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сфере противодействия коррупции	136
ЛОБАНОВА О.В. Проблемы ведения домашнего оленьеводства на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района	149
МАКСИМОВ А.А. Коренные народы Севера в условиях перемен	156
НЕЧИПОРЕНКО О.В. Социально-экономические аспекты трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов Сибири	166

СЛИНКИНА Т.Д. Социально-экономическая реорганизация трех мансийских деревень по р. Ляпин в 1930-1970 гг. и её последствия на современном этапе	174
СМОРЧКОВА В.И. Есть ли будущее у традиционной экономики коренных малочисленных народов Севера (на примере Ямала)	184
ТКАЧУК Н.В. Социологический анализ проблемы информированности молодежи коренных малочисленных народов Севера (на примере г. Ханты-Мансийска и сельского поселения Саранпауль)	189
ХАКНАЗАРОВ С.Х. Геоэкологические проблемы Ханты-Мансийского района Югры в разрезе социологических исследований	196
ЧЕМЧИЕВА А.П. Общины коренных малочисленных народов в Республике Алтай	209

Этнопедагогика, этнопсихология

ГАВРИЛЬЧИК Р.М. Музейная педагогика как средство изучения мансийского языка и культуры	214
ЛОБОВА В.А. Психология здоровья подрастающего поколения коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	219
ТИХОМИРОВА О.Б. Формирование навыков личной безопасности дошкольников как психолого-педагогическая проблема	228

..... **ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:**
ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**Вопросы формирования «языковой картины мира»
в процессе заимствований**

Н.А. Герляк

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Р.А. Вафеев, доктор филологических наук

Югорский государственный университет, Ханты-Мансийск

Аннотация. Исследование бытовой заимствованной терминологии в хантыйском языке предполагает раскрытие и четкую дифференциацию таких категорий, как бытовая картина мира и бытовая языковая картина мира. Данные понятия не получили достаточно четкого определения в лингвистической литературе, поэтому в статье в качестве рабочего определения обоснованы и сформулированы авторские толкования данных понятий.

Ключевые слова: бытовая картина мира, бытовая языковая картина мира, бытовая терминология, языковая личность, заимствование, антропоцентрическая парадигма.

Современная лингвистика характеризуется наличием множества разных направлений когнитивных исследований, с различиями в подходах, категориальном и терминологическом аппарате, понимании основных задач и используемых методах.

Необходимо отметить исследования национально-специфических особенностей языковой картины мира (В.И. Карасик, О.А. Корнилов, О.А. Радченко, Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев), а также исследования, связанные с анализом соотношения языка и национального самосознания (Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, О.А. Корнилов, В.В. Ощепкова, С.Г. Тер-Минасова, А.А. Уфимцева).

Исследуя языковую картину мира, ученые чаще всего обращаются к общелитературному или общеупотребительному языку, где национальные особенности проявляются наиболее ярко. Во многих публикациях, посвященных анализу национальной языковой картины мира, внимание акцентируется на способах и свойствах концептуализации объектов, на многообразии картин мира даже внутри одного языка, описываются языковые картины отдельного человека и коллективной языковой личности (Ю.Д. Апресян, Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева).

Вместе с тем в литературе последних лет отмечается, что различия в языковой картине мира находят отражение не только на уровне общелитературного (или общеупотребительного) языка, но и на уровне языка для специальных целей. Интересным является мнение, что научной картиной мира именуется вся совокупность научных знаний о мире, выработанная всеми частными науками на данном этапе развития человеческого общества. Реально же этот информативный инвариант всегда «одет» в какую-либо языковую оболочку. При этом ученые отмечают, что научная картина мира в языковой оболочке любого национального языка так же, как и языковая картина мира, но в меньшей степени, дает пищу для размышления о национальном образе мышления, отражает менталитет нации.

Анализ литературы показал, что работы, посвященные изучению бытовой языковой картины мира, крайне немногочисленны (С.Л. Мишланова, В.Ф. Новодранова, А.Д. Самигуллина).

В связи с предпринятым нами исследованием бытовой заимствованной терминологии представляется необходимым раскрыть и дифференцировать такие понятия, как бытовая картина мира и бытовая языковая картина мира, которые, как свидетельствует проведенный анализ, не получили четкого определения в лингвистической литературе. Поэтому в нашей работе были использованы сформулированные нами определения.

В нашем понимании бытовая картина мира – это содержательный инвариант научного знания в определенной области бытовой жизни и деятельности человека. Очевидно, что, если научная картина мира представляет собой всю совокупность научных знаний о мире, выработанную всеми частными науками, то бытовая картина мира – фрагмент бытовой научной картины мира. Бытовая картина мира универсальна, поскольку объективны сами научные знания.

Бытовая картина мира, эксплицированная средствами национального языка, – это бытовая языковая картина мира, отражение в языке понятий, связанных с определенной бытовой отраслью знания. Таким образом, бытовая языковая картина мира определяется нами как национальная форма выражения единого содержательного инварианта жизненного бытового знания. Следовательно, бытовая языковая картина мира – это одновременно продукт научного осмысления научных понятий, принадлежащих определенной отрасли знания, и продукт обыденного мышления как результат бытового осмысления данных научных понятий языковой личностью.

Понятие «языковая личность», разработанное в отечественной лингвистической науке (исследования А.Д. Апресяна, Г.И. Берестнева, Р.А. Вафеева, В.Г. Гака, Ю.Н. Караулова, В.И. Шаховского), имеет несомненное значение для сопоставительного исследования бытовой лексики в разнотемных языках, проводимого с позиции антрополингвистики. По мнению

Р.А. Вафеева, как переводчик в сфере бытовой коммуникации языковая личность должна владеть научной картиной мира своего родного языка и научной картиной мира переводимого языка. Работая с бытовой терминологией, представленной в двух языках, языковая личность одновременно присутствует в двух научных языковых картинах мира, вольно или невольно сравнивая родную бытовую языковую картину с чужой, поскольку бытовая терминология – часть национальной языковой картины мира [1]. Для нас важным представляется не просто понятие «языковая личность», но языковая личность, обладающая определенным набором бытовых сведений в той или иной отрасли научного знания.

Антропоцентрическая парадигма, утвердившись в языкознании, оказала влияние на становление и развитие когнитивного терминоведения, которое, согласно мнению В.М. Лейчика, является не одним из разделов терминоведения, а представляет собой закономерный этап развития терминоведения как нового направления в его истории [2, 58].

Необходимо отметить, что когнитивный подход изменил отношение к одному из важнейших понятий – к понятию «терминология», которое рассматривается как результат когнитивной деятельности человека, как концептуальная информация, которая уже стала продуктом человеческой обработки и структуризации знаний. В рамках когнитивного терминоведения можно выделить работы, посвященные проблемам дискурса (Л.М. Алексеева, Л.А. Лаврова, Л.А. Манерко), концептуальных моделей (Е.В. Бекишева, Л.В. Ивина, В.Ф. Новодранова), языковой личности в специальной сфере (И.Н. Богутская, Р.А. Вафеев, И.С. Кудашев, С.Л. Мишланова).

Полагаем, что предпринятое нами сопоставительное исследование бытовой терминологии в разносистемных языках, направленное на выявление эволюции научного мышления человека в жизненной и бытовой области, можно отнести к новому антропологическому направлению в когнитивном терминоведении.

Формирование любой национальной терминологии самым тесным образом связано с развитием процесса познания в соответствующей научной области, поскольку язык является одним из важнейших средств хранения, переработки и передачи информации. С помощью мысли и слова происходит получение, оформление и закрепление в коллективном сознании данного этноса нового знания. Терминовтворчество – всегда сознательный процесс осмысления объективной действительности.

Национальная форма выражения, которую получает терминология данной научной области, отражает логику научного мышления данного этноса и специфику его национального мировидения, поскольку национальное языковое оформление любой терминологии опирается на весь строй языка, на всю его словообразовательную базу, на весь арсенал образности. Так,

например, русское заимствование *набирушка* в значении ‘небольшой берестяной кузов для сбора ягод’ достаточно адекватно отражает значение хантыйского слова *воньшун* ‘берестяной кузовок для сбора ягод, который держат в руке’, и потому оба слова функционируют в современном хантыйском языке как абсолютные синонимы. Напротив, исконное слово *хинт* ‘большой заплечный берестяной кузов для сбора ягод’ обозначает специфическую реалию, не имеет соответствующего русского аналога, хотя бы описательного (к примеру, ‘большой берестяной кузов’), и потому для обозначения соответствующего предмета используется исконное слово *хинт*. С другой стороны, в хантыйский язык, возможно, со временем войдут в качестве заимствований слова *кузовок* (=воньшун) и *кузов* (=хинт) для обозначения вышеперечисленных предметов. Нужно отметить, что появление первого названного русского слова более вероятно.

Таким образом, необходимо также сформулировать критерии, в соответствии с которыми заимствуются лексические единицы, а затем на основе этих критериев – определить степень лексико-семантической и функционально-стилистической адаптации русских слов в хантыйском языке. Возвращаясь к анализу названных слов, можно сказать: слово *набирушка* уже полностью адаптировано, словосочетание (которое можно рассматривать как сложное слово) *берестяной кузов* (в значении *хинт*) – адаптировано частично, а слову *кузовок* – еще предстоит адаптация. Другими словами, нужно выработать классификацию слов типа *набирушка*, *берестяной кузов*, *кузовок*, вошедших в хантыйскую лексико-семантическую систему, и, тем самым, уточнить языковой статус большинства русских лексических заимствований в хантыйском языке.

Слово *капна* ‘копна’ заимствовано уже в советское время, когда образовались совхозы и сено стали заготавливать в больших количествах, собирать его в копны. До этого ханты не занимались разведением крупного рогатого скота, не держали лошадей, а если и ставили небольшой стог сена для бытовых нужд (например, для производства подстилок для обуви), называли его просто: *сорум турны пай* ‘сухая травяная куча’.

Сама ткань (шелк) и вещи из нее (в первую очередь – одежда: *йермак ухшам* ‘шелковый платок’, *йермак йернас* ‘шелковая рубашка’) появились в обиходе у ханты очень давно, задолго до появления русских, и слово, возможно, пришло непосредственно из татарского языка (Южное Приуралье, где в древности жили предки ханты, – это самая северная область, которой касался Великий шелковый путь). В. Штейниц считает, что слово пришло в хантыйский язык из коми-зырянского [3, 409]. Если следовать этой логике, то вполне вероятно, что коми-зырянский был языком-посредником: слово из татарского (или другого тюркского) языка попало в русский язык, оттуда – в коми-зырянский, и только потом – в хантыйский язык.

Таким образом, формирование «языковой картины мира» как части общей «картины мира» в процессе заимствования бытовой, терминологической лексики проходит очень сложные и противоречивые этапы в языковой жизни личности.

Литература

1. Вафеев Р.А. Двустороннее татарско-русское двуязычие и бинарное сопоставление языков: причинно-следственные отношения в сопоставляемых языках: дис. д-ра филол. наук. – Tobolsk, 2000.
2. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. – М., 2006.
3. Steinitz W. Dialektologisches und Etimologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprachen. 1-13. – Berlin, 1966-1991.

Фразеологизмы в хантыйских сказках

С.Д. Дядюн

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Фразеология хантыйского языка тесно связана с укладом жизни народа, этническими и культурными традициями, его мировосприятием и психологией. Фразеологические единицы в народных сказках выполняют функцию поучения, воплощения народной мудрости.

Ключевые слова: фразеологизмы, хантыйская сказка, картина мира, язык, устойчивые выражения.

«В языке каждого народа есть устойчивые образные обороты, которые воспроизводятся в речи подобно слову, а не создаются в процессе общения или написания текста. Такие устойчивые сочетания называются фразеологизмами, фразеологическими оборотами или фраземами, которые в совокупности образуют фразеологический состав языка, или фраземику» [1, 6].

Е.И. Алещенко, исследуя этноязыковую картину мира в русских сказках, считает, что «фразеология представляет значительный интерес, так как фразеологизмы являются своеобразным «хранилищем» народной культуры, а значит, и одним из важных средств вербализации концептов, репрезентации определенной картины мира. В центре картины мира находится образ человека. Фольклор опирается на народные стереотипы сознания, выработанные традиционной народной культурой» [2, 283].

Фразеология хантыйского языка тесно связана с укладом жизни народа, этническими и культурными традициями, его мировосприятием и психологией.

В хантыйском языке В.Н. Соловар рассматривает фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями [3, 240].

Рассмотрим фразеологизмы, которые отражают особенности духовной жизни ханты. Фразеологизмы чаще всего образуются в результате метафорического или метонимического переосмысления всего свободного словосочетания, например: *нумаса нунты* ‘запомнить’ (букв.: положить в мысль). Такие обороты возникают обычно в разговорной речи. В основе их лежат наблюдения человека над окружающей действительностью, за повадками животных, птиц. Затем они используются для характеристики человека: *пулци кэл ици* ‘сплетница’ (букв.: сорога со сплетнями) – сорога (вид рыбы), быстро меняет место пребывания, это послужило появлению данной метафоры. *Наң амп ньэлэн* ‘Твоя собачья жадность’ – так говорят жадному, прожорливому человеку, не знающему меру в еде (в данном случае мышонок).

Многие устойчивые выражения сохранились в фольклоре, исчезнув из разговорной речи, например: *Нөрүм хор кур эвэтсэв, вөнт хор кур эвэтсэв* ‘Мы охотились’ (букв.: болотного зверя ногу резали, лесного зверя ногу резали); *Луи тый, паң тый нүл* ‘Мало’ (букв.: кусочек кончика пальца, кончика большого пальца).

Понимание устройства мироздания отражено во многих устойчивых сочетаниях, называющих небесные тела, например: *Мош хө хур* (букв.: облик мужчины Мош); *Күрәң вой (хур)* ‘Большая медведица’ (букв.: образ лося). В обско-угорском фольклоре существует миф о лосе, которого догоняет на лыжах *Мош хө* (представитель фратрии Мош). Этот же этноним встречается в фразеологическом сравнении *Мош хө нымләң пайт* ‘Млечный путь’ (букв.: лыжный след мужчины Мош); *Ат төтьлөтө хө* ‘Вега’; *Алэң хоньл пос* ‘Знак утренней зари’. Возможно метафорическое переосмысление свободного словосочетания, например: *пәлэң тўт* ‘молния’ (букв.: грозы огонь); *төрәм тўт* северное сияние (букв.: неба огонь); *пул йух* радуга произошло от *пул йсты йух* ‘орудие для снятия мездры со шкур’ (данное орудие имеет сходство по форме с радугой). Словосочетание при переходе во фразеологизм подверглось фузии. *Сотпи кяр* ‘Созвездие ножн’; *Мош не хот пай* ‘Женщины Мош дом’; *Пуп вулпи кяр* ‘Возничий’.

Рассмотрим фразеологизмы, связанные с табу, в которых запретное слово заменялось эвфемизмами, например: *Вулыман вөлты* (букв.: перестав жить); *йэл мйнмән вөлты* (букв.: вдаль ушедши жить), *па щирн вөлты* (по-другому жить); *мошэңа вөлты (кашэңа вөлты)* (букв.: больной жить) – так говорят о беременности женщины, так как на эту тему налагалось табу для сохранения потомства от плохого влияния. В данных примерах мы наблюдаем лексические, грамматические вариации.

С природными поверьями связан фразеологизм: *Көккәжән атма вантэл* ‘Кукушка предвещает плохое’ (букв.: кукушка плохое видит). Кукушка

не вьет гнезда, не выкармливает птенцов, поэтому с нею связаны плохие приметы, проклятия, например: *Нал хот сүңэн көкәкн ат лөйлэт* 'Пусть этот род прекратится' (букв.: Пусть эти четыре угла дома кукушка отпоеет) – архаичное проклятие сохранилось в фольклоре.

Огонь почитался у всех ханты как божественное начало, это подтверждаю и фразеологизмы, например: *Тут имийэ пәлңәл ан вон йиңән ал увл айңән* 'Огонь-женщина, побереги глаз'. Эти слова необходимо было произнести прежде, чем лить в воду огонь или что-нибудь бросить в него.

Рассмотрим еще примеры: *Имүлтыйн овйң йухан овәла йухтәс, лөңх сөм питман вөн лөр, кәлт сөм питмәң вөн лөр* 'Наконец он приехал к устью реки, к красивому большому озеру' (букв.: к озеру, на которое упал глаз бога); *Йаңицәта питты* 'Утонуть' (букв.: попасть в выпиваемое, т.е. в воду). Здесь прослеживается связь с явлением табу, поэтому использовались эвфемизмы: *Лухиләс* 'Умер' (букв.: смылся); *Ши вүй эвәлт ампләл алэват мәсыйэт, ата йил кортәл и пелңа хәл* 'С этих пор собаки перестали лаять' (букв.: ночью в деревне тишина, комар умирает слышно); *Кәт мүй кұта хойты, Хүй кәт мүй кұта хойса - хунтәс* 'Кого ранили (не до конца попали)' (букв.: между двумя землями попали – убежал).

Сравним синонимичные фразеологизмы: *Муйкөм нартуп мүй йупэвн шөк вантәл кәт мүй кұт вөлүсыйн* 'Сколько еще поколений после нас будет горе испытывать в ненормальной жизни' (букв.: в жизни между двумя землями). *Сөм вантты тарум цйртәт вәлләт* 'Есть сильные способы колдовства' (букв.: глазного животного смотреть). Этот фразеологизм связан с этническими способами предсказания (гадания) каких-либо событий. *Тәм вөтица питләв ки вошэв эви, пух полт тэмләв* 'Если сейчас начнем драться, то город наш разрушим' (букв.: засыпаем гнилыми кусочками дерева). Это означало, что борющиеся разрушат город до такой степени, что он будет представлять мелкие кусочки гнилого дерева, как порошок.

Многие фразеологизмы дают характеристику человеку, его качествам, например: *Вәлты вүсл антәм* 'Жить не умеет' (букв.: жить дыры его нет); *Вәлты вүс ән тайәл* 'Жить не умеет' (букв.: жить дыры не имеет); *Вүслы ут* 'Глупый, бестолковый' (букв.: бездырный); *Рөпитты вүсәл йнтәм* 'Работать не умеет' (букв.: работать дыры его нет). Общая семантика сочетания – неумение чего-либо делать. В мировоззрении народа ханты отсутствие дыры, отверстия характеризует человека отрицательно.

Как видно из примеров, это фразеологическое сравнение имеет синонимы, оно сочетается почти со всеми глаголами, например: *Вөңлтыйлты вүсән йнтө, ма ханләм: һахты вүсән па антө, пәрты вүсән антө. Йух пәләт лөль* 'Учиться не можешь, смеяться не можешь, просить тоже не можешь. Стоит без дела' (букв.: учиться – дыры нет, смеяться – дыры нет, просить – дыры нет, рост дерева стоит); *Имәл лык сүхл мәнәс* 'Жена перестала

сердиться' (букв.: жены злая кожа ушла); *Имәл лык сүхн ким әтмәс* 'Жена, обозлившись, вышла' (букв.: жена в злой коже (шкуре) вышла); *Нәлүм шөңн пүтәртәл* 'Говорит на средне-обском диалекте' (букв.: половиной языка говорит); *Лүв лүпәм йасңәл тәл мүйә йнт мәнәл* 'На него можно положиться, он надежный' (букв.: слова, сказанные им, просто в землю не уйдут); *Йөщн илта похәллә* 'Не сидит спокойно' (букв.: острием снизу колят); *Исләл вүйсыйт* 'Сглазили' (букв.: душу взяли) – человек при этом сильно болеет; *Ши неңән кұтл упәл елты мәнәл* 'Очень довольна' (букв.: женщины этой через половину идет); *Ув хө, вот хө* 'Легкомысленный, непостоянный' (букв.: мужчина течения, мужчина ветра) – данное качество человека сравнивается с течением реки, с ветром; он (человек) так же меняет свои решения, поведение, как ветер, как течение реки, уносит все прочь, вдаль. *Вөнт йух, вүр йух хура-суп* 'Сдержанный, терпеливый' (букв.: как дерево леса, как дерево узкой полосы леса вдоль реки); *Лыв вәл упсәл төрәм йицәлт лөйләт* 'Они хорошо живут, достойно' (букв.: они в жизни прямо перед небом, вселенной стоят); *Муң ци кұтн йош вүйшан пунман ци омасләв* 'Бездельничая сидим' (букв.: сложив руки сидим); *Иса сөм ләп хәтичуман лүв хуцәлә мәнә* 'Смело иди' (букв.: глаза закрыв). *Шитән па сүхуп ут* 'Этот совсем другой' (другую шкуру имеющий); *Па сүх пәләка йис* 'Совсем другим стал' (букв.: стал другой стороной шкуры, ткани); *Па сүха йис* 'Другим стал' (букв.: другой шкурой, тканью стал). Общее значение этих фразеологизмов – сошел с ума, вышел из себя, стал нервным, вспыльчивым, т.е. изменился в плохую сторону.

Фразеологизм описывает психическое состояние человека. Как видим, имеется три синонимичных примера, они варьируются грамматически, лексически: *Мүй хуят* 'Угрюмый, одинокий' (букв.: земляной человек, т.е. смотрит в землю); *Йошәлә йухтәс. Ин икәл па йошәл ләп вүйс. Иса кұтн вана ци йухтәс* 'Разозлился' (букв.: промежуток их коротким стал, т.е. расстояние между ними укоротилось); *Лүв акаһ хотәлә ци луңәс* 'Он чувствует себя неловко' (букв.: в кукольный дом влез, т.е. старается быть меньше, незаметнее); *Йасңәл ләйәм моңх иты мәнәл* 'Он говорил убедительно' (букв.: слово его как обух топора идет); *Иса ци кұтн әл етәл ал луңәл* 'Как ни в чем не бывало' (букв.: между тем просто выходит, просто входит); *Пүй кұншәм тыл цәл хүвләс* 'Болтает, треплется' (месяц чесания зада вышел).

Структура фразеологизмов представлена

1. Фразеологизмами, структурно равнозначными словосочетанию:

а) именными, например: *Вүслы ут* 'Глупый бестолковый' (букв.: бездырный предмет, человек); *Пөри хырыйә* 'Сердитый' (букв.: мешочек икры);

б) глагольными, например: *Хот вүс төхәрты* 'После похорон кого-либо принести в жертву животное или птицу' (букв.: закрыть душу дома);

в) наречными, например: *Пирәц икәв хутәц кәт каш* 'Старик что-то не в духе' (букв.: два желания); *Тәм сөм тум сөм рунл тумал мәр* 'Пока моргал';

г) междометными, например: *хута лоль*.

2. Фразеологизмами, имеющими структуру предложения, например: *Лүв ху́л леты вўсл а́нтө* ‘Он не может есть рыбу, не умеет’ (букв.: у него нет дыры есть рыбу); *Нумсэл лулал* ‘Стал добрее, мягче’ (букв.: Мысль его тает).

Следуя классификации В.В. Виноградова, основанной на различной степени идиоматичности компонентов в составе фразеологизма, мы выделяем в хантыйском языке [4]:

1. Фразеологические сращения, например: *Вуйа щөлумтас* ‘Исчез’ (букв.: в жир растопился).

2. Фразеологические единства, например: *Алтэм аңки* ‘Социальная мать, которая несла новорожденного из дома, где он родился’ (букв.: несшая мать); *Нумэса пунты* ‘Запомнить’ (букв.: мысль положить).

3. Фразеологические сочетания, например: *И нурийа питсанэн* ‘Поженились’ (букв.: В одну кровать попали).

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
2. Алещенко Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки). Диссерт. на соиск. уч. ст. доктора филологич. наук. – Волгоград, 2008. – 432 с.
3. Соловар В.Н. Фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями // Материалы IX Международного конгресса финно-угроведов. – Тарту, 2001. – Т. 6. – С. 240-243.
4. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. – 720 с.

Русская рыболовная лексика в хантыйском языке (на материале пословского говора шурышкарского диалекта)

В.Е. Енов

Объединённая редакция национальных газет,
Ханты-Мансийск

Аннотация. В статье рассматриваются ихтиореалии, заимствованные шурышкарским диалектом хантыйского языка из русского языка, свидетельствующие о совершенствовании рыбаками-ханты орудий лова и технологий добычи рыбы.

Ключевые слова: мережа, поплавок, сеть, запор, *sojр olаҗ kelat* ‘невод, начало, веревки’, *kuratowa* ‘лодка-городовушка’.

Основным видом традиционной деятельности шурышкарских ханты с давних времен является рыболовство, именно поэтому богатейшим пластом хантыйской лексики является рыболовная. В течение долгого времени она почти не менялась, так как народ ханты проживал в своей самобытной среде. Но в XIX веке в связи с развитием на Оби рыбных промыслов началось проникновение русской рыболовной лексики в хантыйский язык. До прихода русских ханты использовали для рыбной ловли традиционные плетеные ловушки, заграждения из кольев – запоры и сети. Из сетевых снастей были распространены различные мешкообразные сети, плетенные из крапивы, например, колдан (колыдан), важан. По мнению выдающегося ученого-сибироведа М.А. Сергеева, ханты «добывали рыбу также удочю – простым крючком (железным или костяным) с поплавком...» [1, 16]. Леску, к которой крепились крючки, плели косичкой из лосиных или оленьих сухожилий. Известный ихтиолог Н.А. Варпаховский отмечал, что «все удочки для крючковой снасти делаются в настоящее время из железа, за единственным исключением налимьей деревянной удочки – «*паннэ юх*» (досл. ‘налимья палка’ – В.Е.), употребляемой зимой в устьях Оби» [2, 2].

Следует отметить, что заимствование рыболовной лексики первоначально происходило из хантыйского языка в русский, поскольку автохтонное население ханты прекрасно знало места обитания рыбы и хорошо ориентировалось, когда, в какое время и какими способами ее легче добыть. Ханты научили русских переселенцев варовым (запорным) способам рыбной ловли, которые практикуются и в настоящее время.

С появлением у рыболовов-ханты новых орудий лова рыболовная лексика хантыйского языка стала пополняться терминами русской рыболовной лексики, связанной с обозначением прогрессивных орудий и более совершенных технологий рыболовства. В связи с этим произошли заимствования в следующих лексических группах:

1) названия видов рыболовных снастей (табл. 1).

Таблица 1

Названия видов рыболовных снастей

В русском языке	В хантыйском языке
ставная соровая сеть (сеть с одной верхней тетивой, обычно ставилась на сорах и озерах)	<i>i kurpi xolop</i> досл.: ‘сеть с одной ногой, т.е. с одной верхней тетивой’
ставная двухтетивная сеть (простая сеть с двумя тетивами; применяется при соровом или озерном лове рыбы)	<i>al xolop</i> досл.: ‘простая сеть’

рамовая сеть (сеть, имеющая рамы; применяется в соровом, проточном или речном лове рыбы, обычно ставится в местах с сильным течением)	<i>išneŋ ɣolop</i> досл.: ‘окно, сеть’
ряжевая сеть (сеть, имеющая одно- или двухстороннюю ряжь; применяется в проточном и речном лове рыбы в местах с сильным течением)	<i>rešaŋ ɣolop</i> досл.: ‘ряжь, сеть’
плавная сеть (сеть, имеющая ряжь, наплавья и грузила; применяется для верхового и донного лова на плавных песках во время хода рыбы)	<i>noptalti ɣolop</i> досл.: ‘плавать, сеть’
невод (рыболовная снасть из мережи с двумя крыльями и мешком, в котором скапливается рыба; применяется при донном лове рыбы. Неводный промысел длится с середины июля до ледостава и в зимнее время)	<i>sojp</i> досл.: <i>sojm</i> ‘ручей’, <i>pitti</i> ‘попадать’ – (В.Е.)
матка или матня (мешок невода, в котором скапливается пойманная рыба)	<i>sojp ɣir</i> досл.: ‘невод, мешок’
прогоны (веревки, за которые тянут невод)	<i>sojp olaŋ kelat</i> досл.: ‘невод, начало, веревки’

У рыболовов-ханты до прихода русских была обычная ставная соровая сеть, которая в хантыйском языке называется *al ɣolop* (досл. из хант. ‘простая сеть’) ← от хант. глаг. *ɣolti* ‘добыть, добывать’, поэтому простую двухтетивную сеть советского производства по сходству со своей снастью ханты называли точно так же, как и свою: *al ɣolop* ‘простая сеть’. По словам Н.А. Варпаховского, «сетные рыболовные орудия, как видно, наиболее распространены в бассейне Иртыша, в р. Оби же являются существенно важными ставные соровые сети и колдан, употребляемые инородцами» [3, 69].

2) названия деталей рыболовных снастей, инструментов (табл. 2):

Таблица 2

Детали рыболовных снастей и инструменты

В русском языке	В хантыйском языке
пешня (железный лом, состоящий из 3–4-х заостренных конусовидных граней для выдалбливания лунок во льду)	<i>porli</i> от хант. глаг. <i>poritti</i> ‘сверлить’ (вероятно, раньше ханты просверливали лед каким-то сверлом – В.Е.)

балбера, или поплавок (по определению В.И. Даля, балбера, балберка, волж. ‘поплавок из дерева или коры на неводах и переметах’ [4, 42])	<i>ɣolop soxal</i> досл.: ‘сеть, доска’
--	---

Более подробно остановимся на слове *балбера* (поплавок). Ханты позимствовали балберы у русских уже в советское время, с развитием рыбной промышленности на Оби, и дали им свое название *ɣolop soxal* досл.: ‘сеть, доска’. До этого при соровом лове рыбы ставными сетями рыболовы-ханты пользовались хорошо ошкуренными и заостренными книзу пятиметровыми тальниковыми кольями. При установке сети через каждые полтора-два метра нижнюю тетиву привязывали к колу и втыкали его в дно реки с таким расчетом, чтобы сеть была относительно свободной, что очень важно для ее уловистости. Благодаря этому нижняя тетива сети во время шторма не перепутывалась с верхней, а сеть легко очищалась от речного мусора. Для выпутывания пойманной рыбы из снасти сначала вытаскивали кол, а затем вновь втыкали его на прежнее место. К примеру, для того чтобы установить двадцатиметровую сеть, нужно было приготовить десять колеи.

Орудие рыболовного труда *пешня* также пришло из русского языка, но оно в хантыйском языке получило свое название *porli*. Все остальные инструменты зимнего вида рыболовства имеют исконно хантыйское происхождение: *puklainj juɣ* ‘двухметровая палка с загнутым крюком, служащая для придерживания и прогона шеста с веревкой от одной лунки до другой при подледном лове рыбы’; *juɣ sar* ‘деревянная лопата, используемая для очистки льда от снега во время зимнего подледного лова рыбы’; *seŋker* ‘деревянная колотушка, служащая для отбивания льда от пешни, сачка и нартовых полозьев во время зимнего подледного лова рыбы’, *lupaɣ* ‘сачок для вычерпывания льда из лунки’ и т.д.

3) названия сетевых материалов (табл. 3):

Таблица 3

Сетевые материалы

В русском языке	В хантыйском языке
капроновая нить	<i>kupran soxom</i> ‘капрон, нить’
сетевая посадочная нить	<i>ɣolop omasti soxom</i> ‘сеть, садить, нить’
сетевая тонкая нить	<i>ɣolop jontti soxom</i> ‘нить, шить, сеть’
сетная кукла	<i>ɣolop kukla</i> ‘сеть, кукла’
дель или мережа	<i>woɣom</i> ‘сплетенный, сеть’

Если раньше, начиная с конца XIX века и заканчивая 60-и годами XX века, всевозможные виды сетевых рыболовных снастей у ханты сначала были крапивными, затем льняными, то чуть позже, в начале 70-х годов XX

века появились более качественные и прочные капроновые сети благодаря совместному рыболовству ханты и русских переселенцев.

4) название транспорта, связанного с рыболовством (табл. 4):

Таблица 4

Рыболовный транспорт

В русском языке	В хантыйском языке
лодка-городовушка (двухвесельная лодка с вертикальной кормой, изготовленная из сосновых тесин, соединенных при помощи гвоздей. Широко применялась в промышленном лову рыбы в советское время)	<i>kuratowa</i> от русск. слова 'городовушка' (от глаг. 'городить')
неводник (деревянная лодка, используемая для промысла рыбы неводом и перевозки большого количества выловленной рыбы. Широко применялась во время промышленного лова рыбы в советское время)	<i>nəwotnik</i> от русск. слова 'неводить'
мотобударка (большая деревянная лодка для рыбной ловли, оборудованная отдельными ящиками для перевозки рыбы весом до двух тонн и стационарным моторным двигателем)	<i>χop kutop motoran</i> <i>χop</i> досл. 'лодка с лодочным мотором посередине'
дюралева лодка	<i>karti χop</i> досл. 'железо, лодка'
моторная лодка	<i>motoran χop</i> досл. 'моторная лодка'

Исконно хантыйскими были следующие виды водного транспорта: *nal lolpi* 'двухвесельная деревянная лодка, сделанная из кедра или осины и предназначенная для перевозки рыбы и различных грузов на дальние расстояния (досл. *четырёхсаженка*)'; *aj χop* 'маленькая лодка, или колданка, состоящая из трех частей кедра: днище имеет небольшую углубленность, борта пришиты к нему кедровым корнем и залиты смолой в местах соединения (предназначалась непосредственно для рыбной ловли, досл. *маленькая лодка*)'. Еще до революции ханты позаимствовали у своих ближайших соседей коми-зырян *saran χop* досл.: 'зырянин, лодка', которую так и называли *зырянской лодкой*.

Все вышеуказанные виды водного транспорта рыболовы-ханты переняли у русских переселенцев в связи с развитием на Оби рыбной промышленности еще в советское время.

5) топонимика и гидронимика, связанные с рыбной ловлей, имеют только хантыйские безэквивалентные названия: *aj as* 'река Малая Обь', *uś kurt*

'деревня Вонзевая', *as ow kurt* 'поселок в устье реки Малая Обь', *sorom as ow* 'протока Сухая в устье реки Малая Обь' и т.д.

Таким образом, в рыболовстве в процессе совместного труда двух народов происходили заимствования русских слов хантыйским языком и наоборот. В результате сопоставительного анализа, по данным нашего фактического материала, установлено, что, в первую очередь, в хантыйском языке усваивалась русская рыболовная лексика, связанная с новейшими орудиями, технологией, транспортом, и, в меньшей степени, деталями рыболовных снастей, инструментами и материалами, сопутствующими рыбной ловле. Такое сопоставление языковых единиц в современной лингвистической науке получило наименование бинарного или двустороннего сопоставления.

Литература

1. Сергеев М.А. Народы Обского Севера. – Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1953. – 150 с.
2. Варпаховский Н.А. Рыбный промысел в бассейне реки Оби. – Тобольск: Тип. Епарх. Братства, 1896. – 54 с.
3. Варпаховский Н.А. Рыболовство в бассейне реки Оби. В 2-х ч. – [Репр. изд.]. – Тюмень: Мандрика, 2003. – 256 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З / В.И. Даль. – М.: Госуд. изд-во иностр. и национ. словарей, 1956. – 699 с.

Информанты

1. Енов Тимофей Иванович – годы жизни 1876-1980, житель д. Машпаны – д. Летние Карвожи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (материалы собраны в 80-х годах XX века).
2. Енов Егор Андреевич – годы жизни 1927-1992, житель д. Каневская – д. Летние Карвожи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (материалы собраны в 80-х годах XX века).
3. Енов Николай Тимофеевич – годы жизни 1934-1984, житель д. Летние Карвожи Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (материалы собраны в 80-х годах XX века).
4. Тырлин Ефим Владимирович – годы жизни 1940-2006, житель д. Зимние Карвожи – д. Послово Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области (материалы, собранные в 80-х годах XX века, уточнены с его слов в период с 1996 по 1997 гг.).
5. Толба Григорий Иванович – 1938 г.р, житель д. Питтагорт – п. Лопхари Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области.

**Региональная топонимия как объект социолингвистического
исследования (на примере гидронимов
Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры)**

Ю.В. Исламова, кандидат филологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В работе на примере субстратных названий водных источников хантыйского происхождения анализируется проблема взаимоотношений языка и общества. Дается краткий обзор гидронимии Обь-Иртышского междуречья в контексте историко-политических и этноязыковых процессов. Определяются факторы, оказавшие влияние на состояние языка и национальной топонимии региона.

Ключевые слова: язык, общество, социология, социолингвистика, ономастика, топоним, гидроним.

Известно, что будущее общества определяется не только социально-экономическим, но и социо-культурным развитием. Это означает, что дальнейшее существование и развитие народа зависит в равной мере как от состояния экономики, так и от состояния культуры. Важность этого постулата в полной мере осознается учеными, деятелями культуры и искусства. С.А. Капица, выдающийся российский ученый, в одном из интервью газете «Аргументы и факты» отмечал, что в настоящее время культура имеет стратегическую важность, вопросы культуры сегодня переплетаются с вопросами политики и национальной безопасности страны. В современном мире могущество и будущее страны все в большей степени определяют наука и искусство, а не ресурсы и производительные силы. Вопрос развития культуры – это вопрос будущего страны. Государство не сможет существовать, если не будет опираться на культуру.

Нельзя не согласиться с этим утверждением, заметим только, что оно имеет непосредственное отношение и к культуре России в целом как государственной культуре, представляющей собой «сумму духовных ценностей всех этносов» [1], и к локальным культурам северных народов в частности.

В основе любой культуры лежит язык. Язык народа является одним из этносохраняющих элементов и совместно с культурой поддерживает этническое самосознание, а значит, и стабильность самого этноса (Никольский 1978, Бромлей 1981, Нерознак 1994 и др.). Это свойство языка обусловило возрастание в последние десятилетия интереса к региональным лингвистическим исследованиям. Особенно активизировалось изучение миноритарных языков, разрушающихся в условиях длительного контактирования с другими языками.

Региональные лингвистические исследования проводятся практически во всех регионах России. На базе высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов имеются лаборатории и центры, занимающиеся изучением проблем территориального языковедения. В ХМАО – Югре изыскания в данной области начались относительно недавно на волне возрождения интереса к языкам и культурам малых народов России. Несмотря на то, что с этого момента прошло совсем немного времени, проделана большая работа по изучению языков коренных малочисленных народов Севера. Молодая югорская наука добилась весомых успехов. Значительный вклад в дело развития обско-угорского языкознания внесли сотрудники НИИ Угроведения и его преемника – Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск). Не остались в стороне преподаватели, студенты и аспиранты Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск).

В зоне пристального внимания исследователей находятся лексические и грамматические ресурсы обско-угорских языков. Пишутся диссертации, издается научная и учебная литература, активна лексикографическая работа. Тем не менее недостаточными представляются исследования в области обско-угорской и субстратной ономастики как значимого элемента языка и культуры. Имена собственные заключают в себе большой гуманистический потенциал и заслуживают большего внимания.

Ономастика является наиболее тесно связанным с потребностями общества, чрезвычайно чувствительным к любым изменениям в социуме компонентом языка. Зависимость имен собственных от внеязыковых факторов вызывает к ним интерес как к источникам разнообразной информации: лингвистической, этнографической, исторической, социальной и культурной. С другой стороны, она предопределила взгляд на проприативы как на социально обусловленный пласт лексики любого языка, что находит свое выражение в семантике онимов, в особенностях номинации и функционирования имени в обществе. Такой подход к исследованию ономастических единиц осуществляется в работах Р.А. Агеевой, О.С. Ахмановой, К.В. Бахняна, В.Д. Беленькой, В.И. Болотова, В.Д. Бондалетова, И.А. Воробьевой, Н.В. Подольской, А.В. Суперанской и др. Нагляднее, чем где бы то ни было, социальная сущность языка обнаруживается, по мнению некоторых лингвистов (О.С. Ахманова, В.Д. Беленькая и др.), в топонимах, которые образуют самый представительный, разнообразный и показательный в плане проявления ономастических закономерностей класс проприальной лексики [2, 3].

Ученые отмечают, что в настоящее время в мировой науке наиболее интенсивно развиваются те ее области, которые занимают пограничное положение. К числу таких наук относится топонимика. Наука, изучающая

географические названия, сформировалась на стыке географии, истории и лингвистики – социальных наук, исследующих разные стороны общественной жизни человека. Именно своим междисциплинарным характером эта область научных знаний обязана активизации интереса к ней с середины прошлого столетия по настоящее время.

Одной из тенденций современной топонимики является изучение географических названий под углом зрения их обусловленности социальными условиями существования языка. Это предопределило использование в топонимических изысканиях методов социологии.

Наука, исследующая социальные процессы, происходящие в обществе, является одним из важнейших компонентов современной гуманитарной культуры. В целях наиболее полного описания объекта изучения, характеризующегося многообразием проявлений своей сущности, социология исследует его многоаспектно. Одним из ее направлений является изучение функционирования языка в обществе, что продиктовано неразрывной связью данных категорий. Выдающийся русский языковед И.А. Бодуэн де Куртенэ писал о необходимости привлечения внимания к социальной природе языка: «Так как язык возможен только в человеческом обществе, то кроме психической стороны мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология» [3].

Интерес к исследованиям, учитывающим обусловленность языковых явлений явлениями социальными, повлек за собой появление в середине XX столетия новой науки, получившей название *социолингвистика*. Определение объекта, целей и задач социолингвистики привело к выводам, что это междисциплинарная наука, имеющая языковедческую природу, привлекающая социологические методы, используемые применительно к задачам изучения языка: методы массовых обследований, анкетирования, устных опросов, интервью и т.п.

Понимая социолингвистику как науку, изучающую язык в его социальном контексте, следует пояснить, что, в отличие от языкознания как такового, социолингвистика изучает не внутреннее устройство языка, а то, как пользуются языком люди в том или ином социуме.

Как отмечалось выше, согласно современной концепции, топонимы представляют собой единство лингвистического и экстралингвистического плана. В научном сообществе появляется все больше ономастологов, считающих, что современные топонимические исследования должны основываться на достижениях традиционной и современной топонимики, т.к. топоним – это «феномен языка, совмещающий социально-функциональный, когнитивный и психологический аспекты» [2, 9].

Актуальность изучения языка в аспекте функционирования в обществе подтверждается публикациями последних лет. Так, М.М. Бауэр, исследуя

трансформационные процессы полиэтнического языкового пространства Тюменской области, отмечает, что изменение демографических пропорций основных этносов в регионе и другие факторы в значительной мере повлияли на характер функций и сфер применения национальных и русского языков. Это отразилось в тематике большинства социолингвистических работ последнего периода, в которых исследуется функционирование языков в системе государственного управления, СМИ, ономастическом пространстве, культуре, образовании и т.д. (Х.Ч. Алишина, В.М. Алпатов, В.И. Беликов, Н.В. Вертянкина, И.В. Евсеева, А.А. Исакова, Л.Ф. Карелина, В.Г. Костомаров, Н.В. Лабунец, Г.М. Ниязова, М.А. Сагидуллин, Л.М. Федоряк, Н.К. Фролов, Н.Г. Хайруллина и др.) [4, 5].

В топонимическом исследовании применение социолингвистического подхода позволяет выйти за пределы традиционно-описательной лингвистики [2, 4], что отвечает интересам современной ономастики, перспективы развития которой связываются, по определению В.И. Супруна, с определением «онтологической сущности ономастической подсистемы в ее антропоцентрическом осмыслении с точки зрения этно-, психо-, социо-, прагматическим и других аспектов теории речевого общения» [5, 2].

Субстратная топонимия обско-угорского происхождения Обь-Иртышского междуречья уже становилась объектом комплексного семантико-этимологического исследования в работах автора (Исламова 2005-2013). В настоящей статье предпринимается попытка краткого обзора официальных названий рек территории в контексте историко-политических и этноязыковых процессов.

Под *субстратными* в работе понимаются географические названия автохтонного населения, составляющие дорусский топонимический слой, испытывавшие всестороннюю адаптацию в русском языке.

Опыт десятилетнего наблюдения над географическими названиями Обь-Иртышского междуречья в административных границах Ханты-Мансийского района ХМАО показывает, что система географических названий региона неоднородна по своему составу и времени происхождения. В ней функционируют топонимы обско-угорского и самодийского происхождения, а также собственно русские имена. Расположение топонимических слоев в виде стратиграфической пирамиды дает следующую картину: в основании ее находятся самодийские названия, промежуточное положение занимают топонимы обско-угорского происхождения, вершину составляют русские имена. Самым значительным по объему оказывается средний обско-угорский слой, несколько уступает ему поздний по образованию русский пласт, наименьшим является нижний самодийский элемент. Последовательность расположения стратиграфических слоев соответствует времени пребывания народов, сменяющих друг друга на этой земле.

В настоящее время обско-угорские топонимы Обь-Иртышского междуречья, как свидетельствуют географические карты, дорожные указатели, текстовые источники, а также показывает живое употребление, функционируют в адаптированном к нормам русского языка виде. Попытаемся определить факторы, способствовавшие этому.

Освоение русскими Обь-Иртышского междуречья началось в XVII в. Для обеспечения государственной почтовой связи Московское правительство на наиболее оживленных направлениях стало устраивать ямы – станции для замены лошадей. Там же начали селить русских «ямских охотников». Один из первых ямов, получивший впоследствии название Самаровского (по названию Самаровского городка, находившегося в бывших владениях князя Самара), появился на Белогорье. Первыми поселенцами Самаровского яма стали около полусотни ямщиков с семьями из Вологды, Тотьмы, Устюга Великого, Соли Вычегодской [6, 145].

В течение последующих столетий наблюдалось активное освоение исконно хантыйской территории русскими переселенцами, селившимися в нижнем течении Иртыша чресполосно с остяцким населением. Первоначально ямские поселения здесь организовывались в виде заимок (сиб. «место, занятое под хозяйство, с избой и другими угодьями, хутор» [7, 581]. Постепенно на их месте сложилась сеть небольших деревень и выселков, где проживали ямщики самаровской корпорации [6, 19-20]. К концу XVIII в. Самаровская волость состояла как из русских сел и деревень, так и из остяцких. В ее состав вошли деревни, тяготевшие к Самаровскому яму: Базьянова, Тюлина, Шапшина, Конева, Спирина, Зенкова, Скрипунова и др. [8, 75].

Уже в это время результаты российского влияния на аборигенное население в религиозно-нравственной, образовательной и бытовой сферах были очевидны для современников. Так, у остяков, живущих в Тобольском округе по берегам Иртыша, отмечалась схожесть с русскими нравами и обычаями. В начале XIX в. Ф. Белявский отмечал, что остяки, живущие при устье Иртыша, «в сравнении с прочими остяками, живущими вниз по реке Оби, гораздо образованнее. Дома у них очень хорошие, лошадей и коров у них множество, и весь домашний быт сходен с образом жизни русских крестьян».

М.А. Кастрен в середине XIX в. заметил, что у иртышских остяков русское влияние «сказывается всюду: в религии, в нравах, обычаях и в чувствовании, и в мышлении» [9].

А.А. Дунин-Горкавич писал: «Там, где среди остяков оазисами разбросаны русские селения или сами остяки проживают близ границ сплошных русских поселений, весьма заметно влияние на остяцкую жизнь русской культуры». У назымских остяков Самаровской волости Тобольского уезда, проживающих в низовьях р. Назым, – сообщает Дунин-Горкавич, –

существует почти полная русская обстановка: избы с русскими печами, есть мебель – столы, кровати, стулья, самовары; остяки пекут хлеб, одеваются в русскую одежду; некоторые говорят по-русски, а некоторых трудно отличить от русских. В Елизаровской и Кондинской волостях остяки также одеваются в русскую одежду, всюду слышится русская речь, «и даже льются звуки гармоники» [9, 41- 42].

До XIX в. русское население Севера Западной Сибири оставалось малочисленным. В начале столетия численность городского населения составляла немногим более 2000 человек, численность сельского населения – немногим более 700 человек. Почти все русское население края сосредоточивалось в бассейне Иртыша и прилегающего участка Оби [6, 261].

Московское правительство стремилось сохранить промысловые угодья Обского Севера во владении ханты, манси и ненцев, поэтому сдерживало русскую колонизацию края. Несмотря на это, численность русского населения к началу XX в. возросла до 16 000 человек. Особую группу составляли административные ссыльные. Еще в 70-е гг. XIX в. на Севере возникли небольшие колонии ссыльнопоселенцев. Число ссыльных значительно выросло, когда в отдаленные районы стали отправлять активных участников первой русской революции, репрессированных властями [6, 309].

Численность жителей края постоянно росла, в основном за счет приезжих лиц некоренной национальности. Так, в 1939 г. население округа составило 92, 5 тысячи человек, и только свыше 12 тыс. из них были ханты, 5,8 тыс. – манси [6, 344]. С 30-х гг. численность населения округа вновь увеличивается за счет ссыльных. Так, в начале 30-х гг. в Остяко-Вогульский округ было направлено 37400 спецпереселенцев. В частности, Самаровский район принял 6682 человека.

К осени 1944 г. в Самаровский район было сослано 1239 спецпереселенцев. Депортация изменила национальный состав населения. В 1944 г. в районе проживало 20056 человек, из них: 14620 русских, 1733 ханты, 335 манси и 3368 человек других национальностей.

Период 60-80 гг. прошел под знаком освоения природных богатств Севера. Стремительный рост нефтегазодобывающей промышленности вызвал бурный рост населения. В период 1960-1980 гг. население округа увеличилось более чем в 9 раз [9, 164-208], в основном за счет приезжего населения. Тенденция прирастания численности жителей округа лицами не коренных национальностей сохраняется и в настоящее время.

Анализ сложившейся ситуации свидетельствует о том, что длительное контактное проживание народов привело к языковой и культурной ассимиляции коренного населения, наблюдаемой в настоящее время. По данным исследования состояния родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, проводившегося в 2008-

2011 годах, только 57% КМНС в той или иной степени владеют родным языком [10, 129]. А локальное изучение состояния владения хантыйским языком, проведенное в п. Согом, месте компактного проживания хантов, расположенного в Ханты-Мансийском районе, показало более скромные результаты: 45% опрошенных в той или иной степени владеют хантыйским языком. Из них только 25% – свободно [10, 125]. В населенных пунктах с преобладанием русского населения, а таких в Ханты-Мансийском районе большинство, подавляющее количество хантов являются монолингвами – носителями русского языка.

Особенности взаимоотношения языка и социума нагляднее других могут проиллюстрировать гидронимы как наиболее тесно связанный с историей общества класс топонимов.

Обилие водных источников – характерная черта севера Западной Сибири. Реки, их притоки, ручьи, озера, болота являются наиболее распространенными географическими объектами Нижне-Среднего Приобья. Для коренных малочисленных народов Севера, ведущих традиционное хозяйство, гидрообъекты являются источником жизнеобеспечения. В этой связи для их обозначения в хантыйском языке разработана целая система географических терминов. Географические апеллятивы в хантыйском языке выполняют топонимообразующую функцию и в основном выступают в роли определяемого компонента в составе сложных имен. В топонимии Обь-Иртышского междуречья наиболее распространены следующие: *юган*, *еган/ёган*, *ега/яга/ага/ига*, *ях/ёх*.

Данные термины, как и определяющие компоненты гидронимов, характеризующие географический объект по какому-либо признаку, представляют собой адаптированные к нормам русского языка лексемы хантыйского происхождения, раскрываемые из разных диалектов хантыйского языка.

Так, например, *юган* – восходит к хантыйскому *ёхан*, имеющемуся в шурышкарском диалекте хантыйского языка, входящему в западно-хантыйский языковой массив [11, 27]. В топонимии обозначает небольшую реку: *Ай-Евьюган*, *р.*, *Ай-Нюхсатьюган*, *р.*, *Ай-Сорумьюган*, *р.*, *Вармьюган*, *р.*, *Венаюган*, *р.*, *Вылахотьюган*, *р.*, *Ешпурьюган*, *р.*, *Нюхасьюган*, *р.*, *Кальюган*, *р.*, *Кутопанньюган*, *р.*, *Марангьюган*, *р.*, *Ненсьюган*, *р.*, *Ногорьюган*, *р.*, *Нюртьюган*, *р.*, *Охтьюган*, *р.*, *Панньюган*, *р.*, *Пелькутьюган*, *р.*, *Полухьюган*, *р.*, *Рапсиюган*, *р.*, *Сумтыньюган*, *р.*, *Унпанньюган*, *р.*, *Унсорумьюган*, *р.* и др.

Наряду с названиями, содержащими апеллятив *юган*, большой пласт составляют гидронимы с термином *еган* и его вариантом *ёган*, производными от термина *юуэн*, имеющегося в ваховском диалекте хантыйского языка, входящем в восточно-хантыйский языковой массив [12, 275]. В топонимии обозначает большую реку: *Емъеган*, *р.*, *Илиёган*, *р.*, *Люгаёган*, *р.*, *Нюхтьеган*,

р., *Охтьеган*, *р.*, *Пежсиюган*, *р.*, *Пунынъёган*, *р.*, *Сосъеган*, *р.*, *Утьеган*, *р.*, *Шишъеган*, *р.* и др.

Варианты *ега/яга/ага/ига* представляют собой модификацию географического термина *йāхэн*, функционирующего в сургутском диалекте хантыйского языка, входящего в восточно-хантыйский языковой массив [13, 23]. В топонимии обозначает маленькую реку: *Айега*, *р.*, *Варынъяга*, *р.*, *Вачъемъега*, *р.*, *Вонтырпетъега*, *р.*, *Кальемъега*, *р.*, *Колынъега*, *оз.*, *Луега*, *р.*, *Мордъега*, *р.*, *Нёръега*, *р.*, *Вочъяга*, *р.*, *Вацага*, *р.* и др.

Следующий апеллятив является одним из наиболее продуктивных в исследуемой топонимии. Термин *ях* и его вариант *ёх* встречаются в названиях небольших рек на всей исследуемой территории и восходят к термину *ёх*. Апеллятив раскрывается из казымского и сургутского диалектов хантыйского языка [12, 275]: *Амутъях*, *р.*, *Вандях*, *р.*, *Аньях*, *р.*, *Вандях*, *р.*, *Вачях*, *р.*, *Вычях*, *р.*, *Итьях*, *р.*, *Пырях*, *р.*, *Савъях*, *пр.*, *Сагальях*, *р.*, *Ханжиутъях*, *р.* и др.

Этимологический анализ географических терминов и их сравнение с производящим словом показывают, что исконные термины претерпели фонетическое освоение, при котором хантыйские звуки, не совпадающие в произносительном отношении с русскими, стали передаваться посредством русских звуков. Фонетическая трансформация топонимов – это закономерный процесс, являющийся следствием принятия русскими переселенцами топонимии, созданной хантами. Заимствуя иноязычную лексику, русские сделали ее удобной для употребления, подчинив нормам своего языка.

Использование адаптированной топонимии характерно для всех носителей русского языка, поэтому хантыйское население, утратившее владение родным языком, употребляет в речи русифицированные названия.

Ханты-билингвы используют в речи имена географических объектов двояко, в зависимости от ситуации общения. В хантыйской речи употребляют автохтонные названия, в русской – официальные, адаптированные к нормам русского языка.

Названия водных источников считаются наиболее устойчивыми знаками языка, почти не подверженными изменениям. Гидронимы часто сохраняются в одном и том же виде веками и даже тысячелетиями [14]. Тем не менее в особых социально-исторических условиях подчиняются воздействию доминирующего языка.

Таким образом, рассмотрев особенности функционирования гидронимии хантыйского происхождения как важной части языка, приходим к выводу о социальной обусловленности топонимических явлений. Это обстоятельство является подтверждением тезиса о зависимости языка от изменения состояния человеческого общества.

Литература

1. Российская массовая культура конца XX века: материалы круглого стола, 4 дек. 2001 г., Санкт-Петербург / Отв. ред.: Б.Г. Соколов. – СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. – 225 с. – (Серия Symposium; 15). – Библиогр. в конце отд. ст. и в подстроч. примеч. Шифр РНБ: 2002-3/560; То же [Электронный ресурс] // Web-кафедра философской антропологии. – [СПб.], 2001. <<http://anthropology.ru/ru/texts/gathered/masscult>> (06.02.2006).
2. Сычалина Е.В. Немецкая топонимия Поволжья: социолингвистический аспект исследования: дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2008.
3. Казанская лингвистическая школа // Лингвистический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/209b.html> (дата обращения 17.12.2013).
4. Бауэр М.М. Трансформационные процессы полиэтнического языкового пространства: дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2007. – 187 с.
5. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. – Волгоград, 2000. С. 10-19.
6. История ХМАО с древности до наших дней: Учебник для старших классов / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. – 465 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – 7-е изд. – СПб., 1996.
8. Исламова Ю.В. Из истории русской ойконимии Нижне-Среднего Приобья. Актуальные проблемы лингвистики: сборник статей Международной межвузовской научной конференции, проведенной на кафедре русского языка и методики его преподавания Сургутского государственного педагогического университета 23 апреля 2010 года / Отв. ред. Н.Н. Парфенова. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. Выпуск IV. – С. 75-80.
9. Загороднюк Н.И. Самаровский край: История Ханты-Мансийского района / Загороднюк Н.И., Ю.Н. Квашнин, А.Ю. Конев, И.А. Ломакин, В.Г. Усманов; Под ред. А.Ю. Конева и В.Г. Усманова. – Тюмень: Мандер и К, 2003. – 296 с.
10. Хакназаров С.Х. Состояние родных языков коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2008-2011 годах. – Ханты-Мансийск, 2012. – 202 с.
11. Скамейко Р.Р., Сязи З.И. Словарь хантыско-русский и русско-хантыйский (шурыш. диал.): Пособие для уч-ся нач. шк. – СПб.: отд-ние изд-ва «Просвещение», 1992. – 271 с.
12. Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: В 3-х. Т. 3 – Ханты-Мансийск: Сократ. 2000.
13. Хантыйско-русский словарь (сургутский диалект) / Сост. В.М. Глушак. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. – 108 с.
14. Крюкова И.В., Супрун В.И. К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. – Екатеринбург, 2004. – № 1. – С. 75-86.

Образ тундры в хантыйской литературе

Е.В. Косинцева, кандидат филологических наук, доцент
Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск

Аннотация. Тема природы в хантыйской литературе определяет круг образов, к которым чаще всего обращаются хантыйские поэты и прозаики. И наряду с традиционными образами реки, леса, солнца и прочими выделяется образ тундры, столь редкий в произведениях хантыйских писателей. К этому образу в поэзии обратились М.И. Шульгин, М.К. Вагатова, Р.П. Ругин. Последний воссоздал его и в прозе, когда заговорил об экологической проблематике.

Ключевые слова: хантыйская поэзия, образ, М.И. Шульгин, М.К. Вагатова, Р.П. Ругин.

Тундра – одна из пространственных категорий в творчестве хантыйских поэтов. Работ, в которых бы концептуально раскрывалось данное понятие, в литературе немного. Хастаева Н. в статье «Концептосфера в поэзии Улуро Адо» отмечает: «Тундра для кочевника-северянина ассоциируется со свободным выбором своего пути, свободой движения, свободой выражения. <...> тундра – это и жизненное пространство <...>, пространство его духа, и художественный образ матери-богини» [1].

Тундра – не столь типичный образ для хантыйской поэзии, да и в хантыйской прозе можно выделить только повесть Р.П. Ругина «Гул далекой буровой», в которой через раскрытие экологической темы появляется образ тундры. Вместе с тем интересно посмотреть, как изображали тундру писатели-северяне.

В хантыйской поэзии образ тундры присутствует, но не у всех поэтов. У Шульгина есть стихотворение «Лабытнанги», в котором лирический герой вспоминает первозданные священные тундровые места (на это указывает семантика числа семь), на которых теперь возвышается населенный пункт. Тундровое пространство имеет естественные границы, выраженные рекой Обью и Уральскими горами:

Раньше тут над тундровым ковром,
Где водились только белки-ланки,
Лиственницы мерзли всемером [2, 41].

Характеризуя тундру, поэт использует определение «дикая». Подарком же для нее являются плоты, которые отправляют по реке люди. В стихотворении «Медовая Обь» читаем: «И подарком для тундры дикой / По реке сплывают плоты» [2, 53].

В лирике М.К. Вагатовой встречаем традиционное восприятие тундры как олицетворение свободы и символа родины. В стихотворении «И гордая, и красива...» последние два стиха – прямое доказательство этого, озвученное устами лирической героини: «И не знаю я вольней / Тундры – родины моей!» [3, 9].

В восприятии Вагатовой тундра имеет душу и сердце, лицо и тело. Лирическая героиня, ощущая свою сопричастность к тундре, на что указывает притяжательное местоимение «моя», стремится украшать-одевать тундру в одежды, ожерелья, тем самым очеловечивая, одухотворяя ее. В стихотворении «Моя тундра» читаем:

Знаю, помню, тундра, твою душу и сердце.
Вижу твое лицо и тело – лето.
Смотрю на твои украшения:
Кусты карликовых березок – это ожерелья,
Мягкая нежная поросль молодых трав –
Твое одеяние [3, 108].

Тундра сравнивается с невестой, в которой жених ищет свою судьбу (здесь образы жениха и невесты метафорические, отсылающие к древесным символам):

Словно жених, высокая единственная сосна
Оглядывает пространство тундры,
Слегка улыбаясь,
Ищет свою судьбу – любимую [3, 108].

Тундра становится местом духовного просветления, не случайно лирическая героиня использует выражение: «Думы мои обретают крылья»; источников внутреннего тепла и красоты. Интересно стремление героини обратиться в птицу, «которая улетает на зиму, а гнездится здесь». Последние два стиха – это обещание, раскрывающее основные функции тундрового пространства:

Каждый год буду прилетать к тебе,
Чтоб набираться снова силы и красоты [3, 108].

Н.В. Цымбалистенко, анализируя творчество Р.П. Ругина, пишет: «Принципиальное значение для поэта имеет судьба родного края, сохранность ямальской тундры и лесов, драма народа, оказавшегося на распутье

между традиционным укладом жизни и технической цивилизацией. В стихотворении с многозначительным названием «Мучительный крик» он поэтическим слогом говорит о самой насущной проблеме народа:

Вольные пастбища гибнут, нищают:
Белого сочного ягеля пласт
Топчут машины небрежно, как наст,
И в неживую труху обращают [4, 15].

Гибель тундры как экологическую катастрофу, сотворенную руками человека, осветил писатель в повести «Гул далекой буровой». Это единственная в хантыйской прозе повесть, в которой мы видим тундровое пространство. В произведении Кулик говорит Карыкуру: «Как будто есть у нас время о ваших пастбищах думать! Нет у нас на такую чепуху времени – страна нефти ждет, газа. Вот как ждёт! Нефть и газ! Вот что сейчас главное. А олени ваши – тьфу! – Кулик, словно ему тяжело было дышать, нервным движением рванул молнию надетой под пальто кожаной куртки. – Нефть, нефть, вот что важнее всего в вашей тьмутаракани! А чтобы добыть, надо как можно быстрее и тайгу вашу, и тундру покорить. Только так.» [5, 197].

А. Урванцев пишет о том, что «повесть с чисто производственным названием «Гул далекой буровой» вся пронизана страдальческим пониманием необратимости процесса гибели тундры, оленеводческих пастбищ под натиском геологов, буровиков. «Сколько в наших краях таких вот мертвых озер появилось <...>. Емкости солярккой наполнили. При большой воде катером эту солярку возили. А бочки-то они посадили рядом с озером. Зимой у них побежало из какой-то бочки – где-то там чего-то треснуло <...>. И, солярка – прямо в озеро» [6, 72].

Писатель пытается донести мысль о том, что раны природы затягиваются медленно: «Попортили они нам пастбища своими машинами, вот что. И не то чтобы испортили – можно сказать, совсем уничтожили: вокруг озера Енгта тув верст на двадцать все кругом избороздили, живого места не сыщешь – страшно смотреть на землю... Убили нас эти люди из экспедиции, просто убили!» [5, 113]. В этих словах героя видна та гражданская убежденность, которая руководит его действиями.

Сама природа неоднозначно воспринимает наступающие преобразования. Писатель отражает это в тех немногих пейзажных зарисовках, которые есть в произведении. В начале повести стоит ветреная погода, которая как бы старается убрать инородные предметы с земли, предупредить людей о грозящей опасности: «Пуржило сильно, и зоотехник оленеводческой бригады Карыкур держался, как привязанный, на расстоянии броска аркана за передней упряжкой – долго ли потерять друг друга за такой круговертью в бескрайней лесотундре <...>» [5, 72]. Непогода, выражающая недовольство природы, резко сменяется светлыми картинками гармонии мира. Так,

на следующее утро «затяжная вьюга прекратилась, и сияло солнце, вокруг стояла удивительная первозданная тишина».

Описание месторасположения бывшей буровой вызывает возмущение у Карыкура. Вначале он стоял и думал «то ли война в эти местах прокатилась, то ли какой-то погром <...> под обрывом валялись пустые бочки, некоторые – наверно, не без умысла – были опрокинуты, оставшиеся в них масло и солярка текли по склону – прямо в озеро. Рядом с мелким ельником, страшно изуродованном машинами, валялись неопрятной кучей бурильные трубы <...>, но больше всего поразила его огромная куча цемента, брошенная под открытым небом» [5, 100-101]. Масштабность разрушений усиливается ностальгическими воспоминаниями Лозар-аки о былой красоте и величии погубленных мест: «Два года назад, когда геологов не было, водилась кое-какая живность. Мы с пастухом Калином сетку бросили. На следующий день еле из воды вытащили. Ячеи свободной не оставалось – мешка четыре за один раз взяли. Сплошь сырок, как муксун. Поставил Калин в прошлый год сеть – еле на варево поймал. Сколько в наших краях таких вот мертвых озер появилось <...>» [5, 110]. И продолжил: «Как злой черт Куль, эти машины. Зверь не пройдет, а они пробьются. А там, где они пробились, ничего уже не растет – ни ягель, ни другой какой мох, ни дерево...» [5, 113]. Да и Карыкур видел, что оставляет после себя человек, не думающий о будущем этой земли и людей, живущих на ней: «Карыкур начал внимательно приглядываться к местности <...>. Вне всякого сомнения, этот природный коридор весной и летом становится излюбленным путем для перелета гусиных стай – немудрено, что как раз здесь-то совершал свои подвиги бригадиров дед <...>. Видны были бесчисленные колеи от пригнанной сюда техники. Пока строили вышку. Бурили и проводили испытания скважины, колесные и гусеничные машины так изгназдили землю, что даже снег не мог скрыть этих глубоких шрамов...» [5, 121]; «Слепой, и то старается ходить одной дорогой. А эти? Так – будут хозяйничать – скоро совсем оленей выпасть негде станет <...>» [5, 122]. Карыкур – типичный герой, появившийся в хантыйской прозе под влиянием традиций деревенской литературы.

Общие картины природы, описания окружающего мира всегда созвучны у Ругина внутреннему состоянию его героев, дополняют общую идею, которую хотел раскрыть автор в своем произведении. Именно Карыкур в повести «Гул далекой буровой» обостренно чувствует природу, переживает за нее и беспокоится: «Карыкур сидел на нарте и до слуха его все яснее доносился дальний грозный гул новой буровой. Но еще громче звучал в его душе тревожный вопрос: «Неужели и эта буровая принесет кому-нибудь беду? Неужели?»» [5, 200]. Описания, образы-символы, звуки природы не только дают представление о месте событий, а зачастую и являются главной

характеристикой героя в произведении, одновременно создавая общий тон – лирический, философский, скорбно-печальный. Звукопись становится важной чертой авторского стиля повести. Повесть заканчивается гулом и неизвестностью. Карыкур, «подставив лицо горячему солнцу», прислушивался к отдаленному гулу буровой, доносившемуся с востока: «Вот и еще одна забурила. На новом месте. Что же дальше-то будет? Не вылетит ли из-под земли семиклювый-семикрылый ворон, не наделает ли новых бед? Да-а... Неужели нельзя так брать нефть, чтобы не губить тайгу и тундру? Можно, наверно. Не зря же райком занялся этим делом, поприжал кое-кому хвосты за бесхозяйственность, за испорченные пастбища <...>» [5, 195].

Видим, что экологическая тема, озвученная Ругиным в повести, созвучна тем проблемам, которые характерны для произведений деревенской прозы. Та же ситуация с буровой, издающей гул и воспринимающейся черной железной птицей, будет создана Е.Д. Айпиным в повести «В ожидании первого снега». Правда у Айпина герой примирится с буровой, сам станет одним из членов ее коллектива, а тундровое пространство заменит лес.

Как видим, тундра – не столь распространенный образ в хантыйской поэзии и прозе. В лирике М.И. Шульгина и М.К. Вагатовой тундра осмысливается концептуально, особенно в творчестве последней. Тундра является не только выразителем пространственной категории, дома, но и становится местом поиска судьбы, обретения внутренней красоты, духовного просветления. В этом образе сохранились отсылки к древней культуре, на что указывает антропоморфизм образа и использование числовой символики. Р.П. Ругин воссоздал образ тундры и в прозе, когда заговорил об экологической проблематике. Отчасти такое предпочтение можно объяснить территориальными особенностями, ведь Р.П. Ругин – автор, проживающий на территории ЯНАО, значительные пространства которого занимают тундра и лесотундра. В повести Р.П. Ругина «Гул далекой буровой» тундра стала не просто воплощением малой родины, не просто местом действия, она раскрыла характеры главных героев, противопоставив их, стала средством типизации героя-праведника, вошедшего в хантыйскую прозу под влиянием традиций деревенской литературы.

Литература

1. Хастаева Н. Концептосфера в поэзии Улуро Адо // Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com>. (дата обращения 12.04.2013).
2. Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н.И. Величко. – Ханты-Мансийск: Издательский дом «Новости Югры», 2009. – 304 с.

3. Вагатова М.К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. «Новое время», 2002. – 192 с.
4. Цымбалистенко Н.В. Север учил, ничего не тая... (Творчество Романа Прокопьевича Ругина). – Салехард: Красный Север, 2008. – 56 с.
5. Ругин Р.П. Избранное: Повести. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2001. – 560 с.
6. Урванцев А. Сердце, пронзенное любовью // Бард снежной державы: Страницы жизни и творчества Р. Ругина. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2000. – С. 69-74.

Сравнения в мансийском детском фольклоре

М.В. Кумаева

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Многие сравнения входят в наше сознание с раннего детства и представляют собой простейшие формы образной речи. В данной статье рассматриваются сравнения, используемые в текстах мансийского детского фольклора. Выявляется пять основных семантических групп сравнений.

Ключевые слова: фольклор, сравнения, детские сказки, мансийские загадки.

На материале мансийского фольклора нами в данной статье будут рассмотрены и проанализированы сравнения. «Термин «сравнение» ... понимается как простейший троп, т.е. оборот речи, состоящий в употреблении слова и выражения в переносном значении» [1, 195]. На основании особенностей семантической структуры сравнения мы сделаем попытку выделить группы предметного сравнения. Сравнения, используемые сказителями, «помогают образному изображению самых различных предметов, качеств, действий» [2, 89].

Приведем примеры: «Приехали люди, ... стали стрелять в спящих стрелами и убивать их, словно уток во время охоты на дичь»; «Тот, который направился к богатырю в Нахрачи, исчез в пути, словно южный ветер, не добравшись до места» [3, 81]. Показателем сравнительных отношений в языке являются, прежде всего, сравнительные союзы как, словно и т.п.

Многие сравнения, которые встречаются в фольклорных произведениях, взяты из мира природы, традиционного быта манси, производственной деятельности человека.

Многие слова «по своей природе являются образами... В языке есть слова, отдельные значения которых мотивированы образными ассоциациями, т.е. слова-образы...» [4, 100]. Приведем пример из текста сказки «Савалап» 'Сиротка' следующие сравнения, возникающие в речи персонажей: «*пõрхум эл тõрас, лãглагум – сãлы пõснэ ййвыг* 'моё туловище с вершок, ноги мои длиною с хорей, которым погоняют оленей'; *ам какрум эл тõрас, лãглагум – сãлы пõснэ ййвыг* 'моё туловище с вершок, ноги мои длиною с хорей, которым погоняют оленей'; *сав тотункве, вось тотункве лãвим хõтна хотум хунь ёмты* 'с человеком, обречённым испытать печаль, разве может что-либо случиться' [5, 98].

На основании вышеприведенных сравнений в речи героев сказки можно сделать вывод, что такие сравнения употребляются в экстремальной ситуации, когда герой сказки находится в большом напряжении из-за необходимости спасти свое здоровье или жизнь. В этих ситуациях сравнение служит приёмом для придания эмоциональной окраски основной мысли или для выражения чувства. «Сравнение – фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [6, 450]. Примеры из сказок: «*Такви тай, Суйпил лўпта пãнхвит ёсаң хум, энтапётт лãнныт ханэгыт, сяр элмхõлас хольт потырты. Нас такви тай такем ты мãнь, ёсаге суйпил лўпта пãнхвитыг* 'А у мужчины, лыжи которого шириной с брусничным лист, на поясе висят добытые белки, и говорит он, как человек. Сам он такой маленький, и лыжи его – шириной с брусничным лист'. В данном сравнении лыжи маленького мужчины сравниваются с брусничным листочком'. «*Ос мãньхум порат õньсям хўлум лув, сэмьл лувм, тах хотыютэн ёхты. Хõтал нãглуме лялт лўлен*» 'В молодости у меня был конь цвета золы, чёрного цвета конь. Какой-нибудь из них придёт...'. Здесь сказителем дается цветное сравнение – «чёрный цвет; цвет золы». «*Экватэ лãви: «Маныр акваг ост тай ты эт палыт сартэгын?»* 'Жена ему говорит: «Почему, – говорит, – всю ночь не спишь, всю ночь всё ворочаешься?»'. Слово *сартэгын* в буквальном значении имеет перевод «на поверхности тереть, натирать что-либо, чем-либо». Другой пример: ...*тыкем пыгрисьмён ос туля сым яныт пыгрись, мён ман тãнут ат õньсимён* '... а для сына нашего, у которого сердечко с наперсточек, разве пищи не найдется'. Отец «сердечко» сына сравнивает «с наперстком» [7, 14-20, 106].

В отрицательных сравнениях подчеркивается не сходство, а различие между членами сравнения, приведем в пример некоторые мансийские загадки: *Ам åщум-õв! Та сãмныл тотым уткве лãг осэ åтим, пуңк осэ åтим. – Нãн ханьщислõна, ты мãныр? – Ты мўни åмыщ* 'Моя загадка – эй! С иного края доставленное нечто не имеет ни хвоста, (не имеет) ни головы. – Вы угадали, что это? – Про яйцо загадка'; *Ам åщум-õв! Тãлы*

ат пōляве, туйи ат пōляве. – Ты māныр? Ханьщелын. – Ты сым āмиц
‘Моя загадка – эй! Зимой не мерзнет, летом не мерзнет. – Отгадайте, о чем
эта загадка? – Это про сердце загадка’; Ам āмицум-ōв! Ницта хār лōльнэ
мā нирн ат тēлаве, пумн ат тēлаве. – Ты māныр? ханьщелын! – Ты
āрац ‘Моя загадка – эй! На том месте, где стоял необученный олень-самец,
ни прутика не вырастет, ни травы не вырастет. – Что это? Отгадайте! – Это
кострище’ [8, 66-84, 110].

Приведем примеры из текста кумулятивной сказки «Катюпа-катюпа»
‘Кошечка-кошечка’:

- Катюпа, катюпа, палюпа маныр? / – Палюпа – лўпта.
- Самупа маныр? / – Самупа – нāйсāн.
- Нёлупа маныр? / – Нёлупа – сēныг...
- Кошечка, кошечка, что у тебя за ушки? / – Ушки мои-листочки.
- Что за глазки у тебя? / – Глазки мои-уголѣчки.
- Что за носик у тебя? / – Носик мой-трутовичок.
- Что за язычок у тебя? / – Язычок мой-напильничек.
- Что за ротик у тебя? / – Ротик мой-развилинка.
- Что за головка у тебя? / – Головка моя-ковшичек.
- Что за хвостик у тебя? / – Хвостик мой-парус.
- Что за лапки у тебя? / – Русские рукавички.
- Что за ножки у тебя? / – Ножки мои-шесточки.
- Что за спинка у тебя? / – Спинка моя-таганок.
- Что за кишочки у тебя? / – Аркан, ловить семь оленей, шесть оленей.
- Что за сердечко у тебя? / – Сосновая шишечка.
- Что за желудочек у тебя? / – Ненки мешочек.
- Что за шкурка у тебя? / – Шкурка моя – кувьсы (меховая шуба)’ [9, 14].

Через устное народное творчество дети познают историю своего народа, духовную и материальную культуру, формируется образное мышление. Во многих словах используются уменьшительно-ласкательные суффиксы (-па; -кве), например, *катюпа* ‘кошечка’, *нёлупа* ‘носик’ и т.д. Главные герои сказок обращаются к взрослым персонажам-героям (не только женщинам, мужчинам), которые не являются им родственниками, например, с такими словами как *аква* (āквэ́кв, āквмё́кв) ‘тётя, бабушка’, *аки* (аким ой́ка) ‘дядя, дедушка’, которые передают только эмоцию говорящего по отношению к другому субъекту или выполняют функцию вежливого обращения. Уважение детей к взрослым, к знакомым, к родственникам, незнакомым сказителями прививается непосредственно через фольклор. Так, приведем пример из сказки «Эква пыгрись нял пāхвты» ‘Эква пыгрись пускает стрелу’: женщина с берестяным кузовом посадила мальчика в свой кузовок и похитила его. Мальчик «быстренько сделал отверстие, выпрыгнул через него и крикнул: «*Āквмё́кв-ув, ам кон та патапасум!*»

‘Бабушка, а я на воле!’ Приведем другой пример из сказки «*Мātāпрись ос Хār ой́ка*» ‘Мышонок и олень’: *Мātāпрись вōрт хāйтыгы...* ‘Бегал мышонок по лесу’. Встретился он там с оленем и говорит ему: «*Аким ой́ка, туйтыглахтымён!*» – «Дедушка, давай поиграем в прятки!». Пример из сказки «*Мātāпрись ялы-мины*» ‘Мышонок-путешественник’: *Аквматэртн ань няврамытн мātāпрись йинэ́тэ та кāsалавес, та рōнхалтахтасыт: «Аким ой́ка, аким ой́ка! Пāг йиен, пўт тāен! Мāн сымри хўл пāйтсув!»* ‘Увидели дети, что плывет мышонок, и закричали: «Дедушка, дедушка! Пристань к берегу, покушай, мы окуней сварили!»’ [10, 27].

В сказке «*Сяңсикве-Каткасы*» ‘Птичка синичка’ дается цепь сравнений от «носика» до «хвостика» синички, пример:

- Птичка, – уук! Что за носик у тебя? / – Ломик, которым долбят весенний лёд, осенний лёд.
- Птичка, – уук! Что за глазки у тебя? / – Берестяные чашечки с водой цвета чаги, цвета золы.
- Птичка – уук! Что за головка у тебя? / – Ковшичек для питья весенней воды, осенней воды.
- Птичка – уук! Что за туловище у тебя? / – Корытце собачку кормить, корытце собаку кормить.
- Птичка – уук! Что за грудка у тебя? / – Лодочка для озёр, лодочка для больших рек.
- Птичка – уук! Что за кишочки у тебя? / – Аркан, чтобы ловить семь оленей, шесть оленей.
- Птичка – уук! Что за ножки у тебя? / – Столбики для весеннего домика, столбики для осеннего домика.
- Птичка – уук! Что за крылышки у тебя? / – Покрытие для весеннего домика, покрытие для осеннего домика.
- Птичка – уук! Что за хвостик у тебя? / – Дощечка ненки для раскроя.
- Птичка – уук! Что за сердечко у тебя? / – Напёрсточек ненки» [9, 12].

В языке мансийского фольклора часто используется эллипс. «Эллипс (эллипсис) – это стилистическая фигура, пропуск слова или ряда слов в предложении, при котором смысл пропущенных членов легко восстанавливается из общего речевого контекста... в разговорной речи за эллипсами закреплена исключительно практическая функция: говорящий передает собеседнику информацию в необходимом объеме, используя при этом минимальный лексический запас» [11, 298]. Этот приём позволяет маленьким детям легко запоминать такие тексты сказок. Лексика, рассмотренная нами в текстах детских сказок «*Сяңсикве-каткасы*» ‘Птичка синичка’, «*Катюпа-катюпа*» ‘Кошечка-кошечка’, «*Эква пыгрись нял пāхвты*» ‘Эква пыгрись пускает стрелу’, «*Савалап*» ‘Сиротка’, находившаяся долгое время

в употреблении в мансийском языке, постепенно уступает место новой лексике. Например, средства передвижения, используемые в рыбной ловле, такие как *мăньхăн* ‘колданка’, *ййв хăн* ‘деревянная лодка’, заменяются в настоящее время железными или резиновыми лодками. А предметы охоты, такие как *ёвт* ‘лук’, *нăл* ‘стрела’, *сирай* ‘сабля’, заменены на современные орудия охоты, в частности, ружьё. Предметы быта, например, *сăнкѣзм* ‘чашечки берестяные’ заменены на современную посуду – глиняную и фарфоровую, *хурасункем* ‘корытце (берестяное)’ заменяется на металлический таз и т.д. Национальная мансийская одежда *кувь* ‘гусь (зимняя шуба)’, *сахисункве* ‘шубка (с орнаментом из оленьей шкуры)’, *янк вай* ‘белые кисы’, *янк пѳрха* ‘белая парка’ в настоящее время заменяется на современную одежду, приобретенную в магазине.

Поэтический мир мансийских песен отличается утонченной образностью и эмоциональностью. Мы приведем в пример песню исполнительницы Д.С. Самбиндаловой. Ею в четырнадцатилетнем возрасте была создана песня «*Ййв талях аги эрыг*» ‘Девушка верхушек деревьев’. Исполнитель песни умело использует выразительные возможности родного языка, ею создаются яркие художественные образы, такие как «Девушка верхушек деревьев..», «Три кедра, ветви..», сравниваются с красивой формой глухариного хвоста, «О снежной девушке сказка...»

Ййв талях аги эрыг

Ййв талях аги-а эрыг-я-квем,

Эл тўйх аги мўйтыя-а-квем,
Тўя хўталакве вăрыглалы.

Мăсьтыр ағил ёмас турквел,
Ййв талх ағия-а эрганѣтэ суйты.
Тѣлы хўтал вăрия,
Сѣпыр-кѣна пўныѣа хўрум ўльпаквем,

Щисгима-а-я лўлянтанѣнъл.
Асирма-я турпа-я ѳтырыѣа вѳтгаве
Кисгима лўлянтанѣ-яе.
Тўя пăлкве хўтала вăрия-а,
Сѣпыркѣна пўныѣа хўрум ўльпаквем

Мăсьтыр ағи ёмас эрганла
Эргана-ла-та-ая суйтыглалы,
Ййв талях аги-а эрыгквем,

Песня «девушки верхушек деревьев»

Песня моя о «девушке верхушек деревьев»,
«О снежной девушке» сказка моя.
Слышится пение «девушки верхушек деревьев».

Мелодией прекрасной песни
Призывает весенние дни.
В наступивший зимний день,
Три кедра с ветвями, похожими на глухариный хвост,
Плачущие стоят.

Холодного северного ветра
Свист стоит над ними.
В наступившие весенние дни
У трёх кедров с ветвями,
похожими на глухариный хвост,
Девушка-мастерица.
Мне слышится песня
«Девушки верхушек деревьев».

Эрыгкеме нѣвитăлыглы.
Тўя хўталкве вăри-а,
Сѣпыр пўныѣа хўрум ўльпаквем

Мăсьтыр ағи хуриѣ эрыг,

Мăсьтыр ағи нѣтнѣ эрыг

Тăн та эргѣгыт, тўя вѳт ке вăрия-а.
Лăпка сăлы лов суртыквем,
Лăпка сăлы вăт суртыквем

Мăнь Лѣпла вăт мăнь пăвылт,

Мăнь пупыгрисъ сѳс вăт мăнь пăвылт

Кисьпурим хăйтѣгыт.
Кисьпурим ѣмѣгыт...

Песня убаюкивающая.
В наступивший день весенний,
Три кедра, похожие на глухариный хвост, всё (песни) напевают.
Поэтической девушки прекрасная песня,
Поэтической девушки красивая песня.
При весеннем ветре песни поёт
Купленные десять оленей-важенок,
Купленные тридцать оленей-важенок,
У берега реки Лѣплы, в маленькой деревне.
Младшего духа-покровителя, у берега ручья,
Добывая себе корм, олени бегают,
Добывая себе корм, олени носятся.

Природа в песне одухотворена. От зимнего ветра возникает издаваемый холодным ветром мелодичный звук вершин деревьев, откуда в воображении сказительницы создается образ «девушки верхушек деревьев», которая своими песнями воспекает и призывает весенние и зимние дни. Наступающие дни и зимние, и весенние «девушка верхушек деревьев» сопровождает своими песнями, «девушка-мастерица прекрасным голосом».

Многие сравнения входят в наше сознание с детства через фольклор. «На все разнообразие образов и сил, составляющих природу, все богатство явлений и красок люди смотрят с необычным благоговением: лес, реки, болота – все природное окружение полно магических сил. Манси – дети природы, они с нею неразделимы. Природа – часть души, частица сердца и жизни каждого» [12, 84]. Исполнитель воспекает красоту и величие «трех кедров с ветвями, похожими на глухариный хвост». Крона кедра сравнивается с распушенным красивым глухариным хвостом. Сопоставляются формы ветвей дерева с хвостом птицы.

Находим в тексте песни и олицетворение: «*Сѣпыр-кѣна пўныѣа хўрум ўльпаквем, Сисгима-а лўлянтанѣнъл*» ‘Три кедра.., Плачущие стоят’. Все художественные средства, такие как сравнение, олицетворение, используемые в песне, передают чувства автора. Е.И. Ромбандеева отмечает, что «О богатстве языка можно судить по устному народному творчеству – легендам, сказкам, загадкам, песням, сказаниям, пословицам, поговоркам. По данным языка можно узнать о характере народа, о специфике его

хозяйственной деятельности, о его верованиях, нравах и обычаях» [13, 3]. В этой песне отражается и верование народа манси в духов-покровителей: *Мань Лэпла вāt мань павылт, Мань пупыгрись сōс вāt...* 'У берега маленькой реки Лэплы, В маленькой деревне младшего духа-покровителя...'. В песне отражено и основное занятие манси – оленеводство: *Лāпка сāлы лов суртыквем, Лāпка сāлы вāt суртыквем...* 'Купленные десять олень-важенок, Купленные тридцать оленей-важенок...'

Таким образом, большое количество лексических единиц, относящихся к материальной культуре народа манси, бытовавших в прошлом, в настоящее время сохраняется в устном народном творчестве (в таких жанрах, как сказки, загадки и т.д.). Многие слова переходят в разряд историзмов, архаизмов. «Лексика – самый подвижный уровень языка, чутко реагирующий на все изменения в окружающей нас действительности, и устаревание лексики – закономерный процесс. Причины этого устаревания могут быть экстралингвистическими, например, утрата обозначаемого словом объекта (что ведет к возникновению историзмов, табуирование...) ...и прочие внешние по отношению к языку факторы» [14, 562].

Итак, в результате анализа фольклорных текстов мы приходим к выводу, что сравнения можно разделить на следующие группы: 1) названия предметов, используемых в охоте и рыбной ловле; 2) названия предметов, используемых в оленеводстве; 3) названия домашней утвари, посуды, предметов домашнего обихода; 4) названия одежды; 5) предметы и явления окружающего мира.

Сравнения, умело используемые сказителями в фольклорных текстах, придают выразительность повествованию, создаваемые яркие образы вызывают интерес слушателей к содержанию произведения, обогащают словарный запас детей. Не менее важна и эстетическая значимость сравнений, используемых в текстах.

Литература

1. Черемисина М.И. О семантической специфике компаративного имени // Языки и фольклор народов Севера: сб. ст. / редкол. Е.И. Убрятова и др. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 195-205
2. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Секреты стилистики. – М.: Рольф, Айрис-пресс, 1998. – 208 с.
3. Богатырь двух горных хребтов (эпическая сказка) / Запись и перевод с мансийского языка М.П. Вахрушевой-Баландиной // Фольклор народов Севера. – Ленинград, 1980. – С. 80-84.
4. Лексика и фразеология русских говоров Сибири / под ред. А. И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1982. – 145 с.
5. Мансийские сказки: для уч-ся 5-8 классов / Авт.-сост. Е.И. Ромбандеева, Т.Д. Слинкина. – СПб.: Изд-во «Дрофа», 2003. – 143 с.

6. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 576 с.
7. Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / авт.-сост. М. В. Кумаева. – Ханты-Мансийск: Изд-во «Юграфика», 2012. – 176 с.
8. Загадки мансийские (вогульские) / Авт.-сост. Т.Д. Слинкина; науч.ред. д.филол.н. Е.И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – 178 с.
9. Мансийские сказки = Маньси мойтыт: для детей дошкольного возраста / Сост., пер. Е.И. Ромбандеевой. – СПб.: Просвещение, 1992. – 24 с.
10. Мансийские сказки = Маньси мойтыт: для детей начальных классов / Сост. пер. Е.И. Ромбандеевой. – СПб.: Алфавит, 1996. – 47 с.
11. Чернец Л.В. Школьный словарь литературоведческих терминов: стилистика. Стихование / Л.В. Чернец, В.Б. Семенов, В.А. Скиба. – 3-е изд., доп. – М.: Просвещение, 2007. – 352 с.
12. Мальцева Э.И. История изучения мансийского фольклора отечественными исследователями. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2000. – 98 с.
13. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 26).
14. Стилистический энциклопедический словарь / под ред. М.Н. Кожинной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 696 с.

Ханты йасңэд-пōтрэд, щит, малы, моңщ

Ф.М. Лельхова, кандидат филологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Настоящая работа посвящена творчеству хантыйского поэта М.И. Шульгина. В статье рассматриваются диалектные слова, фонетические варианты слов, употребляемых поэтом. Особо интересны лексические средства языка: синонимы, антонимы, междометия и частицы, звукоподражания, этнографизмы, табуированная, заимствованная лексика, выявляющие индивидуальный стиль поэта, характеризующие творческий язык поэта.

Ключевые слова: поэт, поэзия, хантыйский язык, произведение, диалектные слова, фонетические особенности, лексические средства языка.

Ханты ху нэм Микуль Иванович Шульгин ханты йасңэл тайты хойат ант хун худьисды. ‘... *ма йасңем, мәнэм ци кем умәиц, ма рут пөтрем, щит, малы, моңиц*’, – тәм иты щи ин хуйэв Һухмәл. Кельчин Геннадий Павлович йасәң «поэт» тәм иты төлмашдәды «лүңәтты арәт ханшты ху», щишән рүщ йасәң стих, стихотворение ма Һөхтыләм тәм иты «лүңәтты ар муй лүңәтты арәт» (Е.А. Немысова йасәң щирән, лүв элтәл худсәм).

Рәхийа тайты лүңәтты ар ханшты икев рут йасңәл сурән ханшәл. Ханты ху мирәл йасәң йәлды тулды. Шулькин Микуль Иванович ар пеләк ханты рут йасңәлән ханшәс. Рүщ йасңа лүңәтты ардал па йөхән әл төлмашиләсайәт. Лүв па Шулькинәв рүщ йасәң моңшәт төлмашәләс. Сорнең хүл па хүл ведты ики элты моңш төлмашман ул. Йасңәл элты кашәң лүңәтты ардала (стихдала) рәхты тус йасәң кәншәл, мосты йасәң пирәйәл.

Ин лүңәтты арәт ханшты хуйэв антәма йис. Лүң педа, 2007 тәдән пәрәс. Удмал пөрайән тәмәщ ханшәм нәпекәт тайәс: «Мави Ас» (1962); Һедәң Айвой (1969) (кәт йасәңән этльийәс, ханты йасәңән, па рүщ йасңа төлмашәм шупәл), Тови ар (1971), мет йүхәт «Благодарность» нәмпи книгайәл этәс (1975). Тәм йисән тәм өтәт хәлшә үлдәв.

Муй иса удмал хүват ханшилдыәс ин икев, рәхи мөхиләлән, эвелән, Н. И. Величкайән па йимелән, Е. А. Немысөвайән и нәпека әктәмәт. Щит – йәләп ун күл нәпек – *Мави Ас*. Ин тәм йисән хөты тәңа щира ханты йасәңән ханштыа мосәл. Тәта щиты щи ханшман ул, йәләп щирән. Щит йәм мосты вер. Йасәң ай тәдән ант тайты йөха пәр мөдты йам, кен, йасәң утылдәтты Һөтәл.

Шулькин, ванты, Асов куртәң ики, өвәс ханты ху. Асов курт ләпән Мүв курт катра удмал, щит опрашдал удәм тәха, щита сәма питмал. Щишән йасңәл – асов хантәт йасәң. Ханшты хуйэв лүңәтты ардал нөх ханшәм йөх, йәләп нәпека әктәм па төлмашәм йөх – нүм мүй элты, нүм мүй хантәт. Щишән дый тухәл йасәңдал дый щирләлән ханшмел, дый пөтәртты щирелән: Йәша хәш *дыв* пәлңа хойдәт (мүй өвәс хантәт Һухмыләв *дыв* йасәң йүкана: *дый*); каз. *пушкан* (мүй щиревән: *пөшкан*); *төм, төмәиц* (шур. мүй щиревән: *түй, түйәиц*); *Иртыш нәмән пунса* (шур. мүй өвәс хантәт йасәләв: *пөтса*) [1, 50]; *йәицләм* (шур. өвәс хантәт йасәңән: *йиңицләм*); *ма аңкем сүх мулдийәс* (шур. *мөлдийәс*), *мүй, йөх, мәнсув* (шур. мүй, өвәс хантәт, Һухмыләв: *[мәтсәв]*) [1, 32]; *унт нөх аләмты* (шур. *п* буква пөтәртләв *м* буква йүкана: *[нөх аләмты]*); *хәиәт күтән төм муй саицләт* (шур. *цаицләт*) [1, 52]; *ус лүв нөмсәң, шеңк мутрайәң* (шур. *нөпсәң*); *түма киты* (шур. *түйма*) [1, 74]; *ил мөлдүйәм таицлал* (шур. мөлдүйәм, глагол мөлдты); *тови унтасән кейләт* (шур. *өнтасән*) [1, 142] па па ар щимәщ хөрпи йасәң уйәтләв.

Ищипа щи Шулькин ики асов ханты йөх йасәң сурән тухәл йасәңдал ханшмал. Па хөты верты, кашәң хойат хөты пөтәртәс энәммалән, ищипа

щиты щи йасәл: *щит, малы, муң хотләв* (шур. *хотләв*) *дойләт*; *мүй верләв күтән катра арләв йөремәсләв* (шур. *верлүв, арлүв, йөремәслүв*) [1, 148]; *этмәс тый* (шур. *ты*); *хөмпәт* (шур. *хүмпәт*); *сыстам Ас йиңк нави* [1, 44].

Лүңәтты арәт ханштыа арсәр йасәң мосәл, и мөдты йасәң элты ар щирән йасәлә – щит синонимәт. Глаголәт хөща ханшты хуйэв ар синонимәт тайәл: *мәриты* (турәмән мәрийәл); *күриты* (йөхан хөща күрийәл мет шопан так йәрт пөрайән, товийән па); *дурәты* (сойәм хөща йиңк дурәйәл). Щәлдта па ин икев тәмиты щи Һухмәл: турәм дурәйәл, нарәс йүх дурәйәл. *Демпиты*; щи кем демпийәл Ас [1, 66]; *хутләты, өбрләты, вольи-ты, тәрәты, әл йәиәицты* па па щимәщ мөдты йасәң шупәт.

Лүңәтты арәт ханшты хуйэв ханшәм нәпекәтән мәрийәл: йасңәл, вөтәв, сойәмләв, турмев, түйт, нарәс йүхәт. Тәмәщ йасңәт худәнтаты:

‘ин сәмем ат арийәл, пөтрем ат мәрийәл’ [1, 144];

‘Вевтам йөхләв пилән питы пәлңән рохәл, күрийәл, мәрийәл, дурәйәл, йасңем щиты мәнәл’ [1, 24];

‘вот ци кем мәрийәл’; *‘вөтәв күрәң мәрәң сый’*;

‘товийән йәңк нопыттыйән йөхан күрийәл’, *‘соймәт туп мәрийәләт’*;

‘турәм дурийәл, турәм күрийәл’ [1, 64];

‘мәрийәл, турәм иты мәрийәл, ун похәл пөрайән’;

‘питы пәлңән рохәл’; *‘түйтән хөрицийәл’* [1, 168], *дәты түйт мәрәң сыйән* [1, 132] па пайасңәт па.

...Хөтәң мәрийәл, нарәсыйүх дурәйәл,

тор сапәл хөңийәл, хот хәри тәрийәл... [1, 82].

Щәлдта па кашәң йасәң антонимәт тайәл. Мүй ханшты хуйэв арсәр щимәщ йасңәт уйәтмал: *пурләл нөх, дәтәл ил*; *тынәң лүй, сорнең сүс* [1, 68]; *йәртән ма лөхәтәсәм, вөтән муңхәсәсәм*; *турәм кимла мәнәл, этәр хәра өбрләл* [1, 20]; *өвәс – меләк мүй*; *намән өвәл Ай Ас, вүйтән хөрам унт* [1, 144]; *муй па хошәм нүй мүйән, муй па ицки өвәсән* [1, 164]; *төбрәплән вүйртәт, унәтлән питәт, нөви элән* [1, 166].

Йөшәл вениа, йөшәл ийниа [1, 82]. Щит йакты пөрайән, ханты пөх йакемәл, йөшәл ты-төхи йәңхемиләт. Щимәщ хөрамәң лүңәтты ар тайләв пөтәв йасәң өнтасән. Щи йасәңдал посән и утылдәтты нә, Лариса Ивановна Калинчук (Угут вошән рупитәл Сургутский районән), рүщ ар вермал, Һавремийәтән умәщман арида.

Шулькинәв лүңәтты арләлән мөлт арат ханты па руш йасәң междометийа, частица ханшман тайәл:

Йа-та, йәшаца такан [1, 184];

Йана, ики, йәмәт тәл хәтләт!

ма-са, ма-са думтыләләм [1, 22];

ма-са йәиңцемәләм... ма-са хөдицәмәләм [1, 48];

ил-са дөйәмтийа [1, 78] па пайасңәт.

Щиңэнща па рўщ йасэң эдты уйэм междометийа йасэндал:

‘*О, ма йасңем, мйнэм ши кем умэц,*

О, ма рут пōтрэм, щит, малы, моңщ’ [1, 24];

‘*Эй, вот, ухэл кўрэтэн кўща*’ [1, 178];

Ўды муй ўдэң ухэл воштэты сый па тата уйэтлэв.

‘Ма рут вўдыдам, *киш-киш-киш!*’

‘Ма рут вўдыдам, *цо-цо-цо!*’ [1, 134];

‘Вўдэт, *хей, хей*’;

‘Вўдэт, *хэй, хэй*’.

Лўңэтты арэт ханшты хуйэв катра йох, катра пōрайэн ханты йасңева питэм рўщ йасңэт нōх ханшмал. Щимэщ йасңэт мўң хўнтылэв катра ант тайэдысэт, шишэн ханшты хуйэв йасэң пирэмал: пушкан, пōшкан; тўтэң ухлэт унтэн мандэт; кас; кас кеолокэт уйэтсэт; кораплэт; теплохотэт; машинайт; тўтэң туйэт; тōхлэң хоп, вышкайт, немщэт; тām йām лāщны па па йасңэт.

Тухэл рўщ йасэндал па ант тōлмашдэды: ‘тāmэщ музыка сый’ [1, 184]; вōлаң нефть [1, 150].

Тухэл йасңэт туп Шулькин икев оңтасэн ин ханты йасңевэн тāmиты и хāщсэт: пакэн; кораплэт; кас; кас кеолокэт уйэтсэт [1, 34]; тўтэң ухлэт; тōхлэң ухлэм [1, 102]; Пурэт мўва ат дōндэт, машинайт ат кўрэтлэт [1, 148]; лўв нумэсэс вольна щирны [1, 148]; солтан [1, 128]; лушэтты ху; туса тулды йоха пучта; мат тельакен ухлэт турэмэн мандэт [1, 64]; тўма китты [1, 74].

Тāmэщ рўщ йасңэта (кас, нефть, кеолокэт) лўңэтты арэт ханшты хуйэв рут йасэң кāншэл. Ши оңтасэн йāлэп ханты йасңэт тыйлэт (рўщ щирэн неологизмэт): *унтэн йуш кāншты йох, мўв вōй, мўв илпи тацэт, мўв илпи дыл шив* – [1, 168], *йўх шўв куўувэт нурлэты нитсэт* – щит нипэрэвэт, пелнайэт, пирмэт.

Щāлдта па Шулькинэв ханты сōх, ханты пōрмас эдты ханшэл па хāња йасңэт арталдэды. Ши йасңэт хōты йасңевэн айэлдайэт, щиты и пōты-ртдайэт (рўщ щирэн этнографизмэт, табуированная лексика): пōрлы, салтэм кепэл ханты вайнэн, сос нўки вайэт, сāх, молщан эдты сōхем, щума, сух сōх, сўвем пōнтсэм вōщхэсэм кийарэл [1, 102], тōнты венш, лунх, шепан, куйэп, Миш нэ па па щимэщ хōрпи йасңэт.

Хāња йасңэт па уйэтлэв тата: вошэл кўншэс (=вошэл щит охэл) [1, 32], ‘ōтэм хошкэсэм, нōхлы ши шāншсэм ‘пōшканэл хошкэл’ [1, 46], ханшидал ‘щит кўр пāтэл=йош пāтэл’.

Хōты сыйэт щашлэт пāда (рўщ йасэңэн – звукоподражательные слова) ищи нōх ханшлэды. Муй войэт ўвдэт, муй йиңк щōрийэл, холщемэл ищи кāт йасэң щирэн, муй рўщ щирэн нухмыды, муй ханты щирэн нухмыды: ‘пōл-пōл-пōл’, ‘вўл-вўл-вўл’. Йиңк холщемэты сый эдты (‘пōл-пōл-пōл’,

‘вўл-вўл-вўл’) ханшты икев тāmиты туса ханшмал: Ас хōмпийет щўлэң рāпэш [1, 52].

Тām ханшэм пōтрэмэн ханты лўңэтты ар ханшты хуйэв М. И. Шулькинэв муй рāхты йасңэт арталдыйэс, нōх ханшэдыйэс, ма щит эдты йасэң тайсэм. Лўв иса ўратэл рāхты йасэң кāнштыйа, лўңэтты ардал арсыра ат вантыслэт, арсыр щирэн пāда ат хойлэт.

Мосэң мāt энэмты хōйат нумэсэл, ма йāmашэк верэтлэм ханштыйа, мāнэмэн па щирэн нухмэты па рāхэс. Туп кашэң лўңэтты ар ханшты хōйат лўв кемэлэн мосты хōйат. Хантылэва, ханты йохлэва мосэл, мет шопа уна йўвэм мōхилэв.

Лўңэтты ар ханшты ху М.И. Шулькин ханты мирэлэн ищипа ши тынэн хōйата, лāтэң хōйата лўңэтла.

Литература

1. Величко Н.И. / Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках. – Ханты-Мансийск: ОАО Издательский дом «Новости Югры», 2009. – 304 с.

Идеографические рубрики в языковой картине мира эвенков

Н.Ю. Мальчакитова

Бурятский государственный университет, Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой картины мира эвенков. Автором выделены основные идеографические рубрики в языковой картине мира эвенков и ее национально-специфическое содержание.

Ключевые слова: языковая картина мира, национально-специфическое содержание, эвенкийский язык.

Каждый язык обладает своим собственным способом восприятия и отражения мира и по-своему создает его языковую картину. Само понятие «языковая картина мира» было введено в лингвистический обиход В. фон Гумбольдтом. Прежде всего, данное понятие является необходимым для решения проблем, связанных со специфичным мировосприятием этноса, с его языком и мышлением.

Информация, которая содержится в языке, свидетельствует об особом мировосприятии и видении народа. Это особое видение мира и составляет богатство картины мира любого языка и является результатом мировосприятия

народа. Как полагает Г.В. Колшанский, «в языковом знаке закрепляются и реализуются (как в индивидуальном, так и в общественном плане) результаты отражательной мыслительной деятельности человека. По отношению к действительности мышление есть форма и способ отражения, т.е. образование вторичного идеального мира в сознании человека, который как бы повторяет («вторично существует») объективный мир в способах и формах, присущих человеческому фактору» [1, 23]. Таким образом, языковая картина мира есть отраженная в языке действительность. Как считает Б.А. Серебренников, «при исследовании проблемы отражения картины мира в человеческом языке обычно исходят из простой триады: окружающая действительность, отражение этой действительности в мозгу человека и выражение результатов этого отражения в языке. При этом заведомо предполагается, что человек отражает эту действительность правильно и так же правильно эта действительность выражается в языке» [2, 87].

Национально-культурная специфика картины мира того или иного этноса фиксируется в языке. Исследуя языковой материал, можно реконструировать в итоге целую картину мира эвенков и русских, отраженную лексикой, фразеологией и поговорками. В эвенкийской языковой картине мира, на наш взгляд, можно выделить следующие фрагменты:

1. Природа: 1) **животный мир**: *бэюн* ‘общее название дикого оленя’, *гого* ‘самка дикого оленя’, *курайка* ‘весенне-летнее название самца дикого оленя’, *нинчэн* ‘зимнее название самца дикого оленя’, *ирэ* ‘самец дикого оленя осенью, во время гона’, *сонца* ‘тёленок дикого оленя до года’, *Орон муяллэвэн умйвал*, *эвкил нодара*. *Кутуя ачин одягни* ‘Собери подшейную шерсть оленя, её нельзя выбрасывать. Не будет счастья’; *амикан* ‘медведь’, *баркана* ‘медведица с прошлогодним медвежонком’, *самымар* ‘медведь-самец’, *эһэ* – *бэйе һэриндин һэрэви имури мата оча* ‘стал сильным богатырём, стал бесстрашным богатырём’ (досл.: медведя – зверя салом подошвы свои смазывающим богатырём стал); *чиңэрэкэн гирактадун һавунчэ* ‘прибавилось на незначительное количество, досл. на мышинный шаг прибавилось’; 2) **растительный мир**: *аги* ‘тайга, лес’, *ирэктэ* ‘лиственница’, *ирэвэг* ‘лиственничный лес’, *һакра* ‘прочная лиственничная древесина’, *Агй эчэ таткйт биси*, *упката-да нудан алагудявки* ‘Тайга – не школа, а всех учит’; 3) **земля**: *Тыкмй*, *дуннэвэ эннэкэл валарэ*. *Дуннэт* — *митни энйн*, *упкатват уйдэрэн*, *умивкандэрэн* ‘Упав, не ругай землю. Земля – наша мать, всех накормит, напоит’; *Дуннэ-буга аядин бэе бидэрэн* ‘Земли-неба добротой живет человек’; *Дуннэ дугэе ачин* ‘Земля безгранична’ (досл.: земля не имеет конца); *Бутуннэвэ дуннэ иргивки*, *бэе нан дуннэ токтан* ‘Все порождает земля, человек тоже соринка земли’ и др.

2. Анатомия человека и жесты: *Калтака сенми һэргиски долчатна*, *калтака сенми угиски долчатна* ‘Половиной уха вниз слушай, другой половиной

уха вверх слушай’ (досл.: т.е. слушай, но как правильно поступать думай сам); *Меванин амцалан эмэчэ* ‘Сильно напугался’ (досл.: сердце его в рот его пришло); *Амңая ачин* ‘неразговорчивый’ (рта не имеющий); *Ңалэдуви дявучами садав* ‘Узнаю по опыту своему’ (досл.: в руке своей, подержав, узнаю) и др.

3. Бытовые представления: а) **стойбище и жилища**: *уриkit* ‘временное стойбище’, *мэнээн* ‘постоянное стойбище’, *дю* ‘чум’, *сераң* ‘жердь для постройки чума’, *малу* ‘почетное место в чуме для гостей’, *чоңа* ‘место для хозяйственных вещей в чуме, которое находится около входа’ и др.; б) единицы измерения (меры длины, времени, веса; денежные единицы): *Дылача гарпалча* ‘Солнце взошло’ (досл.: солнце пустило стрелы); *умун ңалэ* ‘толщина в одну ладонь’ (досл.: одна рука); *тыгэ* ‘емкость, размер которой составляет примерно половину литра’ (досл.: посуда) и др.; в) **игры, развлечения, спорт**: *ңалэ-һалган эвин* ‘спортивные игры’ (досл.: рук-ног игра); *Неван*, *хакин хэкунэи гарпатһаһар* ‘Посоревнуемся’ (досл.: сердце, печень пока горячи, постреляемся) и др.; г) **народная кухня и пища**: *һуликта* ‘проявленное в течение 3-5 дней мясо’, *силавун* ‘поджаренное на рожне мясо’, *буюксэ* ‘кровяная колбаса’, *чукин* ‘недоваренное до конца лосяное мясо’ и др.

4. Социальные отношения: а) **семья и родственные связи**: *Эникэн киптыкарин* ‘дочери’ (досл.: ножнички моей матери); *Отунив чатукарби* ‘сыновья’ (досл.: уголки моего костра) и др.; б) **этикет**: *Элэкэс бултанэви гиркидуви ниматкэл*, *тэли Һиңкэн урундеңэн* ‘Первую добычу раздели с другом, и тогда ты будешь удачливым охотником’ (досл.: тогда обрадуется Һиңкэн); *Сагдылду бэлэңнэкэл дүлэски инни ая кутучи бидеңэн* ‘Помоги старому человеку, вперед твоя жизнь будет счастливой’ и др.

5. Типы хозяйства: 1) **охота**: *Эпкавун сот бэюндули*, *амикандули туратта*, *долдыдиңатын*, *этарэ синдулэ эмэрэ*. *Сиңкэе ачин одиңас* ‘Много не говори о диком олене или о медведе, услышат и не придут к тебе. Не будет охотничьего счастья’; *Булта-да нэнэми сиңкэнэ дявакал*. *Тали бэюнэ бакадяңас* ‘Перед тем как идти на охоту поймай сиңкэн (насекомое). Тогда дикого оленя добудешь’; *Элэкэс бултанэви гиркинунми бориткал*, *сиңкэн урундеңэн* ‘Добыв зверя, обязательно поделись, а то удача уйдет’; *Вактачи бэеду гэгдэк авдун ичэвувки* ‘Удачливому человеку всегда берлога медведя видна’; *Эми бултарэ дуннэви эңнэкэл дяргара* – *Һиңкэн аксавки* ‘Если на охоте ничего не добудешь – не ругай те места и ту землю, где охотился. Дух охоты услышит и обидится, надолго убежит от тебя’ и др.; 2) **оленоводство**: *Орон ачин* – *эвэнки ачин* ‘Нет оленя – нет эвенка’; *Оронмо эңнэкэл тэпурэ*, *орон омин олодөңон*, *тарит һиңкэн аксавки*. *Һиңкэн аксаракин*, *орон ачин одяңас* ‘Не бей оленя, а то душа оленя обидится. Если душа оленя обидится, ты останешься без оленей’; *Нями балдыллакин кэтэ бэеду*

экэл ичэпканэ ‘Когда важенка телится, ее нельзя показывать многим людям, грех’; *Сэвэктэ эдэңа угучадяра – буглэдеңэс. Муйэллэван эвкэ нодара, кутуя ачин одяңас* ‘На табуированном олене нельзя ездить: заболеешь. Его подшейный волос нельзя выбрасывать: не будет счастья’ и др.; 3) **рыболовство**: *Оллол гирамналватын аят нэңнэкэл, оро́р эктын туһара, адыл маявки, олло Сиңкэнин аксавки* ‘Кости рыб после еды не бросай и не давай по ним топтаться оленям: дух охоты Сиңкэн обидится и рыба в твои сети престанет попадаться’; *Оллол гирамналватын аят нэңнэкэл, оро́р эктын тукатчара: Синкэн тыкулдянан* ‘С озера всю рыбу не вылавливай, оставь своим детям. После еды кости рыб не бросай, аккуратно сложи, оленю не должны их топтать: дух охоты Синкэн рассердится, и рыба в твои сети не попадётся’ и др.

6. Духовная культура: а) **обряды, суеверия, верования**: *синкэлэвун* ‘обряд добывания охотничьего счастья’; *һулгани* ‘обряд, направленный на исправление судьбы’ б) **религиозные представления, связанные с шаманизмом и анимистическими воззрениями**: *Чипкачанма омирукту бэкэл, бэе һутэн эдэн буглэрэ* ‘Положи в колыбель птичку, чтобы дитя человеческое не болело’; в) **космогонические представления**: *Бунилэ сурурэн* ‘ушел в мир мертвых, т.е. умер’; *бугаскаки нэкэдэ* ‘делать не так как принято’ (досл.: прямо по направлению к небу делать); *буга улирэн* ‘Бог даст, не помрем’ (досл.: небо накормило) и др.

7. Фольклор, народная речь: *Эвунки еһалкан* ‘человек, досл. со спускающимися глазами’; *илэ бэе* ‘живой человек, досл. имеющий физическое тело человек’; *нимңакан тэкэнин* ‘зачин, вступление сказания’ (досл.: корень сказания), *бэе – дуннэ токтан* ‘человек – земли соринка’ и др.

В рассматриваемых идеографических рубриках языковой картины мира эвенков можно заметить, что в эвенкийской языковой картине мира природная составляющая преобладает над другими компонентами. Кроме того, она пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. В языковой картине мира эвенков человек не рассматривается отдельно от природы, он является ее частичкой. Это обусловлено кочевым образом жизни эвенков, особенностями хозяйства охотников, оленеводов, рыбаков.

Таким образом, наблюдается взаимосвязь представлений, которые возникли еще в глубокой древности. Эта взаимосвязь обусловлена, прежде всего, шаманизмом и анимистическими воззрениями эвенков.

Символы народного быта, осколки древних верований, обряды, песни, сказки – все это и создает индивидуальное лицо идиоматики этносов, делает ее неповторимой, непередаваемой дословно на другие языки. В результате взаимосвязи языка и культуры определяется появление национально-культурного компонента значения слова, который, в свою очередь, отражает исторические, бытовые, географические и прочие реалии данного

народа, не имеющие прямых соответствий в других языках. В условиях изучения вопросов, связанных с воздействием языка на мышление и взаимосвязи языка и культуры, одним из приоритетных направлений современной лингвистики является исследование и описание концептов как фрагментов картины мира.

Литература

1. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Отв. ред. А.М. Шахнарович; Предисл. С.И. Мельник, А.М. Шахнарович. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.
2. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М., 1988. – С. 87-107.

Родной язык как иностранный (случай сибирских эстонцев)

В.А. Николаева-Ойнетс

Воскресная школа при Красноярской эстонской
национально-культурной автономии «ЭЭСТИ», Красноярск

Аннотация. Сибирские эстонцы десятилетиями жили закрытыми этническими общинами, и родной язык долго сохранялся без влияний извне. Со временем роль русского языка возросла, и в настоящее время многие эстонцы вынуждены жить в условиях двуязычия, при этом русский язык является общественным. Не взирая на трудности, мы продолжаем изучать родной язык, даже как иностранный.

Ключевые слова: сибирские эстонцы, родной язык как иностранный, воскресная школа, эстонский язык.

В Красноярском крае до 1939 года было около 15 эстонских школ, где обучение проводилось на родном языке. Многие проходили обучение в этих школах. Осенью 1939 года все национальные школы были закрыты, учителей репрессировали. Была нанесена огромная рана, которая не затянулась до сих пор. Целое поколение не знает родного языка.

В 1991 году состоялось первое собрание эстонского общества, на котором было принято решение возобновить преподавание языка. Учебников было мало. В посольстве Эстонии в Москве был получен перепечатанный вариант интенсивного разговорного курса эстонского языка. В то время

на левом берегу реки преподавал Куно (Евгений Евгеньевич) Реги, а на правом – Эльза Раут, с 1995 года эстонский язык преподает Хельви Куус. Занятия проходят только по воскресеньям. С 2000 года в Эстонии начали организовывать летние лагеря с изучением эстонского языка. В таком лагере в 2001 году побывали все школьники села Верхний Суэтук, где с 2000 года эстонский язык преподаёт учитель из Тарту. Два года в селе работала Пирет Тоомет, которая возглавляет в Эстонии комиссию по языку, сейчас работает Айри Лаури. С 2007 года организована группа для детей эстонского языка при краевой научной библиотеке.

Эстонский язык мы изучаем, безусловно, для себя. Мы это делаем, чтобы быть самими собой, мы это делаем для общества, в котором живём. Какой вклад мы можем внести в общество, если потеряем свою идентичность? Смысл национальных культурных обществ в том, чтобы сохранять национальную идентичность, которая обогащает наше общество. И в этом контексте возникают *вопросы о родном языке, о национальных культурных автономиях*. Если народ теряет свой язык, он теряет себя и не может внести свой вклад в многонациональное общество. Это так, потому что язык не сводится к совокупности правил и запасу слов, языки имеют свою душу. Это отражение национального мировоззрения и выражение того, как народ видит мир, перспективу нашего общего мира. На самом деле национальные традиции, костюм, фольклор и т.д. – это варианты языка, потому что это выражение той души, о которой мы говорили. Родной язык, объединяющий любой народ, формировался и в соответствующих природных и географических условиях. Условия эти формировали образ мысли, способ выражения эмоций посредством слова. Среда обитания в значительной мере влияет на образ мыслей, на эстетические и этические критерии. Давно подмечено, что вызванный словом ассоциативный и эмоциональный ряд влияет на связанный с ним процесс мышления, а также на логический ряд. Одни языки способствуют работе интуитивного мышления, другие заставляют мыслить логически. Каждый народ для выражения своих мыслей имеет и свой собственный музыкальный язык. Мы не можем говорить, что один язык красивее другого, также как мы не можем утверждать, что один народ лучше или хуже другого. Каждый народ таков, каким его сформировали условия жизни. Будучи таковым, он создает свою культуру, являющуюся частицей мировой культуры, и обогащает её.

Единство как гармония многообразия и диалог.

Когда в обществе есть разные перспективы, существуют разные точки зрения, это помогает преодолеть односторонность и узкие взгляды и способствует толерантности, открытости и духу диалога. Тем более, что мы живем в обществе христианских корней, и для христианства Бог появился как СЛОВО и как человеческое воплощенное слово. Поэтому сохранить

свой язык – это означает каким-то образом спасти свою душу. Каждый конкретный язык является живым организмом и живет по своим естественным законам. Он изменяется, развивается, что-то берет из других языков, что-то дает другим. Язык может умереть (латинский, древнегреческий, древнееврейский), при этом давая жизнь новым языкам, или может возродиться в новом качестве, как, например, иврит.

Не самая большая часть народа, к сожалению, понимает трагедию утраты языка и степень ответственности за свой народ. Уже появилась новая категория людей без памяти, без языка, без культуры и соответственно без будущего. Это новая социальная категория, которая живет в том же обществе, в котором живём и мы. Изменилось отношение к духовным ценностям. И это очень трудно преодолеть. Недостаточно только провозглашать равенство народов и культур, необходимо гарантировать их существование.

Мы – СИБИРСКИЕ эстонцы, поэтому для нас очень важно, внести на этой земле свой специфический вклад в многокультурную многонациональную историю и культуру Сибири. Мы изучаем свой родной язык, даже как иностранный, потому что чувствуем беду утраты своих корней, потому что мы хотим быть не только сибиряками, но именно ЭСТОНСКИМИ СИБИРЯКАМИ. Заниматься своим языком – не означает закрыться в себе, а наоборот, открываются новые возможности, которые обогащают наш мир. Мы хотим восстановить эстонский язык, не отказываясь от русского языка. Язык как основное средство социализации является одним из важнейших символов национальной идентичности. Сибирские эстонцы десятилетиями жили закрытыми этническими общинами, и родной язык долго сохранялся без влияний извне. Со временем роль русского языка возросла, и в настоящее время многие эстонцы вынуждены жить в условиях двуязычия – они владеют как эстонским, так и русским языками, однако русский язык используется в качестве общественного и официального языка. По-эстонски говорят в основном дома. Поэтому на национальные культурные общества возлагается особая миссия. Преподавание родного языка – это исключительная задача. Конечно, дети не станут дома говорить на эстонском языке, но они научатся читать и писать на языке их предков. В результате около 15 человек получают высшее образование в Эстонии по программе «Архимед».

Эстонская культура в Сибири и ее сохранение.

Первый эстонский музей в Сибири был открыт 22 августа 2009 года в деревне Хайдак Партизанского района. Это стало новым шагом сохранения языка и культуры эстонцев и сету. Музей в маленькой деревне, наверное, не просто редкость для наших мест, это скорее исключение из правил.

Идею создания музея предложила эстонский исследователь Маре Пихо, которая не раз бывала в экспедициях по Сибири (1987-1989 гг., 1991 г.,

2001 г.). Музей при школе организовала учитель-энтузиаст Евсеева Галина Арнольдовна, опираясь на поддержку жителей и эстонского общества. В 2007 году красноярский художник Виктор Сачивко вместе с Галиной Арнольдовной и детьми из деревни создал удивительную скульптурную инсталляцию под названием «Сетумаа. Возвращение мечты», которая получила Гран-при на Международной музейной биеннале. Проект В. Сачивко о мечте сибирских сету, о богатой и плодородной земле и о счастье на ней вполне отвечает ожиданиям жителей деревни. Автор проекта смог выразить то, о чем действительно мечтали сибирские сету – этот маленький кусочек Эстонии в сибирской тайге был несправедливо изолирован и, наконец, получил свободу и готов общаться с внешним миром. Музей в деревне Хайдак – очень маленький музей, с малым количеством предметов экспозиции, но уже положено начало совершенно новым культурным традициям. Возможно, скоро появятся и музейные уроки, и мастерские народного творчества, будут организованы выставки. В 2012 году благодаря Фонду культурных инициатив Михаила Прохорова детский фольклорный ансамбль сету побывал в Германии, а прошлым летом дети гостили в Эстонии. У сибирских сету появляется новая возможность открыть себя миру и найти для себя новые формы деятельности. Есть еще много проблем, которые надо решать совместно с управлением культуры и администрацией: в музее еще нет электричества, не решены многие административные вопросы. Но первые шаги уже сделаны, и это, безусловно, радует.

В последние годы мы значительное внимание уделяли именно сету, но у сибирских сету до сих пор не преподается эстонский язык. В спорах о том, какой именно язык следует изучать – эстонский или сетуский (один из регионализмов), может уйти драгоценное время, и еще одно поколение может стать потерянным для родного языка. Сибирские сету в основном не владеют эстонским литературным языком. Как эстонские, так и двуязычные (из Южной Эстонии) книги посылать в деревню нет необходимости: пожилые женщины образование получили давно, а среднее поколение обучалось в русскоязычных школах, поэтому никто не сможет по этим книгам преподавать. Язык сету относится к числу исчезающих языков мира, т.е. необходимо предпринять особые меры для его сохранения. Но богатые сетуское устное предание и устные традиции, и это дает надежду на будущее. Репертуар женского ансамбля «Лиль» настолько разнообразен, что приезжающие из Эстонии фольклористы не успевают его записать за одну экспедицию. Старшее поколение передает свой опыт детям. Детский ансамбль сибирских сету «Куллеркупп» – частый гость и в Красноярске. Язык и культура сибирских сету удивительно мощные, несмотря на длительную изоляцию от исторической родины. Народ сету открыл себя миру. Языки не умирают, они сохраняются в словарях, на CD, DVD. Финно-угорские языки обладают

жизненной силой и волей к сохранению аутентичности. Любой язык и любая культура являются нашим общим богатством, особенно в современное время, подчиненное массовой культуре и шоу-бизнесу. Изучение родного языка это, как ничто другое, и есть вклад в демократизацию общества и созидание.

Общие универсальные ценности и культурные перспективы.

Мы живем в эпоху релятивизма, т.е. разделяем мнение о том, что все ценности и правила поведения относительны, зависимы от пространства и времени, а не действительны для всех по их содержанию, т.е. не объективны. Многие считают, что релятивизм – это единственный способ сохранения права на различия и защиты от тоталитаризма или от политики диктата. Это мнение – результат горького исторического опыта, когда во имя каких-то идеологий или видимых «истин» уничтожали людей, народы, культуры, языки и т.д. Нужно также отметить, что процесс унификации в нашем мире зависит по большей части от распространения научно-технического менталитета как единственной возможности объективной истины.

Но если посмотреть поглубже, релятивизм означает, что никаких настоящих ценностей нет, а есть только видимость их, за которыми стоят лишь сила, власть, насилие. А если нет настоящих ценностей, о каких правах можно говорить? В том числе правах на различие (культурное, языковое и т.д.)?

На самом деле только при условии сохранения универсальных ценностей можно представить себе возможность общения между разными эпохами и разными культурами, народами и т.д. Они общие, но мы открываем их в ходе истории и воспринимаем по-разному, в зависимости от наших знаний, нужд, и т.д., и эти разные перспективы объясняют различия и необходимость всех эпох, народов, культур и т.д. для целостного представления о тех же ценностях. Именно эти объективные ценности создают основу для прав каждого народа, каждой культуры и, в конце концов, каждого человека на различие и оригинальность.

Вернуться к родному языку, который утерян, необыкновенно трудно. Для этого необходимо вернуться всем к главным культурным и духовным ценностям. А самая главная ценность каждого народа, без которой он не может называть себя нацией – это его язык. Культура и язык – это неразделимые понятия. Не владеющий родным языком человек чувствует свою ущербность, страдает морально, ассимилирует и забывает свои корни, начинает жить по-другому. Часто, поступая так, люди не осознают, на какой шаг они себя обрекают. Они таким образом только разрушают себя как личность, свое сознание и порождают поколение, которое уже отрицательно относится к своему языку, к культуре, к народу. И это страшно. Излечить такое общество можно только тогда, когда каждый народ вернется

к своей исторической памяти, которой и является родной язык. Если мы утратим ценность мелодии родного языка, мы потеряем себя. Необходимо уважительно относиться к тем, кто стремится препятствовать этому, кто возвращает своему народу чувство национального достоинства.

Жизнь уже неоднократно показывала, к какому тупику может привести неуважение к чужой культуре и языку. Экономика работает и не думает о человеке. Мы сами должны думать об этом. И только тот человек, который ценит и любит свой народ и свою культуру, может оценить любовь другого народа к родному языку и культуре.

Песня как исторический источник (на примере мансийской песни о народе Пастыр)

Л.Н. Панченко

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск

Аннотация. Тематика мансийских личных песен весьма разнообразна. И хотя одной из основных тем является воспевание родных мест, каждый текст, излагая достоверные факты, является и историческим источником. В статье рассматривается несколько песен, по которым можно узнать историю рода *Пастыр* и историю поселения *Мувыңкес-Павыл* – родину людей рода *Пастыр*. Приводится анализ степени адекватности отражения действительности, исторических лиц и событий.

Ключевые слова: песня, *Сорахта*, поселения *Мувыңкес-Павыл* и *Пастыр-Павыл*, деревня Пашторы, Крылатый *Пастыр*, информанты, сказание, миф, история.

В ходе работы над темой исследования была записана песня *Мувыңкес-Павыл улылан эрыг* ‘Воспевание деревни *Мувыңкес*’.

*Пөри Сорахта мән павылтев,
Мән Мувыңкес, мән павылтёв
Сэмыл пуңкуп сәт Пастыр хум,
Тэлы хотал те вәри,
Сэмыл няра масум сәт Пастыр Хум.
Туйи хотал те вәри
Сэмыл сопакың сәт Пастыр Хум.
Пөри Сорахта мән павылтёв
Мән Мувыңкес, мән павылтёв*

В песне поётся о небольшом селении *Мувыңкес*, в котором жили семь мужчин из семьи рода *Пастыр*: «...Если зима настанет, обуваются они в кисы из меха чёрного зверя, если лето настаёт, обувают они чёрные сапоги...».

По словам информанта Н.И. Хозумова эту песню исполняли его мама Хозумова (Ромбандеева) Мария Александровна (в народе её называли *Сорт аги* ‘девушка из рода Щуки’) и его жена – Хозумова Акси́нья Михайловна. Обе женщины родом из деревни *Мувыңкес-Павыл*, о которой поётся в песне.

В мансийской газете «*Луимә сэрипос*» корреспондент Галина Дышлевая отмечает, что данную песню она слышала от Хозумовой Ольги Васильевны, жительницы деревни *Хөрың-Павыл* (д. Хурумпауль). Отсюда следует вывод, что песня была популярна в народе, исполнялась повсеместно.

Обратимся к семантике слова *Мувыңкес*. *Мувыңкес-Павыл* ‘Поселение (городище) с круговым рубежом’, где *мув* (от слова *мувыл*) – вкруговую, круговая; *-ың* – суффикс притяжательности, посессивности; *кес* – рубеж, предел; *павыл* – поселение, селение, деревня, становище [1, 63]. В исторических источниках, в частности по 4 ревизии от 1782 года значится Мункаский городок (юрты Мункемские) [2, 382].

В настоящее время поселения *Мувыңкес* не существует. В недалёком прошлом в нём проживали люди из рода *Пастыр*, об этом поётся в песне воспевания деревни *Мувыңкес*. Людей *Пастыр* воспевают и в другой песне – *Пётрав котьләги эрыг* ‘Песня средней дочери Петра’, записанной Е.И. Ромбандеевой [3, 22]. Средняя дочь Петра возвеличивает своих братьев, их удаль, красоту, называет их удачливыми охотниками, к их словам прислушивается народ. Сестра шьёт им нарядную и красивую одежду, чтобы выглядели они краше всех.

*Пастыр мӓхум вӓт ягныгатем,
Пастыр мӓхум хус ягныгатем,
Мӓщтыр вӓйың вӓт ягныгатем,
Унлахӓлуңкве тӓн хӓсыглыквет,
Ӕмыглаңкве пыл хӓсыглӓгыт.
Пастыр мӓхум вӓт ягныгатем
Пастыр мӓхум хус ягныгатем
Вӓрна тӓ люлянтӓлыглыквет
Вӓруй алысьлаңкве вӓрмантыквет,
Витна те люлянтӓлыглыквет,
Вит хул алысьлаңкве хӓсантиквет.
Пастыр мӓхум вӓт ягныгатем,
Пастыр мӓхум хус ягныгатем,*

*Ӕнтапаныл пӓстӓгыт –
Сӓс люлитыл рӓгни,
Ӕнтапаныл ӓнхвегыт –
Сӓс люлитыл паты.
Пастыр мӓхум вӓт ягныгатем,
Пастыр мӓхум хус ягныгатем,
Унлахӓлнӓныл латың ӓлум,
Ӕмыганӓныл латың ӓлум.
Лӓтың те лӓвантанӓтӓныл,
Сымныл та минантанӓтӓтӓ.
Пастыр мӓхум вӓт ягныгатем,
Пастыр мӓхум хус ягныгатем,
Выгыр пуңкуп вӓт ягныгатем,*

Атың пункуп хус ягыгатең,
Ягагияныл ты олмытең,
Пастыр аҗикве ты эргитең.

О людях Пастыр говорится и в мифе о Священном потоке «ялтың вит» или «ялтың сакв». Обратимся к источнику: «Среди наших манси есть такая весть: на земле, где мы теперь живём, была священная вода, большая горячая вода. Поверхность земли сгорела, стала, как охра. Говорят, что эта охра уже глубоко в землю погрузилась, но её следы до сих пор видны. Вода всплыла ненадолго, (на время), за которое можно сварить мясную еду. О надвигающейся беде люди за семь дней узнали. Поэтому, как могли, они приготовились. Люди сделали плоты из семи слоёв листовенничных брёвен. Ведь листовенница воду не впитывает. Вот так люди Мувынкеса спасли свои жизни. На этих плотках положили из стерляжьей кожи натянули, так и сидели. Поэтому их змеи не трогали, никакие гады не кусали. Плоты свои крепко корнем тальника (к дереву) привязали. Те плоты, привязанные слабым корнем, и сорвало, и унесло. Так людей из деревни Мувынкес с реки Сакв куда-то на Обь и унесло. Эта родня поклонялась духу Паштор. В том месте, куда их прибило, деревню Паштор построили, до сих пор эту деревню Пашторская деревня называют...» [4, 316-317]. По фольклорным данным, они поклонялись предку-духу *Пастыр ойке*. Е.И. Ромбандеева в книге «История народа манси (вогулов) и его духовная культура» в разделе «Список известных нам духов – предков манси» пишет: «*Паст ойка*, (он же *Крылатый Пастыр*, он же *Патум пирва люлит отыр*) – был очень сильным, здоровым, умным; жил в деревне *Мувынкес*. До Берёзово ходил на лыжах, покрытых шкурой выдры, за полтора дня. Царские люди начали интересоваться им. Мать «отправила» его, он утонул напротив деревни *Мувынкес*, его образ – чирок [5, 77].

Место поклонения святому покровителю *Пастыру* находится напротив летнего поселения *Мувынкес*, на правом берегу реки Ляпин – *Сакв-я* (Сыгва). Зимняя деревня была в 2 километрах от правого берега Ляпин.

Говоря о символических изображениях духов-предков манси, Е.И. Ромбандеева отмечает, что чирок – это дополнение к образу предка *Товлың пасыт* ‘Крылатый пасыт’, он является дядей *Хонт Торум Ойки*, отца *Хонт Торум Ойки* называли *Пакв псы войкан отыр* – «белокурый богатырь, как зёрнышко кедрового ореха», он был хранителем покоя в *Мувынкесе* [5, 72].

О народе *Пастыр* упоминается и в трудах Н.В. Лукиной. В «Мифах, преданиях, сказках хантов и манси» по фольклорным источникам мы узнаём о миграциях народа *Пастыр*. В комментариях к тексту «Происхождение народа Пастэр» говорится, что данный народ переселился не только в низовья Оби, где находится деревня Пашторы¹, но и по реке Полуй. Как отмечает автор, текст предания был записан около города Обдорска (ныне

Салехард), недалеко от которого в селении *Пель-вош* на реке Полуй и в селении Пашерские (*Пастэр-курт*) в низовьях Оби проживают ханты (бывшие манси) социальной группы *Пастыр* [6, 521].

По словам информанта А.А. Шияновой, жителей деревни Катравож называют *ноптам охолэт* ‘приплывшие на плоту’, об их миграции гласят и старинные сказания.

Т.Д. Слинкина в монографии «Мансийские оронимы Урала» пишет «...А. Регули 15.10.1844 г. посетил «селение рода Пастэр-нер Полуйе... в нескольких километрах от Обдорска... Этот род происходит из района Северной Сосьвы. О его происхождении сохранилось предание, похожее на наше (венгерское) сказание о чудесном олене. Его предком был охотник на лося Пастэр, который преследовал быстроногую дичь до этих мест, где наконец, и убил дорогую добычу. Он поселился вдали от своих мест. Род Пастэра ещё и сегодня придерживается своего первоначального предания и является по большей части языческим...» [1, 80].

Из всего вышесказанного следует, что после потопа часть людей манси с деревни *Мувынкес* обосновались в деревне Пашторы на Оби, другая часть – недалеко от Обдорска (Салехарда). Созвучье с мансийским преданием об охотнике *Пастыр* имеется и в венгерском фольклоре, что также может являться подтверждением родственных связей между этими народами. Имеются сведения о людях *Пастыр* и в хантыйской мифологии. Так, в мансийском мифе «Сказание о народе Пастэр» [6, 432] и в хантыйском мифе «Происхождение народа Пастэр» [6, 170] говорится, что существовало два рода Пастэр: один род «пеший» – в мансийской версии он называется *Шагом Меңква Обладающий*, а в хантыйской назван просто пешим.

В «Мифах, преданиях, сказках хантов и манси» Лукиной Н.В. в сказании «Как появились первые смертные», речь идёт о людях из рода Пастэр: Крылатый и Ногастый Пастэры. Ногастый Пастэр умирает, а Крылатый остаётся живым, но предсказывает дальнейшую смертную жизнь людей, по вине их ленивых жён [6, 301]. Вероятно, дальнейший род *Пастыр ма-хум* пошёл от Крылатого Пастэра. Сегодня их потомками можно назвать Ромбандеевых, а потомками людей *ноптам охолэт* ‘приплывших на плоту’, считают Сайнаховых.

В этом же томе находим сказание, повествующее о крылатых людях, возможно, – представителей народа *Пастыр*. В тексте «Происхождение созвездий», говорится: «Здесь было три крылатых человека: один на Вахе, другой на Оби, третий – не знаю где, может быть на Енисее...» [6, 69]. По поводу реки Енисея обратимся к интернет-ресурсам: «На пороге I тысячелетия нашей эры на территорию Красноярского края пришли и широко

¹ По информации Пятниковой Т.Р., уроженки д. Пашторы (информация дана в устной форме), символическим изображением их духа-покровителя является филин (сова).

расселились самодийские и угорские племена, вытесненные степными кочевниками с Саяно-Алтайских предгорий...» [7]. Как известно, эти угорские племена стали называть енисейскими осяками.

Обобщая материал, сделаем выводы:

1. Миграция народа Пастор проходила, скорее всего, в два этапа. Первый этап во время потопа, и второй (более поздний) по иным причинам.
2. По исследованиям фольклорных текстов прослеживаются миграционные пути угорских племён с юга на север, которые позволяют раскрыть, в том числе, и происхождение народа *Пастыр*.

Литература

1. Слинкина Т.Д. Мансийские оронимы Урала: научное издание / Т.Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2011. – 480 с.
2. Перевалова Е.В. Северные ханты: этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 414 с.
3. Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках / сост. Е.И. Ромбандеева, Л.П. Акст. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 1998. – 56 с.
4. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И. Ромбандеева. – Новосибирск: Наука, 2005. – 475 с. – (Памятники фольклора народа Сибири и дальнего Востока; Т. 26).
5. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). – Сургут: АИИК «Сев. дом» и Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. – 208 с.
6. Мифы, предания, сказки хантов и манси / Пер. с хант., манс., нем. яз., сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной; под ред. Е.С. Новик. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 558 с.
7. Народы Красноярского края [электронный ресурс]. http://www.soferblog.ru/2012/07/blog-post_7353.html.

Лингвокультурная ценность лексем эрзянского языка в формировании этнического самосознания личности

Е.П. Прокаева, кандидат филологических наук
Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева, Саранск

Аннотация. В последнее время определённый интерес для исследования представляют национальные языки малочисленных народов как фактор

формирования этнического самосознания. Данный интерес не ограничивается какой-то одной областью науки, обнаруживаясь в трудах не только лингвистов, но и этнографов, социологов, психологов, педагогов и т.д. Раскрываясь как на теоретическом, так и на экспериментальном уровнях, проблема влияния языка на формирование этнического самосознания неразрывно связывается с изучением системы языка и выявлением особенностей взаимодействия его элементов с культурой тех или иных народов.

Ключевые слова: эрзянский язык, самосознание, лексика, терминология родства, фольклор, терминология флоры и фауны.

Согласно определению С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, культура – это «совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей» [1, 313]. Ни одна национальная культура не может развиваться в отрыве от других национальных культур. Любая культура есть плод, результат взаимодействий и перекрещивания со многими другими культурами, большими и малыми, поэтому чрезвычайно актуальным в современной реальности является понятие диалога культур, под которым понимаются отношения людей и этносов, обменивающихся своими чувствами, мыслями, ожиданиями, а также продуктами своей деятельности.

Традиционная культура народов России представляет собой целостную систему этнокультурных ценностей и идеалов, сохранение и трансляция которых в современную социокультурную среду должны стать одним из важнейших факторов духовно-нравственного воспитания граждан России, сохранения культурного разнообразия нашей страны и одновременно формирования идентичности нации, укрепления единства Российского государства.

Основной задачей этнокультурного образования является воспитание поликультурной личности, знающей родной и государственный языки, которые, по мнению С.С. Кунанбаевой, являются средством межкультурного общения; средством познания чужой и своей национальной культуры, своего и других языков; инструментом свободной ориентации и жизнедеятельности в современном поликультурном и мультилингвальном мире; ценностной базой для ориентации и выбора коммуникативного поведения и невербальных норм взаимодействия с учетом специфики развития и состояния стран, регионов, мировой цивилизации [2, 112].

Бесспорно, язык и культура – сложные и многогранные явления, имеющие коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу. Культура устанавливает место человека в системе общественного производства, распределения и потребления материальных ценностей. Она целостна, имеет индивидуальное своеобразие и общую идею и стиль. Язык не просто называет то, что есть в культуре, не просто выражает её, формирует

культуру, но и сам развивается в культуре. Культура формирует сложную и многообразную языковую систему, благодаря которой происходит накопление человеческого опыта и передача его из поколения в поколение. Уровнем развития материальной и духовной культуры общества определяется форма существования языка.

Развитие родной речи учащихся, овладение богатствами родного языка составляет один из основных элементов формирования личности, освоения выработанных ценностей национальной культуры, тесно связано с умственным, нравственным, эстетическим развитием, является приоритетным в языковом воспитании и обучении школьников. Необходимо уделять внимание изучению в национальных и многонациональных образовательных учреждениях русского языка как языка межнационального общения, а также национального языка республики.

Признавая в основном значение языка в процессе идентификации этнокультурных норм, одни учёные считают, что язык относится к культуре как часть к целому, другие убеждены, что язык – лишь форма выражения культуры, третьи – что язык не является ни формой, ни элементом культуры.

Мы согласны с мнением С.Г. Тер-Минасовой и других учёных о том, что язык отражает действительность, а культура есть неотъемлемый компонент этой действительности, с которой сталкивается человек, следовательно, язык – отражение культуры. Как пишет С.Г. Тер-Минасова, «Язык – зеркало культуры, в нём отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира» [3, 76].

По мнению В. Гумбольдта, материальная и духовная культура воплощаются в языке; всякая культура национальна, её национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира; языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, которая является выражением «народного духа», его культуры; язык есть опосредующее звено между человеком и окружающим его миром [4, 73].

Являясь составной частью культуры, которую мы наследуем от наших предков, язык в то же время воспринимается как основной инструмент, посредством которого мы усваиваем культуру. Таким образом, язык представляет собой целый мир, способный лексически и семантически охватить всю многогранную культуру, всё многосложное общество.

Учитывая вышесказанное, необходимость развития и социализации личности как субъекта этноса и как гражданина не вызывает сомнения. Следует признать, что в настоящее время происходит утрата многих нравственных ценностей, в том числе определяющих этническое своеобразие

народа. По мнению некоторых исследователей, это связано с тем, что «молодое поколение росло в отрыве от этнокультурной среды, а единые подходы к педагогическому процессу не оставляли места и времени для приобщения детей к национальной культуре. В течение нескольких десятилетий были нарушены многие звенья непрерывной цепи передачи традиций из поколения в поколение» [5, 23]. В связи с этим возникает потребность в системе образования, обеспечивающей воспитание высоконравственной, толерантной и свободной личности с позитивной национальной идентичностью.

Этническая толерантность представляет собой интегративное личностное качество, проявляющееся в уважении к своему и другим этносам, в сопереживании, взаимодействии, независимости суждений, и характеризующееся переходом от эмоционально-положительной оценки к ценностному этнотолерантному суждению и отношению, что отражается в адекватно-реальном этнотолерантном поведении и поступках [5, 13].

Формирование этнического самосознания является важным условием развития этнической индивидуальности, определяющим фактором оптимизации жизнедеятельности людей в специфических условиях этнической реальности. Именно поэтому в Республике Мордовия на современном этапе столь важно обеспечение культурно-национальной самобытности образования, предполагающее решение следующих задач: развитие национальной культуры, гармонизация национальных и этнокультурных отношений, сохранение и поддержка национально-культурной самобытности народов Мордовии и гуманистических традиций мордовской (эрзянской, мокшанской) культуры.

Мы считаем, что для сохранения культурной идентичности со своим народом ребёнок с самого раннего возраста должен включаться в естественную этническую среду. Образовательно-воспитательный процесс, опираясь на народную психологию и педагогику, многосторонний диалог культур в идеале должен обеспечивать развитие личности ребёнка на национальных, общечеловеческих ценностях, что будет способствовать ментальной совместимости людей в условиях их взаимодополнения и взаимообогащения, цивилизованному развитию общества в целом. Организованное педагогом взаимодействие ребёнка с ценностями народностей и наций региона составляет сущность регионально-этнической направленности воспитания детей [5, 204].

Работа по обновлению задач и содержания этнокультурного образования в Республике Мордовия должна учитывать серьёзную модификацию противоречия в этнической самоидентификации жителей Республики – между стремлением сохранить свою включённость в общероссийский социокультурный контекст и стремлением не порывать с родным языком

и истоками родной культуры. Ключевое значение при этом имеют исторически духовная общность и многовековые связи русского, мордовского и других народов, проживающих на территории Республики Мордовия и Российской Федерации.

Так, основными компонентами содержания регионально-этнической направленности обучения и воспитания в образовательных учреждениях Республики Мордовия являются: обучение и воспитание на родном (русском, мокшанском, эрзянском) языке; ознакомление с культурой родного края и приобщение к народным традициям; формирование знаний о своей национальной принадлежности; учёт региональных (природных, географических, производственных и т.д.) и этнических особенностей; использование средств народного воспитания (устное народное творчество, музыкальный фольклор, народное декоративно-прикладное искусство и т.д.).

Как известно, существование любого языка немислимо вне развития его подразделений и уровней во времени и пространстве, а наиболее подвижным, подверженным быстрым изменениям, является, безусловно, лексический уровень. Именно в нём в первую очередь отражаются общественные и бытовые условия, в которых формируется и развивается язык.

Так, бесценный в этническом плане словарный материал эрзянского языка был использован М.Е. Евсевьевым, известным мордовским просветителем и учёным, создавшим казанский вариант-1 эрзянского письменно-литературного языка и одним из первых сделавшим практические шаги в зарождении письменной мордовской литературы, в неоконченной работе «Эрзянь-рузонь валкс» («ЭРВ»), вышедшей из печати в 1931 г. и объединяющей более 2500 слов и выражений [6]. К сожалению, «ЭРВ» был издан не в полном объёме, т.к. смерть М.Е. Евсевьева в мае 1931 г. прервала окончательную обработку собранного им материала на букве К (по алфавиту), однако информацию о словах, начинающихся с последующих по алфавиту букв, содержит богатый иллюстративный материал, открывающий громадный культурологический потенциал указанного словаря.

Как отмечает известный отечественный лексикограф Г.А. Богатова, «слово и в тексте памятника письменности несёт конкретную историко-культурную информацию, но в словаре оно попадает в особую среду, которая вполне высвечивает связи слова и лучше хронологизирует его семантические изменения – ведь слово «живёт», как правило, в корневой группе, благодаря чему его история как бы обретает свою плоть, возникает эффект «радуги» значений. Открывается возможность не только проследить за закономерностями эволюции лексики, но и взглянуть на те «приращения семантики слова», которые связаны с социальной, культурной, исторической обстановкой, в которой оно функционировало, и зафиксировать их в дефинициях за счёт включения сведений историко-энциклопедического характера, в системе помет, в подборе иллюстраций» [7, 22].

Анализ зафиксированной в «ЭРВ» лексики эрзянского языка позволяет заметить, что многие из слов перешли в пассивный состав языка. Сюда относятся:

– ремесленная терминология, отражение которой в «ЭРВ» свидетельствует о широком распространении ремёсел в мордовских сёлах в 19–20 вв. Так, в эрзянских сёлах были ветряные, водяные мельницы, круподёрки, маслобойки, пчелиные хозяйства, частные магазины, калачная, кузницы, часовые, сапожные мастерские, дегтярни и т.п. Изменения, произошедшие в производстве в настоящее время в связи с появлением или исчезновением некоторых реалий, явлений, процессов, привели, с одной стороны, к образованию в эрзянском языке новых терминов (чаще – русизмов), а с другой стороны, к утрате некоторых слов. Например, вышли из употребления: *вигин'э* «принадлежность ткацкого стана» [6, 89], *сурбонат* «нитяные петли в ткацком стане» [6, 89], *кайамо* «ткацкий челнок» [6, 193], *кэчказ* «крючок, употребляемый при ручном шитье для поддержания материи» [6, 223] и т.п.;

– терминология родства. В настоящее время в употреблении наблюдается очень небольшое количество терминов родства, причем дифференциация по старшинству и по отцовско-материнской линии сохранилась лишь частично: *т'эт'а* «отец», *ава* «мать», *л'эл'а* «старший брат», *пат'а* «старшая сестра», *васоло бод'а* «дед по матери», *бод'а* «дед по отцу», *васоло баба* «бабушка по матери», *баба* «бабушка по отцу», *ур'ад'э баба* «прабабушка», *ат'авт* «свёкр», *ававт* «свекровь», *ур'аж* «невестка», *кока* «крёстная мать», *кийал(о)* «жена деверя», *какжал'а* «старший брат мужа», *пола* «жена», *балдус* «младшая сестра жены», *в'ажен'ц'ава* «жена старшего брата свекра», *дуга* «братец, сестрица»;

– терминология флоры. Толкование слов указанной тематической группы в словаре М.Е. Евсевьева сопровождается описанием практической ценности растений, указывается область их применения. Например, *в'эр'гиз умар'* «волчья ягода (воронец, волковник). Ствол сероватый, как у калины, жёсткий (из него обычно делают кнутовища), ягоды красные» [6, 85], *грыз'а т'икишэ* «смолёвка, хлопущка, лечат ею грыжу, – пареной обкладывают опухоль» [6, 109], *кан'ц'ав т'икишэ* «щелкунец. Распаренную кладут на верет (чирий)» [6, 175], *кал'гарч* «вьющееся растение. Растёт по берегам рек, по сырым местам. Стебель, подобно хмелю, вьётся вокруг тальника. Ягоды величиною немного меньше калины – красные. Отваром ягод поят женщин, у которых после родов месячные прекращаются» [6, 170]; *кар'олго* «чёрный папоротник... сушат, обращают в порошок и посыпают раны» [6, 181]. Отмеченное в последнее время снижение прикладного значения некоторых растений в жизни мордвы привело к недостаточному знанию как флористических названий, так и самих растений, поэтому ценность приведённого иллюстративного материала несомненна. См. в «ЭРВ»: *вед'ропи* «водяная лилия»

[6, 74], *сан'д'эй* «чакан, сочное болотное растение» [6, 213], *ил'ийа* «медуница» [6, 149], *кал'ме т'икиэ* «повилика, подмаренник цепкий» [6, 171], *ин'д'эр'* «жимолость» [6, 151], *кей* «марена, красильный корень» [6, 202] и т.д.;

– терминология фауны: *мен'т'ук* «налим» [6, 165], *кен'д'ал* «клоп» [6, 214], *вит'ан'кудо* «кулик» [6, 95], *кажварч* «крот» [6, 161], *д'эр'кун* «коро-стель» [6, 112], *кел'ийа* «тетерев» [6, 205], *гуй* «змея» [6, 110]. Наблюдается тенденция к замене слов данной тематической группы эрзянской лексики заимствованиями из русского языка;

– фольклорная, обрядовая терминология: *авн'ан' кир'д'и* «хранитель овина» [6, 9], *ид'эмеvс'* «злейший из духов, по суеверию мордвы, летает по воздуху в виде огненного шара и пожирает детей, иногда и взрослых – выпивает их кровь» [6, 143], *вэд'эр'ав* «мифическое существо, живущее в воде» [6, 74], *вен'ванцума* «сторожить ночь при умирающем: не гасить огонь и не спать» [6, 81], *вид'ме л'ис'ман'оскс* «моление по случаю выхода на посев яровых» [6, 91], *кардо с'арко* «хранитель двора, бог домашнего скота» [6, 179], *икел'ц'йакиц'а* «лицо, посылаемое в дом невесты до сватовства для предварительных переговоров» [6, 146], *каштом ава* или *каштом кир'д'и* «хранительница печи, богиня печи. При домашних молениях первые куски от кушаний бросали в печку хранительнице печки со словами: «Каштом ава, матушка, тон пидик, тон паник, – васень сускомось тонеть улезэ» – «хранительница (богиня) печи, матушка, ты сварила, ты испекла, – первый кусок пусть будет тебе». На свадьбе, сажая пироги в печи, стряпухи поют: «Каштом кирди, матушка, каштом кирди, сияка, пидик-паник мазыйстэ, мельс туишка тон теик – «богиня печи, матушка, хранительница печи серебряная, испеки (пироги) красивыми, сделай их такими, чтобы понравились (сватьям)». Когда пироги испекутся, благодарят печку-матушку» [6, 192];

– названия предметов одежды, деталей её отделки и украшения. Эрзяне довольно давно расстались с национальной одеждой, названия указанной тематической группы не сохранились даже в памяти носителей языка старшего поколения: *бабан'панго* «головной убор, кокошник из домашнего холста с подкладкой» [6, 38], *вер'ав* «узор на женской рубашке, вышиваемый через три нитки в виде квадратиков» [6, 86], *вел'иш* «узор, вышиваемый через три нитки диагональю в виде лежачего креста» [6, 79], *вец'ума* «застёжка воротовая» [6, 87], *груша* «бляшка, употребляемая мордовскими женщинами для украшения своих нарядов» [6, 109], *ирха* «кожаная оторочка, дорогой мех» [6, 153].

Некоторые названия в эрзянском языке забылись вследствие исчезновения обозначаемых реалий: *ид'эр'д'ама* «трахома, глазная болезнь» [6, 143], *алган'жэй* «детская болезнь» [6, 17], *кепт'эр'э* «кузов из бересты, тальника и соломы» [6, 217], *карлав* «лопаточка, которой счищают землю,

прилиплю к отвалу плуга» [6, 181], *суман'* «кафтан» [6, 145], *зарка* «мяч, пойманный на лету в игре в лапту» [6, 137] и т.п.

Наряду с этими языковыми явлениями в эрзянском языке наблюдается пополнение словарного запаса в основном за счёт заимствований из русского и других языков. Целиком заимствована общественно-политическая, техническая, производственная, научная терминология, а также большая группа слов бытового характера. Часто заимствования употребляются параллельно с исконными словами: *вен'ч* – *лотка* «лодка», *ош* – *город* «город» и т.д. Некоторые русские заимствования полностью вытеснили из употребления эрзянские слова.

Таким образом, проведённое исследование позволяет констатировать, что роль лексем эрзянского языка в формировании этнического самосознания личности бесспорна: лексический пласт языка впитывает в себя все богатство мордовской культуры, играет важнейшую роль в плане интернационализации культур, глобализации межкультурной коммуникации. Формирование этнокультурного самосознания, приобщение к культуре мордовского народа, формирование в процессе обучения оценочно-эмоционального отношения к языкам и культуре своего народа, говорящего на этих языках, диалог различных культур – все эти факторы способствуют осознанию индивидуума принадлежности не только к своей нации, но и к своей стране, определённой цивилизации, к общемировому сообществу.

Литература

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
2. Кунанбаева С.С. Современное иноязычное образование: методология и теории / С.С. Кунанбаева. – Алматы, 2005. – 144 с.
3. Тер-Минасова С.Г. Языки и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово, 2008. – 264 с.
4. Гумбольдт В. Язык и философия культуры / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 452 с.
5. Кожанова М.Б. Этнопедагогизация воспитательного процесса как системообразующий фактор регионального компонента образования: монография / М.Б. Кожанова. – Чебоксары: ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2005. – 408 с.
6. Евсеев М.Е. Эрзянь-рузонь валкс / М.Е. Евсеев. – Москва: Центр-издат, 1931. – 226 с.
7. Богатова Г.А. Историко-культурный аспект лексико-грамматического описания русского языка и проблемы менталитета / Г.А. Богатова // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – 128 с.

Ю.Г. Хазанкович, доктор филологических наук

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Амосова,
Якутск

Аннотация. Статья посвящена исследованию цитат-знаков, выявлению их функциональной значимости в повести Анны Неркаги «Молчащий». Учет фактора стадильности художественного мышления ненцев позволил выявить специфическое функционирование цитат Неркаги А. как «знаков» культуры. Сделан вывод, что цитаты имеют характер условного соответствия, восходят к ненецким мифам и христианской литературе, выступают как средство самовыражения автора и способ выражения его культурно-семиотических ориентиров.

Ключевые слова: ненецкий фольклор, ненецкая повесть, цитата-знак, функционирование цитат.

Повесть «Молчащий» Анны Неркаги – одно из «кризисных» [1, 17] и неоднозначных произведений ненецкой писательницы. Судить об этом можно по широчайшему разбросу мнений критиков и литературоведов, последовательно рассматривающих аксиологическую и онтологическую проблематику [2], [3], [4], жанрово-стилевые особенности и образную систему повести [5], [6], [7], [8]. Все повести Анны Неркаги – «Белый ягель», «Илир», «Анико из рода Ного», посвящены художественному исследованию «психологического сопряжения мужского и женского мира как необходимого условия мировой гармонии» [1, 15]. Не является исключением и повесть «Молчащий», в которой «пророческий пафос» о кризисе в современном этническом сообществе, в том числе и из-за отсутствия духовного сопряжения мужского и женского мира. Несмотря на многоаспектность имеющихся исследований повести «Молчащий», неизученной остается проблема функционирования цитаты. Тема, заметим, чрезвычайно интересная в контексте актуализации изучения цитаты в прозаическом тексте, созданном национальным писателем [9]. В повести ненецкой писательницы Анны Неркаги «Молчащий» (1996) функционирует достаточно большое количество цитат-знаков [10], которые в первую очередь выступают как средство самовыражения автора, способ выражения его культурно-семиотических ориентиров. Цитата-знак выполняет функцию указания на целый текст, стоящий за ним. В качестве знака могут выступать ситуации, номинации, имена, индивидуально-авторские детали, предметы, явления, выступающие как символы [11, 11]. «Цитатность» А. Неркаги своеобразна, – она выступает в первую очередь как «знак» цитируемой культуры. Поэтому

цитата у Неркаги не тяготеет к дословности, а имеет характер условного соответствия. Заметим, что специфика функционирования цитат в повести Неркаги определена как укорененностью в культурном сознании «цитатной эпохи», так и стадильностью художественного мышления ненецкой писательницы, которая проявляется в обращении к ненецким мифам и христианской литературе (Библии), духовно-мистическим трудам, в частности, к метаисторическому труду Даниила Андреева «Роза Мира».

Необычная для литератур малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока цитатная насыщенность повести А. Неркаги обусловлена ее жанровым своеобразием: это первое произведение в литературах малочисленных народов, где нашли преломление современные жанрово-стилевые искания, характерные для развитых литератур. Отсутствие подобных текстов в национальных литературах напрямую обусловлено стадильным развитием художественного мышления и этнокультурной спецификой. Но вместе с тем фактор стадильности художественного мышления народов внутри литературного региона, на наш взгляд, сыграл решающую роль в актуализации новейшей эстетики именно в ненецкой литературе. В отличие от устнопоэтического наследия палеоазиатов, обских угров, ненецкий фольклор, хотя не менее архаичен, но вместе с тем в жанровом плане достаточно развит. Так, у ненцев имеется раннеэпическая песенная традиция, достигшая реалистического осмысления судьбы человека. Она прошла стадию десакрализации в жанре песни-хынабце. Хынабцы представляют собой поздний жанр эпической песни у ненцев. Генетически они восходят к ненецким мифам-сказкам, в которых на смену древним персонажам типа «человек, женщина, мужчина», приходят новые, в частности, луцы (европейцы). Мифы-сказки благодаря историчности ситуаций поднимаются до эпической формы реалистическо-исторических песен-хынабцев [12].

Повесть предваряет предисловие-откровение А. Неркаги, которое, на наш взгляд, сигнализирует о «выпадении автора из обыденного мировосприятия» и позволяет войти ему в измерение мифа: «...Я вижу впереди крах. Крах придет ко всем... Не рак, не СПИД, а совсем иная болезнь угрожает нам. В нас начала гнить Душа. Как может гнить любой орган нашего брэнного тела: печень, легкие... Начало краха ненцев я вижу в жестоком убийстве оленя... Когда срубишь дерево, некоторое время в нем продолжает двигаться сок-кровь. Испорченный ствол из последних сил питает свои ветви, дает тень, бледнеющую изо дня в день, и, наконец, иссыхает медленно, без видимых глазу агоний. Вот также гибнет и народ. Мы убеждаем и себя, и его, что он жив, здоров, благоденствует. Между тем – это будет лишь тень... То будет так... Не со злорадством говорю это, но с печалью. Пусть я ошибусь. Пусть мои слова останутся бредом больной души. А ниженаписанное – плодом минутного отчаяния» [13, 232-233].

Эпичность тексту Неркаги придает традиционное отношение ненцев к Слову. Известно, что Слово у малочисленных народов Севера имеет в культуре статусное значение и в этой связи недопустима «игра» им. Слово у Неркаги как бы живет своей жизнью, – оно живо и действенно. В ненецких мифах «слово-песня» существовало как полноценный персонаж и предполагало обязательное получение ответной реакции слушателей. Логично предположить, что ответная реакция сородичей должна последовать и на текст Анны Неркаги: эмоциональное, диалогичное повествование «Молчащего» представляет, на наш взгляд, именно коммуникативное обращение к сородичам.

В повествовании А. Неркаги наблюдается ориентация на ненецкий фольклор – мифы и эпические песни. В повести «Молчащий» на жанрово-сюжетном уровне очевидны черты ярабца – эпического жанра в фольклоре ненцев, представляющего собой песню-плач с реалистическим содержанием. Форма повествования от первого либо от третьего лица также восходит к ненецким мифам и эпическим песням, в которых наблюдается исключительная роль рассказчиков, что оказывает влияние на семантику образов и характер самого текста.

Первая часть повести посвящена описанию Скопища. Диалектика «мифического» и «исторического» даже в названии поселения у Неркаги своеобразна: автор мифологизирует историю. Название поселка – «резонанс» реальных исторических событий, которое берет начало с «революционных» времен, и, по мнению автора, «одного из многочисленных заблуждений человека на пути к своей теперешней бездуховности – самой страшной болезни людей...». Изначально повесть имела другое название – «Скопище». Мироустройство Скопища своего рода перевертыш и кардинально отличается от жизни традиционного ненецкого стойбища. Описание жизни в Скопище представляет собой у А. Неркаги, на наш взгляд, «эстетическую оппозицию» фольклору. Эпическая ситуация в повести вывернута наизнанку: единства в Скопище нет – гармония отношений среди его жителей возможна только при условии разрушения ценностей патриархально-родовой жизни: «Безумство гения смещит толпу скопийцев или озлобляет, точно так же, как свет далёкой звезды не светит и не греет». Подстрекаемая злым Улыбом толпа скопийцев убивает главного героя повести – Молчащего. Но ее ждет наказание: по истечении трёх дней, глубокой ночью, когда вопли постыдных оргий, стоны несчастных жертв похоти и жестокости прорезали небо, в невидимых далях раздалось ... Будто острый нож разрезал взбуревшее тело язвы, и потоки нечистот полились, заливая всё окрест» [13, 221].

Вторая часть повествования А. Неркаги посвящена главному герою – Молчащему. Этот образ, на наш взгляд, полигенетичен: он восходит как к

мифологии ненцев, так и к Библии. Типологическая связь литературного и фольклорного героев проявляется в их социальном статусе, – они одиноки на земле, им отведена сиротская доля. Мотив сиротства-одиночества героя в ненецком фольклоре более поздний по сравнению с мифами нганасан и энцев [12]. В портретном описании Молчащего-животного/получеловека очевидны мифологические черты. Его отец зверь, мать – скопийка. Среди ненцев распространены представления о великанах, похожих на зверя и человека одновременно, которые живут в подземных норах. Главный герой повести одинокий Молчащий также живет под землей, – его мать-скопийка выбросила младенцем в пропасть, но он выжил. Эта биографическая деталь тоже своего рода «перевертыш» фольклорной ситуации утраты и нахождения ребенка. В «оппозицию» фольклору в повести Неркаги ситуация утраты ребенка была добровольной: мать его собственноручно выбросила в пропасть, тогда как через десятилетия возвращение уже юноши-сына в общество скопийцев сопровождается, вопреки фольклорной традиции, не радостью, а глумлением над ним.

С образом Молчащего в повести актуализируется тема матери. Но Неркаги осмысливает ее нетрадиционно: образ матери Молчащего – Золотистой Лозы диссонирует в повести библейскому образу Богоматери. В христианской традиции образ Матери изначально божественный и светлый. Ее милосердная любовь – это путь, если не к спасению, то к преодолению мрака и Хаоса, в который погружается мир. Но в повести А. Неркаги поведение женщины-матери воплощает собой Хаос. Очевидно архетипическое начало в образе матери Молчащего: в оппозицию ненецкому фольклору она не отождествляется с Землей, не выполняет роль Мировой Матери – женщины-матери, женщины-супруги, хранительницы очага и рода.

Исследование пространственно-временного универсума позволяет сделать вывод, что художественное пространство повести оппозиционно мифологическим представлениям ненцев. Так, с одной стороны, оно организовано согласно мифологической структуре «мирового древа» с соответствующей иерархической вертикалью. С другой стороны, пространство в тексте повести представляет собой структурно-содержательный «перевертыш»: по представлениям ненцев злой дух Нга жил под землей, в темноте, за семью слоями мерзлоты, тогда как у Неркаги «злой дух» Улыб живет наверху. Таким образом, пространство в повести имеет наполняемость, оппозиционную мифологической традиции ненцев.

Выявляются здесь новозаветные цитаты и реминисценции. С сюжетной точки зрения история жизни Молчащего сопряжена с темой Страстей Христовых, – она базируется на обстоятельствах страдания и смерти героя. Имеющий место в повести мотив жертвоприношения (его распинают скопийцы) предстает как оппозиция фольклору: для скопийцев

жертвоприношение Молчащего не предполагает их духовного воскрешения. В работе рассматривается мотив воскрешения Молчащего с точки зрения мифологии. Метафорический сюжет ненецких мифов – это изображение пути от Хаоса к упорядоченности. Герой может появиться ниоткуда, и посредством поэтапного восстановления утраченного когда-то он заново открывает мир, как бы «пересотворяясь», осваивая и покаясь «все земли». Мотив превращения, «творение» человека во Всевышнего – один из распространенных в ненецком эпическом фольклоре, наполняемый Неркаги христианским содержанием. Согласно христианским представлениям, распятие – это мученическая смерть, которая ведет к вечной жизни и победе над адом. История Молчащего – это своего рода житие. Мотив Распятия – не только сюжетная реминисценция из Евангелия, а восходит и к ненецкой мифологии: герой должен пройти «временную смерть» через распятие, чтобы родиться заново. Изгнание главного героя повести А. Неркаги из «нормального» общества скопийцев, его изоляция – это важнейшее условие его перехода (статусное, социальное) в мифологическом сообществе, которое рудиментарно нашло отражение и в христианстве.

Модель художественного времени в тексте А. Неркаги сопоставима с концепцией мифологического времени, в котором «индивидуальная» смерть и периодическая смерть человечества необходимы, точно так же как «необходимы и три дня темноты, предшествующие Новому рождению луны. Индивидуальная смерть и смерть человечества сходным образом необходимы для их регенерации» [14, 19-20].

В этой связи выявляется еще один культурный источник для «цитатного» освоения Неркаги – «Роза Мира» Даниила Андреева. Цитаты без кавычек – один из наиболее встречающихся постмодернистских приемов у ненецкого прозаика. Повесть Неркаги А. имеет качественное отличие, заключающееся в том, что здесь, к примеру, евангельские мотивы, возникающие вслед за цитатой, – без оттенка пародии, шуток. В результате чего образ культуры «лишается ореола эпического предания» [15, 34]. В повести Неркаги мы наблюдаем противоположный эффект: обращение к мифологическому и инокультурному тексту, евангельским и «андреевским» цитатам в частности, изначально серьезно. Для прозаика мифологический, евангельский и инослитературный контексты важны как хранители вечных и абсолютных ценностей. Следует отметить, что ненецкая писательница благодаря цитатам буквально выстраивает «интертекстуальное поле» и создает свою собственную историю бытия ненцев.

Комбинация принципов цитатной точности и цитатного смещения позволяет А. Неркаги следовать раннеэпической традиции и одновременно быть в «оппозиции» к ней. Но в целом Неркаги следует воспроизведению

мифоструктур и законов архаического мышления: использование принципов бинарных оппозиций, реактуализация семантики мифологем распятия и воскрешения. Анна Неркаги создает неомифологический текст, для которого характерно сочетание глубокого философского содержания с мифологическим началом, синкретизме жанрово-стилевых форм, не укладывающиеся в привычные каноны. Она создает авторский миф – философско-мифологическое повествование о судьбе сородичей. Полагаем, что повесть «Молчащий» свидетельствует о переходных процессах в современной национальной литературе малочисленных народов Севера. Свидетельство тому ряд выявленных нами универсальных черт «переходности» [16]: эсхатологическое переживание истории, активизация мифа и архетипа, кризис коллективной идентичности, изменения в отношениях человека к пространству и времени и др. Сочетание реалистических и фантастико-мифологических пластов отражают суть переходных процессов в современных литературах коренных народов: с одной стороны, стремление сохранить реалистичность, осветить наиболее злободневные проблемы современного бытия ненцев, с другой – поиск художественной новизны.

Литература

1. Шапоренкова Г.А. Спор культуры и цивилизации в аборигенной прозе Сибири и северной Америки (повести Анны Неркаги в компаративном контексте): автореф. дисс. ... канд. культурологии. – СПб., 2001. – 25 с.
2. Ващенко А.В. Манифест этнического художника в эпоху глобализма // Ненецкая литература. – М.: Литературная Россия. 2003. – С. 100-112
3. Лагунова О.К. Мифопоэтика повести Анны Неркаги «Молчащий» // Космос Севера. Вып. 3. – Екатеринбург: Среднеуральское кн. изд-во, 2002. – С. 66-83.
4. Доминик Самсон. Страсти по Анне Неркаги // Ненецкая литература. – М.: Литературная Россия. 2003. – С. 161-177.
5. Рогачева Н.А. Право выбора // Ненецкая литература. – М.: Литературная Россия, 2003. – С. 154-160.
6. Цымбалистенко Н.В. Литературно-художественное осмысление исторических судеб коренных народов северо-запада Сибири (на материале ненецкой и хантыйской литератур): автореф. дисс. ... докт. филол.н. – СПб., 2005. – 44 с.
7. Шапоренкова Г.А. Видение Апокалипсиса // Мир Севера. – 2002. – № 1. – С. 93-95.
8. Ионин Г.Н. Юван Шесталов, Анна Неркаги и... Достоевский (рекомендации студентам по сопоставительному анализу) // Литература народов Севера. Вып. 11. – СПб.: Олимп, 2008. – С. 78-88.
9. Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное

- произведение: основные понятия и термины / Под ред. Л.В.Чернец. – М.: Издательство МГУ, 1999. – С. 496-507.
10. Минц З.Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока / Труды по знаковым системам. Сб. ст. – Тарту, 1973. – С. 262-388.
11. Смирнова Т.А. Типология и функция цитаты в художественном тексте: автореферат к.ф.н. – М., 2005. – 28 с.
12. Пушкирева Е.Т. Ненецкие песни – хынабцы. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – 199 с.
13. Неркаги А.Н. Молчащий. – Тюмень: СофтДизайн, 1996. – 416 с.
14. Элиаде Мирча. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М. – СПб.: Алатейя, 1999. – 249 с.
15. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. – М., 1997. – 317 с.
16. Хренов Н.А. Опыт культурологической интерпретации переходных процессов// Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные исследования художественной культуры в переходных процессах. – М.: Наука, 2002. – С. 11-56.

Языковая картина мира соматизмов хантыйского языка (на материале шурышкарского диалекта)

А.А. Шиянова, кандидат филологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье рассматривается языковая картина мира хантов, представленная соматической лексикой. Определяются теоретические предпосылки лингвокультурологии. Выявляются лексико-семантические группы фразеологизмов, содержащих в себе соматический компонент.

Ключевые слова: соматизмы, хантыйский язык, картина мира, фразеологизмы, лингвокультурология.

Язык во все времена оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Еще Пифагор «для познания нравов какого ни есть народа» советовал прежде всего изучить его язык. Одним из выражений антропоцентрической парадигмы в лингвистике является возникновение нового направления – лингвокультурологии, предметом которого являются язык и культура, находящиеся в диалоге, взаимодействии между собой [1].

Т.Н. Снитко дает следующее определение этого понятия: «Лингвокультуру мы определяем как особый тип взаимосвязи языка и культуры,

проявляющийся как в сфере языка, так и в сфере культуры, и подлежащий выявлению в сопоставлении с другим типом взаимосвязи языка и культуры, то есть в сравнении с другой лингвокультурой» [2]. В.Н. Телия определяет лингвокультурологию как часть этнолингвистики, посвященную изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии [1, 217].

Возникновение и развитие лингвокультурологии в нашей стране связано с «преобладанием лингвокультурологического подхода к преподаванию иностранных языков» [3, 5]. «Лингвокультурология – сравнительно молодая филологическая дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и рассматривающая язык как воплощение культуры» [3, 5].

В лингвокультурологии можно использовать «лингвистические, культурологические и социологические методы, методы полевой этнографии (описание, классификация, метод пережитков и др.), открытые интервью, метод лингвистической реконструкции культуры; можно исследовать материал как традиционными методами этнографии, так и приемами экспериментально-когнитивной лингвистики, где важнейшим источником материала выступают носители языка (информанты)» [4, 34].

Лингвокультурология – это «гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру» [4, 30].

Говоря о культурном пространстве и о фиксации некоторых основных фрагментов его в языке, В.В. Красных вводит такое понятие, как код культуры, который понимается как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, с помощью которой членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют» [5, 231-232].

Среди шести базовых кодов соматический код В.В. Красных ставит на первое место, выделяя также в следующей последовательности и другие коды, заложенные в структуризации и описании окружающего мира: пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный.

Подобно другим ученым, В.В. Красных справедливо утверждает, что соматический код культуры стоит на первом месте, «потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих... Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация... говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность» [5, 236].

Лингвокультурология – это наука, которая занимается проблемами взаимосвязи языка и культуры, становлением языковой картины мира. Однако

она не занимается вопросами взаимовлияния и взаимопроникновения *различных* языков и культур.

Наиболее изученными с этой точки зрения оказываются фразеологические единицы, что вполне закономерно, поскольку они во всех языках обладают яркой самобытностью и неповторимостью. В отечественной лингвокультурологии признанным авторитетом в этой области является В.Н. Телия. Он отмечает, что «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [1, 233].

Большое внимание, особенно в последнее время и особенно в рамках лингвокультурологии, уделяется слову как единице хранения культурной информации. Язык отражает реальность, интерпретирует ее, создавая особую реальность, в которой живет человек. Язык – это путь, по которому мы проникаем не только в современную ментальность нации, но и в представление древних людей о мире, обществе и самих себя.

Язык, культура и этнос неразрывно связаны между собой и образуют средостение личности – место сопряжения её физического, духовного и социального языка. Языковая личность и концепт – базовые категории лингвокультурологии, отражающие ментальность и менталитет обобщенного носителя естественного языка и предоставляющие этой научной дисциплине исследовательский инструмент для воссоздания прототипического образа «человека говорящего» [6].

Большая часть информации о мире приходит к нам по лингвистическому каналу, поэтому человек, скорее, живет в мире концептов, созданных им же для интеллектуальных, духовных, социальных потребностей, чем в мире предметов и вещей: огромная доля информации поступает к нам через слово, и успех человека в обществе зависит от того, насколько хорошо он владеет словом, насколько умеет проникнуть в тайны языка.

Мы рассмотрим лингвокультурологический аспект соматической лексики. Соматическая лексика встречается в различных сферах жизни человека. Человек воспринимает жизнь через свой организм, поэтому соматическая лексика встречается в различных жизненно важных сферах общества.

Нами выявлено, что соматическая лексика встречается во флористической лексике, орнаментальной, оленеводческой лексике, в названиях одежды, украшений, посуды, географических объектов, явлениях природы, названиях животных, в словах, обозначающих характер человека, в загадках, поговорках, пожеланиях, приметах.

Среди выразительных средств любого языка особую роль занимает пласт фразеологических единиц. Опираясь на связи с общезначимыми для носителей той или иной культуры пути смысловой коммуникации, фразеологизм

преодолевают в достаточной мере строго соблюдаемое на уровне лексем и их организованных сочетаний, используемых в речи, соотношение между количественным объемом элементов высказывания и содержащимся в нём значимым содержанием.

Известно, что «концептуальное осмысление категории культуры находит свое воплощение в языке, прежде всего через образное содержание языковых единиц» [4, 145].

Одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгадке национального сознания, являются фразеологизмы и поговорки – устойчивые выражения, функционирующие в каждом языке и составляющие «когнитивный компонент культуры народа» [7, 17].

Как отмечает А.И. Молотков в фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей [8, 5].

Фразеология тесно связана с историей, бытом, этническими и культурными традициями народа, его мировосприятием и психологией.

Соматическая фразеология относится к древнейшему пласту лексики и отражает миропонимание древнего человека.

Вслед за В.Н. Телия к фразеологическим единицам мы относим устойчивые по лексическому составу и структуре воспроизводимые в речи единицы, состоящие из двух и более компонентов (один из которых обязательно полнозначный), выражающие обобщенно-переносные значения и выполняющие номинативную функцию, то есть «называющие и обозначающие фрагменты действительности как целостные внеязыковые объекты» [1, 57]. Мы рассмотрим соматизмы в составе фразеологизмов хантыйского языка, сделаем попытку описания их национально-культурной специфики, а также введем их в научный оборот.

Фразеологизмы чаще всего образуются в результате метафорического или метонимического переосмысления всего свободного словосочетания [9, 240].

Мы рассмотрим языковую картину мира соматизмов, которые представлены фразеологизмами с такими соматическими компонентами, как *õx* 'голова', *još* 'рука', *kür* 'нога', *sem* 'глаз', *sām* 'сердце', *lõw* 'кость' в хантыйском языке.

Выявленные нами фразеологизмы с соматическим компонентом отражают в себе следующую национально культурную специфику.

1. Фразеологизмы со скрытым и прямым сравнительным элементом, например: *pütj wõrŋa semije* 'черноглазая' (букв.: черный, ворона, глазки); *pütj molŋw semuje* 'черноглазая' (букв.: черный, толокнянка, глазки); *semŋäläl oŋat itj juwman* 'сильно пьяный человек' (букв.: глаза как рога стали), имеется в виду неподвижные; *semŋäläl xošeŋk itj juwman* 'глаза выглядят больными' (букв.: глаза стали мутными как бульон). Таким образом, глаза человека сравниваются с глазами вороны, с ягодами толокнянки по

внешнему сходству и по цвету, также с частью тела животного (рогами), сравниваются по цвету жидкости (бульона).

2. Фразеологизмы со значением появления и исчезновения, например: *sema pittj* 'родиться' (букв.: на глаза попасть, стать); *sem saja pittj* 'исчезнуть' (букв.: за глаза попасть).

3. Фразеологизм с элементом физического состояния, например: *semjälal nox tarxampmel* 'глаз опухли' (букв.: глаза, навверх, опухли); *sämem xošäl* 'переживать' (букв.: сердце=мое ноет) психическое состояние; *sämem oxtti alämla* 'тошнить' (букв.: сердце наоборот поднимает), *sämäl ajtan mänäs* 'испугаться' (букв.: сердце быстро ушло), *säm löwem moremäs* 'инфаркт' (букв.: сердца кость сломалась). В данной группе фразеологизмов семантика физического состояния передается глаголами *tarxampmi* 'опухнуть', *alämtj* 'поднять', *moremätj* 'переломить'.

4. Фразеологизмы с семантикой обладания или отсутствия какого-либо признака, например: *tütəŋ sem* 'о людях с фонарем' (букв.: огненный глаз) внешнее сходство; *jošəŋ kürəŋ woj näŋen xun lajläl* 'зверь охотника не ждет' (букв.: руки имеющий, ноги имеющий зверь тебя не будет ждать) физические качества; *lowəŋ-soməŋ* 'рослый, крепкий' (букв.: с костями с чешуей) внешнее сходство; *semli-pällj* 'слепой-глухой' (букв.: без глаз, без ушей); *ōxli makla* 'глупый' (букв.: безголовая сова) интеллектуальные признаки; *sämli-mōxəlli* 'жестокый' (букв.: без сердца, без печени) выражает характер. В данной группе лексики обладание или отсутствие какого-либо признака передается с помощью суффикса =əŋ, означающего обладание признаком, и суффикса =li имеющего значение отсутствия признака.

5. Фразеологизмы с глаголами разных лексико-семантических групп, например: *semjälal wüllj talmən lojäl* 'удивленный' (букв.: глаза широко растянул, стоит) психического состояния; *jošjälal lopilät* 'желает сделать, потрогать, сломать' (букв.: руки чешутся); *još jowəlman janxäl* 'бездельничать' (букв.: ходить руками махать) поведенческого состояния; *još pos pontj* 'расписаться' (букв.: руки знак поставить); *kürən mojlätj* 'начать ходить' (букв.: ногами одарить), так говорят о ребенке, который только начинает ходить, фразеологизм выражает физиологическое состояние.

6. Фразеологизмы, связанные с этикетом (пожелания), например: *tumtak kür tumtak još* 'пожелание здоровья' (букв.: здоровые ноги, здоровые руки); *jošen kuren tūmtaka at ul* 'будь здоров' (букв.: твоя рука, твоя нога здоровы-ми пусть будут).

7. Фразеологизмы, содержащие метафоры, например: *xänšəŋ sem* 'голубоглазый' (букв.: пестрые глаза), *nal sem* 'очкастый' (букв.: четыре глаза), *säm šasli* 'бессердечный' (букв.: сердце, бесчувственный), *uxäl sämpi* 'чуткий' (букв.: с тонким сердцем), *kartj säm* 'смелый' (букв.: железное сердце) выражают характер человека, *šowər säm* 'трусливый' (букв.: заячье сердце) выражает поведение.

8. Фразеологизмы, употребляющиеся в сакральной сфере, например: *küräl morijäs* 'начался менструальный цикл' (букв.: нога ее переломилась). Это означает, что девочка, которой до этой поры разрешалось ходить и переходить через мужские вещи, теперь не может этого делать.

9. Фразеологизмы, обозначающие поведение человека, например: *ōx elti mältj* 'на голове ходить' (букв.: голова, сверху, идти) выражает нормы поведения. Это говорит о том, что голова – чистое место.

Итак, мы разделили все выявленные нами фразеологизмы, содержащие в себе соматический элемент, на 9 семантических групп.

Таким образом, мы рассмотрели языковую картину мира соматизмов хантыйского языка, определили теоретические предпосылки лингвокультурологии, выявили, что соматическая лексика встречается в различных сферах жизнедеятельности человека. Также выявили фразеологизмы с соматическим компонентом и определили их национально-культурную специфику. Во фразеологизмах наиболее ярко передается национально-культурная специфика. Наиболее «уважаемыми» соматизмами в национально-культурной специфике являются сомонимы *ōx* 'голова', *sem* 'глаз'.

Литература

1. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996. – 288 с.
2. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: АДД. – Краснодар, 1999. – 30 с.
3. Васильева Г.М. Национально-культурная специфика семантических неологизмов: лингвокультурологические основы описания. – СПб., 2001. – 210 с.
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М., 2001. – 208 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М., 2003. – 349 с.
6. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
7. Лисоченко О.В. Явление прецедентности в современной русской литературной речи / О.В. Лисоченко: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Таганрог, 2002. – 26 с.
8. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1986.
9. Соловар В.Н. Фразеологизмы хантыйского языка, связанные с укладом жизни и обычаями // Материалы IX Международного конгресса финно-угроведов. – Тарту, 2001. Т. 6. – С. 240-243.

..... ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
**КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА,
ДУХОВНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА**

Женские божества и их воплощения в древности

Л.В. Кашлатова

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Берёзово*

Аннотация. В этнографических исследованиях мировоззренческий образ женщины трактуется, прежде всего, как образ богини-матери, подательницы жизни. Истоки этого культа уходят в глубокую древность. В статье рассматривается круг вопросов, касающихся происхождения и развития женских божеств в древности.

Ключевые слова: женское божество, культ лося, культ медведя, земная связь, птичьи ипостаси, первопредок, *Мось, Пор.*

Женское начало в сознании человеческого разума изначально стало осознаваться в лице своей матери, первоматери, матери-прародительницы, ставшей впоследствии божественным духом в своей семье и в своём роде. Мать-прародительницу, трансформировавшуюся в божество, стали соотносить с женским творческим началом в природе. В эпоху зарождения мифологических представлений женские божества рассматривались как источник жизненной силы и бессмертия, они покровительствовали природе, земле, космосу, культуре, участвовали в творении мира, магически способствовали умножению растительного и животного мира и продлению человеческого рода.

Феномен женских божеств постоянно привлекает к себе внимание исследователей, однако необходимость его всестороннего изучения начала осознаваться в XX веке. Основная гипотеза состоит в том, что древние божества имели женскую природу. Люди больше всего почитали богинь-матерей, Великих матерей. Одна из самых сложных проблем касается времени происхождения культа Великой богини. Большинство ученых сегодня определяют его возрастом самых древних женских изображений – так называемых «палеолитических Венер», относящихся к периоду верхнего палеолита. Происхождению Великой богини на основе палеолитических рисунков посвящены исследования А.Д. Столяра [1], А. Голана [2]. К вопросу о происхождении женских божеств обращались: А.П. Окладников [3], Г.Н. Грачева [4], М.Д. Хлобыстина [5], А.М. Сагалаев [6], Н.В. Полосьмак, Е.В. Шумакова [7] и др.

О глубокой древности женского божества северных народов свидетельствуют многочисленные архаичные черты в представлениях о ней: её связь с культом лося, медвежьим культом, земная связь, птичьи ипостаси. Многие исследователи полагают, что наиболее архаичными являются представления о Матерях Природы, в которых Земля представлена в зооморфном облике [4; 5; 8; 9] и др. Например, в представлениях нганасан Земля-мать '*Моу-нямы*' была живым существом, некогда родившим и продолжающим рождать все живое, и выступала в образе лосихи или дикой оленихи, на спине которой живут нганасаны [4, 21]. По представлениям хантов, Земля также представляется в образе Лосихи [8, 269].

Поскольку и лось, и дикий северный олень являются главными объектами охоты, приносят людям еду, тепло, то именно они составляют основу идеи спасения жизни в экстремальных условиях Заполярья и тайги. По представлениям старшего поколения хантов, «очень старый лось не умирает своей смертью: он обрастает мхом и, уйдя под землю, сам становится землёй» [10, 44]. Символ Лося (Лосихи), олицетворяющий архетип Матери, изначально воплощает в себе такие понятия, как изобилие, плодородие, женскую воспроизводящую силу [8, 268-269].

Лось занимал центральное место в производственном культе древних охотников, в тех верованиях и обрядах, которые были связаны с самой основой существования. Всем известен хантыйский миф о шестиногом лосе «О млечном пути на небе» [11, 297]. В данном мифе говорится о том, что лось был таким быстроногим, что его не могли догнать люди. Чтобы люди могли охотиться на него, сын *Торыма* догнал его и отрубил у него две задние ноги [11, 41]. Значение лося в жизни и мировоззрении обских угров было чрезвычайно велико. Например, у манси «лося на Сосьве почитают в более сильной степени, нежели на Ляпине» [12, 196].

В прошлом повсеместно был распространен лосиный праздник по случаю его добычи. В настоящее время такой праздник перестал существовать. По мнению С.А. Поповой, «праздники и обряды в честь женских духов-хозяев леса, воды, гор были широко распространены в древности, через них прошли потомки манси как через одну из ступеней развития религиозных представлений, представлений о мироздании, круговороте жизни, установлении норм и обычаев» [13, 41]. Отзвуком архаичных воззрений является то, что в настоящее время при охоте на этого зверя, разделывании туши, приготовлении блюд из мяса лося до сих пор соблюдаются строгие правила, связанные с табуированием древнего животного [14, 167; 10, 45]. В том месте, где добыли лося, обычай требовал устраивать обряд жертвоприношения небесному богу, так как он имел небесное происхождение. Женщинам запрещалось есть мясо лося и связано это, скорее всего с тем, что первоначальный образ лося имеет женское начало. Целый ряд

обрядовых действий был направлен на то, чтобы обеспечить возвращение добытого зверя в прежнее состояние. Нельзя было небрежно обращаться с костями, опаливать губы, железным ножом перерезать сухожилия, скармливать мясо собакам. Поедание лосиного носа давало охотникам удачную охоту на этого зверя. Следы культа лося по сей день наблюдаются у обских угров [12, 21-22; 15, 86-88, 101; 10, 44-45].

Култ медведя также имеет древнее происхождение, своими корнями он уходит в глубину веков. Сибирские народы видели в могучем звере, хозяине тайги, первопредка, культурного героя. В «Медвежьей песне о спуске с неба» поется: *«Жадный зверь могучий, моя доченька, Мною сказанные слова не послушала. Батюшка, на землю отпустил бы ты меня! Ну, как хочешь, доченька, если сильно так захотелось, спущу тебя я на землю»* [11, 303-304]. Отзвуком небесного происхождения медведицы является обряд разделывания туши добытого медведя охотниками. *Коль медведица я, то четыре завязки развязывают* [11, 307]. Шкуру со зверя снимают так, как будто развязывают четыре-пять завязок **женской шубы** *сах* [16; 17; 9]. Традиционная мужская одежда ханты – малица, она глухая и не имеет застежек, а женская одежда распашная, имеет разрез спереди и полы шубы соединялись завязками [11, 509; 18, 71].

Почитание медведя, предка и культурного героя имеет долгую историю, отражено во многих мифах и ритуальных традициях. Медвежий праздник по случаю добычи зверя и ритуальная забота о черепе и костях медведя имела самое широкое распространение по всему Северному полушарию. Существование медвежьего праздника отмечено в Европе у древних карелов, финнов и саамов; в Азии – у ханты, манси, ненцев, алтайцев, кетов, тувинцев, эвенков, эвенов, якутов, юкагиров и т.д. [19, 418]. У ханты и манси по случаю его добычи устраивался праздник, смысл которого заключался в стремлении помирить душу медведя с добывшим его охотником.

По представлениям хантов, первой на Земле появилась медведица: она мать первой женщины фратрии *Пор*. Медведицу-родоначальницу убили охотники, взяли маленькую девочку, её дочь, и воспитали её [16; 14; 17]. По мнению А.М. Хлобыстиной, мотив, где находят таких детей, ставших впоследствии культурными героями (их воспитывают звери-предки, старухи), является весьма древним [5, 65].

В фольклорных текстах мы находим, что «вносят меня в дом... На широкий стол из трех досок, на широкий стол из четырех досок, сажусь я, как лесная женщина, как горная женщина» [20, 148]. С.А. Попова сообщает, что суть праздника не в том, кто его добыл и какого пола зверь, а в роли женщины в древнем обществе как хозяйки, главы большой семьи, разные поколения которых проживают в отдельных углах одного жилища. Появившись на Земле, как первая женщина и первая Мать, она организует

миропорядок, устанавливает нормы поведения, систему ценностей, то есть всё, что мы называем традиционным мышлением, мировоззрением, религией [13, 34]. В хантыйском мифе «О сотворении земли» именно женщина творит растительность, животных «много черного зверя стало бегать, много красного зверя стало бегать». Затем позволяет охотникам убивать их. В мансийской мифологии обозначена целая эпоха, когда женщина была социально активнее мужчины – со времени рождения первого ребенка-человека первой Матерью «старухой» от первого мужчины «старика» до времени, когда её дети, а затем и внуки разошлись по разным территориям и стали там хозяевами. Все предыдущее время она в образе мифологической седой длинноволосой старухи была единственной хозяйкой земли, воды, леса, а в реальной жизни она же (старуха) была хозяйкой большой семьи, поселения и что «самые древние локальные периодические Медвежьи танцы посвящались «хозяйке леса», где говорится, что первой на Земле появляется медведица» [13, 32-34].

На медвежьем празднике эпические песни о медведе считаются священными, в них поется о происхождении медведя, о спуске его с неба. Согласно одной из трех версий, медведица (медведь) приходится дочерью (или сыном) Верховного бога *Нуми-Торыма*, который воспитывает её (его) в «задней комнате своего дома», в меховом гнезде. В мансийской священной песне от имени медведицы поется, как *«Золотой Карыс-Батюшка, Золотой Карыс-Отец, (меня) возмужалого сильного зверя на человеческую обжитую слоистую Землю спустил (с небес)»* [21, 249]. В другом варианте медведица рождает женщину *Пор*, то есть выступает в качестве прародительницы фратрии. Данный миф, по мнению исследователя, является самым древним, в сказке «Маленькая женщина *Мось*» появление медведицы «воспринимается как само собой разумеющегося» [16, 7-9]. На Казыме записан отрывок из медвежьей песни, в котором говорится о том, как он был сыном женщины, но заслушание был наказан и, обидевшись, ушел в лес, там поздней осенью он стал замерзать, после чего обрел иной образ, сделавшись медведем. Многократно он выходил к поселку, чтобы подкараулить мать и отомстить ей, но каждый раз находил причину этого не делать [15, 165]. На Вахе медведя помещали в почетный передний угол со словами: «Здравствуй, лесной старик». Затем происходил обряд гадания, при котором устанавливалось, кем из умерших родственников он является. Ваховские ханты считали, что человек после смерти превращался в медведя [14, 170]. Если в архаическое время медведица (медведь) называлась «хозяйкой леса», то со сменой родового строя, с насаждением духов в мужском облики медведь (медведица) считается «хозяином тайги».

Следующая стадия развития религиозных представлений о женских божествах связана с Землей-матерью *Миг ангки*. В хантыйском мифе «О

сотворении Земли» инициатором творения Земли выступает старшая дочь небесного божества. Растительный мир старшая дочь творит с помощью своих волос, и тогда Земля приобретает оболочку (покров), становится «кожистой, волосатой». Везде появляется тальник, густые леса с деревьями. В фольклоре манси она иногда предстает как *Хоса атуп эква* (манс.) 'Женщина с Длинными Волосами', а по представлениям манси, чем длиннее волосы, тем дольше жизнь. На основании этого С.А. Попова делает вывод, что «Женщина с Длинными Волосами явно очень старая. В образе Длинноволосой женщины она является хозяйкой леса... Как хозяйка леса, она помогает охотникам в их удаче на промыслах» [9, 26].

У хантов сила Земли заключена в волосах-растениях (тоже самое замечает Г.Н. Грачева у нганасан, «она (Земля) старуха, одета в мох, лес – её волосы») [4, 21]. Этим же качествам наделены человеческие волосы. В лесах, в волосах-деревьях Земли рождаются и живут животные. Люди представляли Землю телом громадного зверя, где реки – это вены, озера – глаза, деревья – шерсть [22, 260]. Земля представлялась хантам живой, поэтому ей нельзя было наносить раны, тыкать острым предметом. «Земля – живое существо, – говорят саами. – Деревья и травы – её волосы. Зеленый дёрн, тундровые мхи – её кожа. Нельзя делать больно Земле, нельзя её ранить...» [23, 18]. По мнению Т.А. Молдановой, «в настоящее время символ Земли-Матери всё ещё обладает жизненностью и мощной силой воздействия, а нефтяное освоение территории проживания хантов формирует у них образ Земли как женщины с искалеченным лицом» [8, 269, 271].

В мансийских мифах богиня-мать именуется «Земная мать» или «Нижнего мира мать», она соотносится с землёй как воплощение плодородного начала. Её низвергает на землю *Нуми-Торум* за супружескую неверность или за то, что, вмешивалась в его дела [6, 57, 75]. В верованиях манси есть женское божество и называют её *Калтасть Сянь*, где *Сянь* – это 'Мать'. Иногда в обращении к богине употребляют выражение *пунынг Сянь* 'шерстистая Мать' и, как пишет С.А. Попова, это говорит о древности её происхождения [9, 26]. Один из её эпитетов «черная Земля-Мать, шубная Земля-Мать, пушная Земля-Мать» связан с названием в мансийской мифологии Земли [24, 586].

Имеющая связь с землей, богиня-мать дает жизнь не только людям, но и зверям, птицам. Б. Мункачи весь ряд женских образов считает возможным называть одним термином – Мать-Земля. Он считает, что «первой стадией существования образа было осмысление как земля со своими её свойствами. Затем земля была противопоставлена небу, а в дальнейшем произошла контаминация земли и неба, в результате образ получил небесные характеристики» [25, 71-72].

В.Н. Чернецов считал, что у манси *Ма-анкве* 'Земли бабушка', *Йолы-Торум-Сянь* 'Нижнего-Неба-Мать' (Земли мать) и *Щань-Торум* 'Мать-Торума'

равны между собой, что Мать-Земля участвовала в сотворении мира, причем ей принадлежала главная роль в создании человека [26, 31]. На мансийском языке *ма* 'земля', а это первый слог – мама, мать. Трепетное отношение к Земле-Матери проявляется в весеннем празднике-обряде у нганасан. На празднике в первую очередь кормили Землю-Мать глазами жертвенного животного и сливали на землю его кровь со словами: «Земля-Мать, твоя доля» [4, 218]. У хантов при ранениях острым предметом (ножом, топором) с сильным кровотечением данные предметы прикладывали к земле со словами: «возьми его кровь, помоги ему поправиться, затяни (вылечи) скорее рану» (по детским воспоминаниям). Есть обряд захоронения куклы в землю, если в доме находится больной и долго не выздоравливает. В данном случае Мать-Земля или Земля-Мать выступает как богиня – заступница от болезней и как заметил К.Ф. Карьялайнен, «богиня была поставлена в связь с явлениями болезни, которые мыслились как появившиеся из земли» [12, 235]. В данном случае болезни мог посылать *Хинь-Ики*, дух болезней и смерти. Поэтому, чтоб защитить себя и близких от болезней, от злого духа *Хинь-Ики* обращаются к богине Мать-Земле и проводят обряды.

Земля-Мать осмыслялась как прародительница всего, что есть на земле. Если Земля-Мать рождала, то Солнце-мать *Хатт ими* 'Солнце-женщина' давала жизнь и растила, от неё зависела жизнь на земле. Давая свет и жизнь, Солнце каждое утро поднимается и каждый вечер уходит в небытие, в преисподнюю. По одной версии, Солнце было создано *Карс-Торымом*, самым высшим божеством. Солнце связывается с женским началом и представляется как яркое горячее существо. Ханты считают её сестрой Земли-Матери, солнечные лучи – это дети Солнца-Матери. До сих пор в народе есть примета, когда на небе переливаются солнечные лучи, то говорят: «Солнце играет со своими детьми (лучами)». Под горячими лучами Солнца-Матери земля расцветает, оживает. Замершие реки – вены Земли-Матери – вскрываются ото льда, и по ним бежит вода (кровь Земли-Матери).

По представлениям хантов, небесные светила – Солнце и Луна (Месяц) – являются мужем и женой, и люди произошли от их брака. Солнце олицетворяет жару, а месяц – холод. В фольклорных текстах часто встречается сюжет о спрятанных, а затем освобожденных светилах [11; 13; ПМА¹]. Согласно одному из преданий, Солнце и Луна в начале мироздания находились в царстве мертвых, но были похищены и вызволены оттуда *Мир суснэ хумом*, седьмым сыном *Нуми Торума*.

¹ ПМА – полевые материалы автора хранятся в Берёзовском филиале Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, ф. № 3.

С Землей-Матерью была тесно связана Огонь-Мать, от которой также зависела человеческая жизнь. Огонь – это та природная стихия, без которой жизнь в экстремальных условиях тайги и Севера невозможна. Отсюда Огонь-Мать занимает одно из ведущих мест в общей системе материнских сил Природы, создающих мир и поддерживающих в нем жизнь. Ещё на заре истории культуры огонь оказался связан с жилищем и очагом, сферой труда женщин – это одна из древнейших особенностей человеческой культуры. Именно женщина обеспечивала очаг теплом, поддерживала огонь, варила пищу.

Ханты *Най-Анки* 'Богиню-Мать', *Тут-Амие* 'Тётушку-огонь' представляли дочерью Солнца. Огонь и Солнце – это две рождающие силы Матери Природы, они постоянно связаны друг с другом, обе даруют людям тепло и свет. Восточные ханты представляют Матерью Огня женскую богиню *Анки-Пугос*, которая обитает близ Восходящего солнца, там она «вынычивает, укачивает в колыбели» детей и посылает их людям [27, 101, 129].

Современная обско-угорская этнография позволяет различить несколько видов огня: огонь творения, дикий огонь, домашний огонь и священный огонь. К сфере человеческого ведения относятся два последних. Различить их иногда затруднительно, так как домашний огонь также является сакральным. Священная, магическая сила огня связана с очищением, обновлением, возрождением, отмечена у многих народов Сибири. Некоторые черты этого божества позволяют соотнести его с образами женских божеств неолитической религии. По мнению Н.В. Лукиной, огонь для предков хантов был одним из первых богов [28, 93]. Огонь-Мать называли богиней выше (сильнее) ста духов.

Вода-Мать также почиталась всеми народами Севера. Вода-Мать, или Мать-Вода, воплощала в себе идею первоначала, рождения, плодородия. Ей делались приношения перед рыбными промыслами. Ханты во время проведения обряда для *Йинг-Хон-Эви* 'Царицы Священной Воды' просили у неё «*косяки мелкой рыбы ты нам направо, косяки крупной рыбы ты нам направо, не дай умереть твоим деткам, не дай умереть с голоду*» [ПМА]. Поймав ценную породу рыб: нельму, муксуна, осетра, ханты делали приношения водным божествам и благодарили их за помощь.

Хозяйка и хозяин водных просторов могли «пожирать» людей, в этом случае к ним обращались с просьбами, чтобы они охраняли всех на воде. У хантов повсеместно существует обряд, когда впервые садятся весной в лодку, то смачивают трижды водой волосы на голове со словами: со спины белой лошади, пересели на спину черной лошади [29, 26]. Смысл этих слов заключается в том, чтобы человека не постигло несчастье, и вода не должна накрыть с головой ребенка, мужчину, то есть вода не должна забрать человека. Бездна вод олицетворяла опасность – хаос, смерть, неуправляемую стихию, а ханты-рыболовы все лето находились на воде в маленькой

лодочке. Чтобы найти покровителя в лице водных существ, почтительно относились ко всем водным существам и проводили обряды почитания для Царицы Священной Воды и её отца *Йинг-Урт-Ики* 'Царя-Священной-Воды'.

Рассматривая примеры, связанные с эволюцией образов женщин-созидательниц, нельзя не отметить, как поступил хантыйский Верховный *Нуми Торым* со своей женой *Камтась Ими*. *Камтась* свержается вниз на Землю за необдуманное желание построить жилище из костей всех на свете зверей и птиц. Для этого *Нуми Торым* собрал всех птиц и рыб и обратился к сове за советом: *правильно ли поступает. Мудрая сова ответила бога приносить себе в жертву все живое, попрекнув его, что он уподобится женщине, если последует её совету. Нуми Торым пришел в ярость, начал бить свою жену, а потом сбросил вниз* [11, 342-344]. Мотив строительства жилища из костей всех зверей предстает «как яркая сказочная аналогия реальным жилищам верхнего палеолита Евразии из черепов и костей мамонта» [5, 30]. В данной мифе образ Птицы-советчицы является типичным для развития мифологического образа Матери Природы в птичьей ипостаси. Образ небесной птицы распространен чрезвычайно широко у всех народов Севера и Сибири. Сюжет с водоплавающей птицей встречается в древних мифах, сказках и поверьях у многих народов [2, 173].

В мифологии народа ханты космогонические мифы о происхождении Земли занимают особое место, в которых образ птицы является центральным для финно-угорского мира [30, 55]. К числу таких архаизмов следует отнести мифы народов ханты и манси, согласно которым земля появилась из первичного мирового океана «*вначале ничего не было, было море воды, было море льда*». Создание Земли происходит на фоне беспредельной глади моря – это самое древнее время. Нет никакой жизни внизу, сплошной хаос, море воды, а «вода, как заметил А.М. Сагалаев, – наиболее ёмкий символ хаоса, который предстоит разять для того, чтобы упорядочить, превратить в Космос» [31, 25].

Первым актом мироустройства является отделение земной тверди от водной стихии. Его совершают две птицы, они и являются творцами, ведь только птицы могут жить на водном пространстве. По мнению С.А. Поповой, «море, возможно, связывается с представлением манси о воде как первоначальной основе жизни» [9, 75]. Первые птицы, которые упоминаются в священных мифах – это *лулы* и *гагара*, достающие землю, со дна мирового океана. Эти птицы божественны и священные для всех групп хантов и манси.

Круг птичьих метафор в большей степени связан именно с *Камтась*, которая имеет несколько орнитоморфных образов. Один из главных птичьих ипостасей богини – лебедь, является священной птицей для всех групп хантов и манси. Особенно почитали лебединую ипостась богини среднеобские

ханты [32, 79; 33, 41; 34, 104]. Кроме лебедя, богиня имела другие орнитоморфные ипостаси – гусь, ворона, кукушка. В литературе они описаны достаточно подробно [35; 32; 2] и др.

В мифах Небесный *Торым* спускает своих детей в зыбке (железной, золотой). Они раскачиваются в зыбке до тех пор, пока не появляется островок «*поросший золотой муравой, поросший золотой травой*». И тогда они из зыбки пересаживаются в гнездо и, как заметил А.М. Сагалаев, «гнездо и зыбка тождественны» [6, 77]. В песне, записанной у среднеобских ханты, поется, как *Каттась* ими плавает по водной стихии: «*в гнезде на кочке, поднятой лулой земли, ты будешь плавать, в гнезде на кочке, поднятой гагарой земли, ты будешь плавать*» [ПМА]. В других текстах она, богиня *Каттась*, «*в богатом (счастливом) гнезде из тонкого шелка сидит*» или «*в гнездо, из мягкого меха дорогого красного зверя сядешь, в гнездо, из мягкого меха дорогого черного зверя сядешь*. Гнездо в архаичное время было для создателей мифов местом обитания (проживания) богини. Со временем, после длительного процесса трансформации, древние воззрения поменялись, в результате чего женские боги и духи оказались в священных углах жилых домов. Но память о том, что богиня сидит именно в «гнезде из тонкого шёлка» осталась, и люди считают священный сундук в доме гнездом богини.

Богиня-мать в облике птицы высаживает в гнезде яйца «*дочерей (для) выращивания хорошее гнездо, сыновей (для) выращивания хорошее гнездо, птица я, делаю...с крепкой скорлупой два яйца птица я, кладу. С прочной скорлупой два яйца наклюнулись – у одного-то маленького глазки его моим подобны, клювик его моему подобен. У другого-то маленького глазки его совсем другие, рот его совсем другой – человеческого существа девочка, человеческое дитя...*» [35, 90]. Из снесенного ею яйца появляется самая первая женщина-прародительница. Это древний обряд, где, возможно, демонстрируется переход от предка-птицы к предку-человеку [6, 78]. Наступает следующая эпоха, где богиня в образе птицы рождает (высиживает) человека, тем самым выполняет главную свою функцию богини-матери.

Не только в эпоху палеолита и неолита археологические находки доказывают, что богини-птицы были богини неба. Исследователь древних культур Э. Тейлор по этому поводу заметил: «Бог неба обитает в небесной области, и поэтому какой же образ может более подходить к нему и его посланникам, как не образ птицы» [36, 239]. Образ бога земли в виде птицы возник в связи с представлением о том, что он мог подниматься в небо для связи с верхним миром. Таким образом, птичьи черты богини самые архаичные и дают нам представления о её древнем образе на раннем этапе в ходе эволюции божества – связь с жизнью/смертью, представлениями о душе [37, 52].

В хантыйской мифологии первооснову образа женского божества составляют «своенравные, непослушные» дочери, раньше других оказавшиеся

на Земле – это медведица (хозяйка леса), хозяйка водных просторов (дочь Водного Царя), Женщина-огонь, Женщина-солнце, без которых немислима человеческая жизнь, созданная самой женщиной Матерью-Природой. Великая богиня не была единственной богиней в религиозно-мифологической системе. Но определенно можно говорить преимущественно только о ней, потому что почти все данные о женских божествах эпохи неолита сливаются в один собирательный образ. Параллели, выявленные в смежных этнокультурных мирах, помогают лучше понять сибирские образы богинь, представить возможные направления в эволюции. Богиня-мать принципиально многолика. В поздней редакции её образа есть ряд архаических черт, не сводимых к одной фигуре. Быть может, это связано с тем, что богиня-мать одновременно понималась как подательница жизни и «ангела смерти», соответственно в пантеоне существуют две взаимодополняющие богини: одна из них ассоциируется с небом (птицей), другая – с землей (чревом земли). И небо, и земля, по мнению А.М. Сагалаева, имели равное отношение к круговороту жизни. Если сакральный верх санкционирует жизнь, то рождает все-таки земля [6, 74, 96]. О том, что *Каттась* связана с сакральным верхом, светом и сиянием, прямо свидетельствуют её эпитеты *Сорни-анки, Тынынг-анки* 'Золотая богиня, дорогая богиня' и небесное происхождение, она дочь *Торыма*. В фольклорных текстах она, *Каттась*, говорит, что «ты сыночек, будешь жить на Земле, мы же вот отправляемся в Небеса» [11, 258].

Таким образом, в результате длительного периода эволюция женского божества следовала общим законам развития религиозных представлений и восходит к глубокой древности, о чем свидетельствуют многочисленные архаичные черты – её связь с культом лося, медведя, птичьи ипостаси, земная связь. Как показывают фольклорные источники, в процессе эволюции древний образ Земли постепенно распадается на две ипостаси: животную и человеческую. Затем земля была противопоставлена небу, а в дальнейшем образ получил небесные характеристики. «Небесные» и «земные» характеристики богини-матери не противоречат, а дополняют друг друга.

Литература

1. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985. – 298 с.
2. Голан А. Миф и символ. – М.: Русслит, 1993. – 376 с.
3. История Сибири. Т. 1. Древняя Сибирь / Под ред. А.П. Окладникова. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение. 1968. – 456 с.
4. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX - начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 176 с.
5. Хлобыстина М.Д. Говорящие камни. Сибирские мифы и археология. – Новосибирск: Издательство «Наука», 1987. – 128 с.
6. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 155 с.

7. Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. / Отв. ред. Е. И. Деревянко. – Новосибирск, АН СССР, Сиб. отделение, Институт истории, филологии и философии, 1991. – 91 с.
8. Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. – Томск, 2001. – 354 с.
9. Попова С.А. Обряды перехода в традиционной культуре манси. – Томск, изд-во Том. ун-та, 2003. – 180 с.
10. Успенская С.С. Сотворение Земли зооморфными персонажами // Мифология хантов. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 34-49.
11. Мифы, предания, сказки. / Сост., пред. и примеч. Н.В. Лукиной. – М.: Наука, 1990. – 568 с.
12. Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Т.1, Т.2, Т.3. / пер. с нем. и публик. д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1993, 1994, 1995.
13. Попова С.А. Мансийские календарные праздники и обряды. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 138 с.
14. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. – 226 с.
15. Кулемзин В.М. Человек и природа в воззрениях хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984б. – 192 с.
16. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров / Пер. с нем. и публ. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2001. – 48 с.
17. Молданов Т. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных ханты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 141 с.
18. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. – М., 1998. – 236 с.
19. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Издательство «Наука», 1966. – 576 с.
20. Соколова З.П. Уй йикв – Медвежьи игры // Мифология манси / Под редакцией И.Н. Гемуева. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – С. 148-149.
21. Героический эпос народа манси (вогулов): Песни святых покровителей / Сост. Е.И. Ромбандеева. – Ханты-Мансийск: ООО «Принт-Класс», 2010. – 648 с.
22. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.
23. Семёнова М. Мы – славяне! – СПб., 1998. – 560 с.
24. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Издательство «Наука», 2009. – 756 с.
25. Munkacsi B. Woqul nepkoltesi gyujtemeny. Budapest, 1893. Bd. 3/1. Medveenek. 593 s.
26. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. – 1939. – № 11. – С. 20-43.
27. Шатилов М.Б. Ваховские остяки (Этнографические очерки) // Труды «Финно-угорского конгресса в Хельсинки в 1965 г. – Хельсинки, 1968. – С. 102-111.
28. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 136 с.
29. Лапина М.А. Этика и этикет хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – 115 с.
30. Рябинин Е.А. Археология СССР. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. – М.-Л. – Е № 1-60. – 1981. – 122 с..
31. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1992. 176 с.
32. Мартынова Е.П. Образ Калтащ-Анки в религиозной традиции хантов // Модель в культурологии Сибири и Севера. – Екатеринбург, 1992. – С. 74-84.
33. Молданов Т.А., Молданова Т.А. Боги земли казымской. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 114 с.
34. Кашлатова Л.В. Богиня Каттащ-ими в представлениях калтысянских ханты // Материалы III Югорских чтений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 104-109.
35. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. – М.: Наука, 1964. – С. 97.
36. Тейлор Э. Первобытная культура. – Л., 1939.
37. Кашлатова Л.В. Древние черты богини Калтась по фольклорным данным обских угров // Научное мнение. Научный журнал. – СПб. – 2012. – № 11 (2012). – С. 47-54.

Связующая цепь народных традиций в п. Хулимсунт Березовского района

Н.К. Маслова

Хулимсунтская детская школа искусств, Хулимсунт

Аннотация. В статье рассказывается о создании музея в п. Хулимсунт Берёзовского района, который выполняет роль сохранения традиционной культуры народа манси и является связующим звеном передачи знаний от старшего поколения младшему.

Ключевые слова: народные традиции, музей, экспонаты, экспозиции, традиционная культура.

В 2002 году группой неравнодушных людей, во главе с педагогом детского сада «Комарик» Л.Н. Габдрахимовой в п. Хулимсунт был создан

многофункциональный общественный музей традиционной и современной культуры «Мациос». Жители поселка откликнулись на просьбы сотрудников музея, и уже в кратчайшие сроки были собраны ценные музейные экспонаты. Торжественное открытие музея совпало с 25-летним юбилеем газотранспортного предприятия Сосьвинского ЛПУ МГ (ноябрь 2002 года). Помещение не было приспособлено для музейных экспонатов, но газовики помогли всё обустроить. Через залы музея прошли сотни людей, каждый находил что-то интересное для себя.

Первоочередной задачей деятельности музея был сбор экспонатов и создание экспозиций музея. Сотрудники музея организовывали выезды к местам традиционного проживания северных манси с целью знакомства с материальной культурой и сбора экспонатов (в деревни Менквя, Хангласы, Няксимволь, Усть-Манья). Использовались различные формы деятельности, в том числе приобщение детей к традиционной культуре народов Югры: проводили экскурсии для детей средней школы, детского сада и гостей поселка; проводились уроки краеведения для школьников.

В 2003 году на базе музея была создана молодежная организация исследователей. Ученики занимались сбором информации по истории газового поселка, о жизни интересных людей, о тружениках газовой промышленности, об участниках локальных войн, об участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла, о репрессированных людях. Наряду с общей информацией, проводился сбор фотоматериала о людях, проживающих в поселке, научного материала о своём роде-фамилии (с составлением генеалогического древа). Например, ученица Алгадьева Александра собрала интересную информацию о роде Алгадьевых, оформила материал и опубликовала его в книге «Большому роду нет перевода».

Совместно со средней школой и детской школой искусств в музее проводилось множество различных тематических мероприятий: вечер поэзии, романсов, встречи с интересными людьми, например, с художниками Ларисой Власкиной, Ольгой Мерцаловой, филологом-поэтессой Светланой Динисламовой, с самобытной поэтессой Марией Двиняниновой. Встреча с археологами из Новосибирска. Незабываемой была встреча с Евдокией Ивановной Ромбандеевой. В музее оформляются тематические выставки к различным юбилейным датам, а также выставки предметов традиционного искусства. Сотрудники музея обучают детей всему, чему научились сами.

Сотрудники музея организуют и проводят праздники – День Победы, День защиты детей, День работников нефтяной и газовой промышленности, 8 марта, День медицинского работника, День воина-интернационалиста, День Округа, День музея. К участию в праздничных мероприятиях привлекаются дети общеобразовательной школы, они заучивают песни и стихи, разучивают загадки и пословицы, составляют кроссворды по темам, инсценируют

сказки и т.д. (на всех мероприятиях звучит мансийская речь). Проводят экскурсии для гостей мероприятия. Ежегодно сотрудники музея проводят традиционный праздник «Вороний день» (пение песен, чтение стихов, сказки и загадки на мансийском языке; спортивные состязания – прыжки через нарты, стрельба из лука, «забрось кольцо», «перетяни палку», конкурс рисунков, традиционная кухня). Спонсорами праздника выступает администрация с/п Хулимсунт.

Коллектив музея принял участие в конкурсе «Белая птица» общества «Газпром Трансгаз Югорск» и занял призовое место в номинации «Общественные организации».

Сотрудники музея принимали участие в экспедиции в верховья Северной Сосьвы и по реке Манья, с целью сбора экспонатов, фотоматериалов и гербария.

В 2008 году на базе музея состоялись «Шешкинские чтения», куда были приглашены не только ученые, но и носители мансийского языка и родной культуры, и мастера традиционного искусства с разных городов и поселков ХМАО – Югры. В данном мероприятии приняли участие депутаты Думы ХМАО – Югры Т.С. Гоголева и Е.Д. Айпин.

Несколько лет музей сотрудничает с коллективом детского этнического стойбища «Мань Ускве» из Саранпауля, куда ежегодно ездят отдыхать ребята Хулимсунта. Дети и преподаватели стойбища «Мань Ускве» обучают наших детей традиционным танцам, игре на *сангквылтапе*, разыгрывать сценки «*Тулыглан*». Народный мастер России Мерова Аксинья Степановна научила нас (сотрудников музея) шить из бересты *акань*, *сан*, *цумпал*, кукольную *ану*. Народный мастер России Мерова Мария Сергеевна учит детей шить традиционную куклу-акань из ткани, традиционный мансийский платок *ватанг тор*. В будущем запланировано обучение шитью традиционного мансийского платья *суп*. Старожилы нашей деревни охотно делятся своими знаниями с детьми, учат их, как можно выжить в тайге и не замерзнуть, не имея с собой спичек и теплой одежды, как ориентироваться в тайге, как поставить капканы и т.д. Взаимодействие с сотрудниками ДЭС «Мань Ускве», культурный обмен с ними для нас крайне важны и необходимы. На базе общественного музея «Мациос» по желанию и непосредственному участию его сотрудников-энтузиастов проводились и детские летние смены в рамках проектов: летняя школа коммуникативного общения (2008 г.) и «Путешествие по реке времени» (2010 г.): «*Менгкв-я* 'река предков-великанов': путешествие в мифологическое время». Руководитель проектов – к.и.н. Попова С.А., руководитель детских смен – научный сотрудник музея «Мациос» Адина Е.И.

Надо отметить, что все сотрудники музея работают на общественных началах, не получая зарплаты. Но, тем не менее, берут на себя ответственность за организацию праздничных мероприятий, мастерских, а также обучение и отдых детей.

В школе искусств п. Хулимсунт с 2004 года открыт класс декоративно-прикладного искусства, где программы «Декоративная композиция» и «Беседы об искусстве» составлены с учетом национального регионального компонента, что позволяет обучающимся и преподавателю заниматься исследовательской работой. Уже три года дети принимают участие в детско-юношеской научно-практической конференции «Ремесла и промыслы: прошлое и настоящее». На конференции были представлены такие исследования как:

- «Исчезнувшее искусство. Узоры, выдавленные зубами на бересте у манси (по материалам В.Н. Чернецова)» (март 2011 г.). Мастер-класс «Выдавливание узоров зубами на бересте»;
- «Материальная культура северных манси. Одежда, обувь, подвязки для обуви из шерстяных ниток» (март 2011 г.). Мастер-класс «Плетение подвязок для обуви из шерстяных ниток»;
- «Применение кожи рыб у народов Югры» (март 2012 г.). Мастер-класс «Обработка (выделка) кожи налима»;
- «Гравюры Г.С. Райшева – размышление и вдохновение» (март 2012 г.). Мастер-класс «Вышивка бисером по мотивам гравюры Г.С. Райшева»;
- «Игрушки и игры верхнесосьвинских манси д. Хулимсунт» (март 2012 г.). Мастер-класс «Авторская кукла из утиной лапки»;
- «Народный мастер Петр Ефимович Шешкин» (март 2013 г.). Мастер-класс «Аппликация из кожи налима и шуки»;
- «Рыболовная снасть «Хултнэ сов» – ловушка для язей» (март 2013 г.). Мастер-класс «Плетение сетей для ловли рыбы из капроновой нити»;
- «Плетение фенечек и поясов – прошлое и настоящее» (март 2013 г.). Мастер-класс «Плетение молодежных фенечек из вязальных ниток».

Совместно с детьми и учителями средней общеобразовательной школы и сотрудниками музея ежегодно проводятся мастер-классы по традиционным промыслам на базе СОШ и в период проведения традиционного праздника «Вороний день».

Администрация Сосьвинского ЛПУ МГ и Администрация с/п Хулимсунт для общественного музея предоставили хорошее просторное помещение бывшего промтоварного магазина. Но в связи со сложившейся чрезвычайной ситуацией в поселке, т.е. аварийным состоянием здания средней школы, музей опять остался без помещения, т.к. теперь там разместились три класса школы. Ценные экспонаты музея сейчас хранятся в техническом помещении теплоузла и подвергаются опасности из-за затопления водой, воздействия сырости и отсутствия температурного режима.

Впереди еще много работы, очень важно сделать описание экспонатов музея, создать архив фото, видео- и аудиоинформации, собрать библиотеку. Для этого крайне важно иметь помещение. После переезда школы в свое

здание необходимо вернуть выделенное под музей помещение. Еще назрела необходимость придать музею статус, создать рабочие места, пусть это будет школьный музей или филиал фольклорного фонда. У нас в поселке еще есть носители языка и знатоки традиционной культуры, надо успеть воспользоваться их знаниями и умениями, пока не поздно! Есть специалисты с культурологическим образованием, которые могли бы много сделать для комплексных исследований культуры, традиций и языка. Необходимо заниматься обучением детей языку. Мансийский язык как учебный предмет не введен для преподавания в средней школе.

У нас еще сохраняются территории традиционного природопользования, где всё не только живет, но и развивается, где человек природы живет чистыми помыслами и думает о будущем своих детей и внуков.

Инновационная среда формирования толерантного поведения

О.И. Михнева

Советский профессиональный колледж, Советский

Аннотация. Советский профессиональный колледж создал учебную фирму этнического сервиса «Туес», предлагающую комплекс услуг по проведению народных праздников, мастер-классов по изготовлению сувенирной этнопродукции и дегустации блюд коренных народов Севера. Ежегодно фирма проводит в городе праздник «Вороний день».

Ключевые слова: толерантность, этнический сервис.

Население Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – это конгломерат народов бывшего Советского Союза. Сегодня Югра является многонациональным регионом России.

Для формирования гражданского общества необходимо воспитание гражданина – человека, обладающего соответствующими этому обществу ценностными ориентациями. Одним из важнейших качеств, присущих такому человеку, является этническая толерантность – умение терпимо, а главное, с пониманием относиться к людям других национальностей, к их обычаям, традициям, культуре, образцам поведения, образу жизни. Без интеллектуального развития люди будут использовать едва ли не первобытные формы сознания и восприятия жизни, простейшие механизмы реализации своих интересов и инстинктов. Образование высокого уровня – залог успешного развития нации.

Мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором проблема национальных отношений стоит особенно остро. Мы каждый день

слышим о все новых и новых случаях национализма, экстремизма, главным участником которых является молодежь, наиболее остро и чутко реагирующая на все изменения в обществе.

В бюджетном учреждении среднего профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Советский профессиональный колледж» с 2011 года функционирует проект, направленный на создание инновационной среды, способствующей формированию толерантного поведения.

Одним из важных механизмов проекта является создание учебной фирмы этнического сервиса «Туес». Деятельность фирмы способствует популяризации культуры народов, проживающих на территории ХМАО – Югры, через проведение мастер-классов по приготовлению национальных блюд, изготовление сувенирной продукции, характеризующей тот или иной народ, проведение национальных праздников, стилизации национальных обрядов. В мероприятия проекта вовлекаются все обучающиеся колледжа. Проект имеет выход на социум г. Советский, Советского района и г. Югорск. Данный проект способствует укреплению межэтнических и межкультурных отношений, имеет значимый социальный эффект.

На современном этапе, в условиях экономического и политического реформирования судьба подрастающего поколения в значительной мере зависит от восстановления и функционирования системы гражданского воспитания. Особое место в системе гражданского воспитания занимает вопрос о формировании толерантности.

С 2010 в округе действует целевая программа «Профилактика экстремизма, гармонизация межэтнических и межкультурных отношений, укрепление толерантности в ХМАО – Югре на 2011-2015 гг.». В Советском профессиональном колледже обучаются юноши и девушки различных национальностей. В 2011 г. было проведено анкетирование, объектом которого стали учащиеся колледжа.

Анализ анкет показал, что национальный состав обучающихся включает в себя: 84% – русские, 8% – украинцы, 4,5% – татары, 2% – башкиры, 1% – азербайджанцы, 0,5 % – манси.

При исследовании данных анкетирования о знаниях обучающихся по культуре различных народов и проявлении межэтнических отношений выявлено следующее: 63% респондентов не знают о своих национальных праздниках; 31% – отмечают, что при общении обращают внимание на национальность человека; 28% – испытывают неприятие к межнациональным бракам; 73% – считают, что наплыв в Россию приезжих из стран ближнего зарубежья способствует росту преступности; 31% – утверждают, что народы, которые имеют свою историческую Родину за пределами России, должны уехать туда.

В результате анализа анкет были сделаны следующие выводы:

- молодые люди Советского профессионального колледжа имеют фрагментарные знания о национальных традициях, обычаях и нравах своего народа;

- лишь небольшое число респондентов знают о религии, традициях, обычаях других народов;

- полученные результаты свидетельствуют об определенной напряженности в межнациональных отношениях в молодежной среде, их этнической избирательности в межличностном общении;

- большинство респондентов понимают значимость формирования толерантного поведения, хотя треть респондентов показала недостаточное осознание важности формирования толерантного поведения.

За период действия проекта были разработаны и проведены мероприятия, которые стали доброй традицией: «Диалог народов Югры» (2012, 2013 гг.); праздник «Масленица»; праздник коренных народов Югры «Вороний день» (сценарий праздника, традиционные блюда коренных народов, сувениры, проведение народных игр – это результаты деятельности обучающихся и педагогов колледжа). В 2012 году наша фирма приняла участие в окружном фестивале «Мы – единый народ», нами была представлена культура украинского народа. На фестивале получили диплом за лучшую стилизацию стола национальной кухни. В 2013 году приняли участие в национальном празднике в музее под открытым небом «Суеват-Пауль» г. Югорска и в специализированной этнографической туристической выставке «Югра-тур». За организацию городских и районных праздников фирма неоднократно награждалась дипломами и сертификатами.

Деятельность фирмы этнического сервиса «Туес» становится востребованной, нас приглашают на различные мероприятия.

Лошади земные и небесные в культуре обских угров

Н.К. Партанов

*Этнографический музей под открытым небом «Торум маа»,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Долины Оби и Иртыша на всём их протяжении всегда создавали самые благоприятные условия для коневодства. Верховья этих рек издревле были заняты кочевниками, в культуре которых верховая лошадь была центром – вид транспорта, военного дела, пищи, обрядов, изобразительного творчества, фольклора, религиозных верований.

Ключевые слова: эмдерские богатыри, божества, коневодство, лошадь в традиционной культуре, коневодческая лексика.

На землях среднего течения конь уже не доминировал в системе материальных и духовных ценностей местного населения, хоть и оставался достаточно популярным во многих качествах и ипостасях. В низовьях же – и обских, и иртышских, – что нынче зовутся Югрой, это животное было ещё менее популярно, но отнести его к неведомым либо крайне редким, конечно же, нельзя.

Справедливости ради надо отметить: и прежде, и ныне преимущественно говорят об оленеводстве хантов и манси. Но это справедливо только к предгорным, тундровым и лесотундровым районам, где нижний уровень растительности представлен ягельниками, а высокий снежный покров препятствует движению гужевого транспорта. В поймах Оби и Иртыша ситуация обратная: здесь обильная и разнообразная травяная растительность сформировала великолепную кормовую базу для разведения лошадей. Поэтому на берегах этих рек рядом с оленеводом с хореом в руках, всегда стоял коневод с плёткой. Согласно легенде об эмдерских богатырях во время драматической погони одна группа воинов двигалась на оленях, а вторая – на конях.

Хантыйский писатель Е.Д. Айпин отмечает распределение тягловых животных у своего народа таким образом: «Лошади остались у тех, кто жил близко к Оби. Они держали лошадей. А кто подальше ушёл, те завели оленей».

На югорских и других сибирских землях, близких к ней, разводили особый вид лошадей монгольской породы, которую русское население нарекло «сибиркой». Главным её достоинством была адаптация к местным условиям – прежде всего, к морозам. Чтобы пережить холодное время года, животное должно иметь небольшую массу (так меньше теплоотдача) и обладать развитым волосным покровом (он формирует защитную воздушную прослойку). Поэтому сибирки были невелики в размерах, имели густую шерсть, отличались пышностью гривы и хвоста. Даже на ногах около копыт у них имелись волосные кисточки. По масти эти лошади были самыми разными – серыми, рыжими, вороными, булаными.

Вольный выпас и древние вольнолюбивые генетические особенности делали сибирку очень своенравной. Например, в состоянии бешенства она могла смести с пути буквально всё. Так бывало при первой запряжке, которая наступала в жизни каждой лошади где-то к трём годам от роду. Нередко в этот критический момент сильное животное в щепки разбивало сани, ломало оглобли, разгоняло, а иногда и калечило людей. Даже растянутый на двух верёвках и нещадно битый кнутом, такой вольнолюбец продолжал

«уросить». В таких случаях лошади давали пару дней на успокоение, а потом процедуру повторяли снова до тех пор, пока она не смирилась и не встанет в упряжку. Зато после лошадь становилась верным помощником и даже другом своему хозяину. Кнут в руках возницы больше служил для обороны от собак, пугавших лошадей своими наскоками и лаем, и для острастки – им чаще щёлкали в воздухе, чем опускали на лошадиные спины.

По уходу за лошастью люди судили о нраве хозяина: умный и рачительный человек берёт и холил её. При дальнем движении в сильный мороз он обязательно делал остановки, чтобы пучком сена избавить ноздри животного от сосулек, ноги и живот – от снега и инея, а раздвоенные копыта – от набившегося и заledenевшего снега. При этом осматривалась вся упряжь – не ослаб ли чересседельник, не сбился ли сбруя, не хлябают ли оглобли... От неправильной запряжки лошадь быстро уставала и даже могла покалечиться. Без нужды старались лошадь не гнать, вполне хватало лёгкой рысцы, а собственной инициативы в увеличении скорости умное и хитрое животное само не проявляло. Лошадь прекрасно видела и чувствовала возницу: если вожжи были в руках у мужчины, то лошадь слушалась беспрекословно, а если у женщины или подростка, то понукания могли оказаться и бесполезными – лошадка делала вид, что начинает быстрее перебирать копытами, но очень быстро возвращалась к удобному для себя темпу.

После долгой пробежки коня не поили и не кормили, а давали время «остыть», а чтобы разгорячённое бегом животное не схватило в это время снега или не напилось холодной воды, его голову притягивали и фиксировали либо кверху, либо вбок к одной из оглоблей. Только через час-два его поили тёплой водой и вели на ночлег в тёплый сарай. Если же постройки не было, лошадь покрывали чем-то тёплым (попоной, одеялом, в крайнем случае, ямщицким тулупом), а сверху укрепляли чересседельник, чтобы лошадь не ложилась, а накидка не упала с её спины. При этом обязательно задавали сено, поскольку именно обильное питание и пережёвывание помогали животному бороться с ночным морозом. Так, стоя под тёплым покрытием и механически пережёвывая корм, лошадка и дремала до утра, восстанавливая силы для следующего рабочего дня.

Конь, конечно, сильно облегчал жизнь своему хозяину, беря на себя тяжёлую физическую работу, непосильную для человека. Но и коневладельцу забот прибавлялось немало: заготовка кормов, постройка тёплой стойки (сарай).

Впрочем, параллельно со стойловым содержанием лошадей в Югре практиковалось и свободное. Небольшие табунки переживали зиму и во дворах, при этом был запрет запускать лошадь в тёплую стойку, даже на самый короткий срок, так как после тепла она уже будет не в состоянии

перенести зимние морозы во дворе. Вообще сибирок особо не баловали, зимой всех (и дворовых, и стойловых) на водопой водили к проруби. При этом соблюдалось правило: первыми пили кони, потом рогатая скотина.

В былинные времена, если судить по археологическим и фольклорным данным, верховая езда была распространённой формой использования коня. Но к 20-у столетию всё это осталось в прошлом. С весны до наступления новых холодов лошади находились на вольном выпасе, а зимой старались ездить в сани, чтобы не застудиться от ветра и мороза. В обыденные дни использовали розвальни или нарты (со спинками и без спинок), а в праздничные – кошёвки, которые в особо торжественных случаях украшали лентами и бумажными цветами.

В Югре тайга не давала возможности езды в любом направлении – требовались дороги. Они прокладывались от одного населённого пункта до другого. При этом предпочтение отдавалось открытым территориям, где зимой не набивались сугробы, а снег под ветрами уплотнялся. Чаше таким условиям соответствовали замёрзшие русла рек. На залесённых участках приходилось сооружать, а затем всё время обновлять просеки. Движение по таким дорогам требовало немалого умения, опыта, интуиции. Новички двигались позади опытных возниц. То же правило распространялось и на лошадей – в первую упряжку ставили старого проверенного коня. Там, где дорога регулярно переметалась, зимой устанавливались вешки, которые служили возницам путеводными указателями. Такие дороги служили только в зимний период времени. Собственно говоря, те зимники, которыми мы пользуемся сегодня на современных машинах, были проложены ещё нашими предками на Пеганках и Карьках (лошадях).

У местных жителей Малой Оби доньше сохранилось не мало информативных, поучительных, а то и просто весёлых историй о передвижении на лошадях. Вот одна из них, рассказанная Елизаветой Егоровной Копотиловой (в девичестве Тасмановой) из п. Игрим, Берёзовского района: «Мне четыре года тогда было. Твой дед, Пётр Никитович Тынзянов, и бабушка, Пелагея Макаровна Тынзянова, жили в Сыгарах на реке Малой Оби. И вот однажды они решили съездить в Булатниково в сторону Игрима, и путь их пролегал мимо д. Реземото, где мы тогда жили. Переночевали они у нас, а утром при сборах в дальнейшую дорогу вижу я, что у них в мешке что-то шевелится. А что – не знаю. Они говорят «*щуцкुरек, щуцкुरек*». В действительности-то петух там был. А мы – дети, в то время и слова-то такого не знали, и птицу такую не видывали. Утром меня спрашивают: «Лиза, поедешь с нами?» Я согласилась. Посадил дедушка меня и бабушку сзади в кошёвку, сам впереди уселся. Ну, и где-то около нас (наверное, в ногах) положил мешок с молчащим петухом. Вот проехали мы по улице, развернулись на повороте в лог...

А лошадь резвая была, и на резком повороте мы с бабушкой из саней и вылетели. Я упала в сугроб, полностью скрылась в снегу, а сверху на меня ещё злополучный мешок упал. И петух со страху своё «кукареку!!!» заблажил. Вот ужас-то был! Я в снегу, и ещё неизвестно кто на мне сверху кричит. Тут и я в полный голос заревела. Я ору, петух орёт... А дедушка, видать, пролетел на скорости-то вперёд и только потом увидел, что нас с бабушкой нет. Вернулся, подобрал всех троих. А потом дедушка с бабушкой до самой смерти вспоминали: «Лиза, помнишь, как ездили в Булатниково?»

Сегодня такие истории в прошлом, как и коневодческая лексика в языках обских угров. Когда из культуры уходит какое-то явление, умирают и обслуживающие его слова. К сожалению, молодое поколение уже не знает слов (табл.), которыми пользовались многие и многие поколения их предков, и которые, по оценке лингвистов, имеют очень древнее происхождение.

Слово на мансийском языке	Перевод на русский язык
<i>лувынхум</i>	с лошадей мужчина
<i>лув</i>	лошадь
<i>нэлув</i>	кобыла
<i>маньлув</i>	жеребёнок
<i>лувлэг</i>	хвост лошади
<i>лувтонгхыт</i>	копыта лошади
<i>лув керунгкве</i>	запрягать лошадь
<i>лувлак</i>	хомут
<i>похквали</i>	вожжи
<i>тука</i>	дуга
<i>сермат</i>	уздечка
<i>супкер</i>	удила
<i>хомици</i>	кнут
<i>сиделька</i>	чересседельник
<i>кошопка</i>	кошёвка
<i>лувсун</i>	лошадиные сани
<i>инар</i>	седло
<i>хансанглув</i>	пёстрая лошадь
<i>пеганкалув</i>	пегая лошадь
<i>айхар</i>	жеребец
<i>лувсистермыл</i>	верхом на лошади

Говоря о значении лошади в культуре обских угров, нельзя не отметить и роль божественных лошадей в верованиях. В культуре хантов и манси первой стоит лошадь главного всадника их пантеона – *Мир Сусне Хума* ‘За Миром Смотрящего Мужчины’. Как и положено, это ездовое животное – крылатая лошадь – обладает сверхъестественными способностями мгновенно перемещаться в пространстве и времени. Благодаря этому божество может появляться везде и в любое время, если в нём возникает потребность. Разнообразные способности этого коня обусловили многочисленность его названий и поэтических формул в мансийской мифологии: *сам товлуп лув* ‘семикрылая лошадь’ [1, 37]; *кер лув* ‘железная лошадь’ [1, 37]; *луве хайтнэ тул нум палын лапыс, миннэ тул нум палын лапыс* ‘лошадь его поднялась выше бегущих облаков, выше идущих облаков’ [1, 61].

На обско-угорском олимпе владельцами лошадей представляется не только *Мир-суснэ-хум*. Таким ездовым животным владеют и *Нуми Торум*, и *Щахыл Торум*. Правда, *Щахыл Торум* передвигается не верхом, а на нарте, здесь же у божества расположены и бочки с водой. Когда лошадь бежит слишком быстро, вода выплескивается из бочек – и на земле идёт дождь [2, 157].

На земле в Среднем мире тоже есть места, имеющие связь с божественными лошадьми. Один из таких сакральных участков расположен на правой (таёжной) стороне р. Горная Обь, напротив с. Вежакары. Возвышенный участок рельефа напоминает своими очертаниями фигуру лошади с опущенной головой. Возвышенность называется *Лув ус* ‘лошадиный город’ и широко известна у обских угров в качестве одного из главных святыщ *Ялп ус ойка* ‘святое место [Медведя]’. В прошлом самым богатым даром, приносимым здесь духам-покровителям, была лошадь. На святом месте имеется коновязный столб. И молитва начинается словами: «*Миннэ лув хури ус / Хайтнэ лув хури ус*» ‘Идущей лошади образ города является / Бегущей лошади образ города является’ [3, 50-51].

Образ лошади отражён и в наборе обско-угорских орнаментов, которые давно и единодушно признаны одним из самых ярких и эстетически оформленных выражений мировоззрения хантов и манси. Для примеров можно назвать: *маньлув тох* ‘копытце жеребёнка’, *яныглув тох* ‘копыто большой лошади’ [4, 53], *лувын хум* ‘мужчина на лошади’ [4, 97].

Коневодство, являясь в прошлом частью культуры хантов и манси, не могло не отразиться в местном музейном пространстве. В «мансийском секторе» открытой экспозиции этнографического музея под открытым небом «Торум Маа» демонстрируется фрагмент традиционной усадьбы – тёплая стойка для содержания животных и загон, огороженный жердями.

Сегодня коневодство обских угров, как и их соседей по сибирской земле, осталось в прошлом. Пришли другие времена, другие формы хозяйствования, другие средства передвижения. Это неумолимое движение истории.

Можно лишь с сожалением вздохнуть, что из нашей действительности, из жизни наших детей и всех последующих потомков исчезла возможность погладить лошадь по мягкой и шелковистой коже, ощутить её бархатные губы на своей ладошке, заглянуть в её добрые и умные глаза. И стать от этого немножко добрее, мудрее и счастливее.

Литература

1. Баландин А.Н. Язык мансийской сказки. – Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. – 77 с.
2. Источники по этнографии Западной Сибири. – Томск, 1987. – 279 с.
3. Партанов Н.К. Слово Когтистого мужчины (‘*Консынг ойка латынг*’) // Мифология хантов. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 50-51.
4. Шешкин П.Е., Шабалина И.Д. Мансийские орнаменты. – СПб.: Просвещение, 2001. – 126 с.

Сохранение этнической самобытности оленеводов Приуральского района ЯНАО

З.И. Рандымова

Приуральский районный краеведческий музей, Аксарка

Аннотация. Доклад подготовлен на основе полевых материалов, собранных автором у информантов приуральских хантов-олeneводо-дов. Рассматривается сохранение и развитие традиционной оленеводческой культуры, способы адаптации её к техногенной цивилизации. Прослеживаются лексические параллели внутри обдорского диалекта.

Ключевые слова: оленеводство, Приуральский район ЯНАО, этническая самобытность, традиционный образ жизни.

Оленеводство на Ямале, в том числе и в Приуральском районе, – традиционная и этнообразующая отрасль сельского хозяйства. На территории района выпасается более 100 тысяч голов оленей. Из них 30% принадлежат совхозам «Байдарацкий» и «Салехардагро», 70% – оленеводам-частникам. Кроме этого, здесь выпасают стада оленеводы Шурышкарского района, Коми Республики, Ненецкого автономного округа. Около 2000 человек ведут кочевой образ жизни. Каждый оленевод мечтает не только вырастить оленей, использовать их в пищу, одежду, но и получить прибыль, чтобы потом вложить деньги в обучение детей, приобретение техники или жилья в поселке. Это одна из этноконтактных зон, где рядом кочуют ханты, коми, ненцы.

Ханты Приуральского района в литературе известны как обдорские ханты, их язык представлен усть-собским и усть-полуйским говорами.

Длительное занятие оленеводством способствовало появлению в языке специальных терминов, что отражает весь опыт народа, глубокие и разносторонние знания по разведению и использованию оленя. При всей традиционности жизни кочевников и у них происходят изменения в хозяйственной деятельности, например, раньше при загоне для оленей стояло все свободное население стойбища, в настоящее время сооружают преграду с помощью сетки и обходятся двумя людьми. Автор этой идеи бригадир оленеводческой бригады № 2 ОАО «Горки» Ефим Егорович Сязи. А бригадир оленеводческой бригады № 1 Антон Иосифович Сязи усовершенствовал упряжь для грузовых нарт. Оленеводы Шурышкарского района берут с собой доски для пола, более северные соседи, к примеру, Тайшины, их с собой не берут, т.к. после 2 августа они уже едут в обратную сторону. Иногда используют листы фанер, т.к. все делается для того, чтобы облегчить участь оленей. Тундровики при всей их традиционности восприимчивы ко всем инновациям, облегчающим их непростую кочевую жизнь. Практически каждая оленеводческая семья зимой использует снегоходы, летом начали использовать квадроциклы, имеют электростанции, телевизоры, спутниковые и сотовые телефоны, фотоаппараты. Благодаря этим фотоаппаратам мы имеем возможность увидеть изображения недоступных для нас мест.

Оленеводческая лексика при всей схожести имеет небольшие различия, т.к. на язык усть-полуйских хантов влияет ненецкий язык. Например, *амп нялам* 'вид листа, поедаемого оленями' – на у-п *номты лыпат* (*номты хор* или *сыра* называют 2-летних оленей); *няр нёха* / *нясахат* 'сырое мясо'; *нюкни* / *харни* 'протёртая ягушка-шуба'; *нювар* / *туцар* 'сегмент покрытия для чума, прикрывающий дымовое отверстие'; *хот вортты юх* / *носарма* 'палка для укрепления чума с подветренной стороны'; *лунхалы* / *нентар-щан* 'блок в оленьей упряжи'; *вой посах* / *сарнюв* 'яйцо'. Средствами хантыйского языка другими словами могут называть одни и те же понятия: *ул лоньцты* / *ул сохта* 'ставить шести чума'; *кий* / *тий* 'поперечная палка в чуме'; *пут юх юц* / *пут юх посах* 'палочка для регулирования высоты котла'; *хунвус* / *хотхун* 'дымовое отверстие в чуме'.

Дальнейшее сохранение традиционного образа жизни оленеводов Приуралья зависит от возрастающих масштабов промышленного освоения территории. В настоящее время в районе ведется строительство, и уже построены такие объекты, как железнодорожная линия Обская – Бованенково, газопровод Бованенково – Ухта, автомобильная дорога Сургут – Салехард, добывают полезные ископаемые на Полярном Урале. На очереди освоение проекта «Урал промышленный – Урал Полярный».

Героические традиции предков

О.С. Рыжкова

Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
Ханты-Мансийск

В современном мире все больше растет интерес к аутентичному, самобытному, к языку и культуре малых народов. Но поскольку в настоящее время такая самобытность сохранилась в основном в малых поселениях, где коренные народы ведут традиционный образ жизни и говорят на родном языке, назрела необходимость сохранения и продолжения традиций. В связи с этим сегодня реализуется ряд проектов, направленных на этновосстановление народа манси. Организаторами этих проектов являются мансийские женщины и молодежь. Среди них следует отметить Гоголеву Татьяну Степановну, Алексееву Надежду Геннадьевну, Стаканову Любовь Павловну, Станиславец Альбину Романовну, Фризоргер Елену Владимировну, Мерову Марию Сергеевну и ее семью и многих других.

Рассмотрим проекты подробнее.

1. «Шешкинские чтения». Данный проект связан с увековечением памяти одного из достойных манси Петра Ефимовича Шешкина. Проект появился в юбилейный год – 70-летия со дня рождения Петра Ефимовича.

П.Е. Шешкин был человеком большого таланта – мастером с большой буквы: скульптором, графиком, автором песен и пьес, хранителем и собирателем народного фольклора и орнаментального искусства. Значительная часть работ Петра Ефимовича Шешкина хранится в фондах творческого объединения «Культура» в г. Ханты-Мансийске: сотрудники данного учреждения с удовольствием выезжают на курсы и оформляют выставки работ Петра Ефимовича.

В первые годы «Шешкинские чтения» проводились на родине Петра Ефимовича – в д. Ломбовож Березовского района. Но впоследствии география проекта расширилась, в разные годы чтения проводились в деревнях Анеево, Хулимсунт, Кимкясуй и дважды у лозьвинских манси в Свердловской области.

На территории проведения чтений участники погружаются в народную среду, общаются на мансийском языке, в этом и есть главная ценность проекта. На курсах читают лекции по языку и культуре народа манси, этногенезу, орнаментальному искусству. Тематика курсов обширна и ежегодно её направленность обновляется. На одних из первых чтений присутствовала д.филол.н. Е.И. Ромбандеева, которая читала курс лекций по истории изучения мансийского языка, знакомила с финно-угорской фонологической транскрипцией. Курс по этнической истории читала к.и.н. Е.Г. Фёдорова, а по мансийскому медвежьему празднику к.и.н. Попова С.А. – учёные, исследователи традиционной мансийской культуры.

Кроме лекций, проводятся мастер-классы по декоративно-прикладному искусству: девушки шьют акани, тутчаны, плетут изделия из бисера под чутким руководством таких мастериц, как Мерова Мария Сергеевна, Хромова Анфиса Михайловна, а юноши учатся работать с деревом, изготавливать различные поделки. А также разучиваются и исполняются мансийские песни и танцы, проводятся обряды и праздники.

Традиционно чтения завершаются праздничным концертом, подготовленным участниками курсов совместно с жителями деревни, где реализуется проект.

За эти годы проект стал поистине народным. Жители маленьких поселений всегда рады гостям, а по окончании чтений интересуются об очередной встрече и месте их проведения. Да и сами участники, проживающие в разных городах нашего округа и за его пределами, интересуются друг у друга, когда и где состоится очередная встреча. Это говорит о том, что проект действительно важен и нужен.

В д. Ломбовож чтения проходят в обрядовом доме, построенном специально для проведения Медвежьего праздника.

2. Проект «Медвежий праздник» или «Медвежьи игрища».

В последний раз Медвежий праздник народа манси проводился в мансийском поселении семьи Тасмановых на Северном Урале на р. Лэпля в феврале 2011 года. Опыт проведения Медвежьего праздника предыдущих лет показал, что знающих традиции людей осталось немного, и они все уже очень пожилого возраста, и чтобы сохранить традиционный праздник в полном объеме, необходимо обучать молодежь. Поэтому в феврале 2011 года для проведения церемонии Медвежьего праздника были приглашены самые опытные исполнители и мастера со всех территорий проживания манси. Среди них можно назвать Хозумова Николая Ивановича – самого пожилого участника, Адина Константина Георгиевича, Мерову Марию Сергеевну, Алгадьеву Галину Константиновну.

3. Проект «Лыжня Андрея».

Это спортивно-массовый проект, посвященный памяти сильного духом человека Андрея Яковлевича Хатанева, первого мастера спорта по греко-римской борьбе среди коренных народов в автономном округе. Будучи уроженцем д. Ясунт Березовского района, Андрей Яковлевич достиг больших высот в профессиональном спорте. Но успешная спортивная карьера не ослабила его любви к родному краю. После окончания института физической культуры им. П.Ф. Лесгафта в Ленинграде Андрей Яковлевич возвратился в с. Саранпауль и работал школьным учителем, вел лыжную секцию. Он заложил традицию лыжных переходов между близлежащими поселениями, закаляя дух и характер молодежи и прививая им любовь к родному краю. Эта замечательная традиция была возобновлена в 2009 году,

организаторами проекта выступили администрация сельского поселения Саранпауль, Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера Думы автономного округа и центр спортивной подготовки «Этнос».

Две группы лыжников из Саранпауля и Сосьвы, выходят навстречу друг другу, преодолевая расстояние в 70 км (лыжники из Саранпауля) и 40 км (лыжники из Сосьвы), и встречаются в конечной точке – д. Ломбовож, где проводятся соревнования по биатлону для молодежи, и по охотничьему биатлону для взрослых. В этих соревнованиях принимают участие и жители деревни. Одним из важных пунктов проекта является культурное общение, взаимодействие жителей близлежащих деревень: проведение праздничного концерта, подготовленного участниками пробега, творческими коллективами каждого села-участника.

В 2013 году проект отметил свой 5-летний юбилей. С каждым годом растет его популярность, состав участников увеличивается, обновляется и пополняется культурная программа проекта.

4. Проект «*Лильпи сӓлы колтӓгыл*» 'Новый оленный дом',

Проект направлен на восстановление частного домашнего оленеводства семьи Самбиндаловых (юрта Турват Березовского района). Первый этап проекта был реализован в 2011 году, когда семье была оказана помощь по обустройству базы для выпаса оленей. Вторым этапом, в феврале 2012 года, стала закупка оленей и их перегон к месту проживания семьи. В настоящее время осуществляются выезды по проведению сезонных работ, приезжают опытные оленеводы из других поселений Березовского района для обучения навыкам оленеводства молодых ребят Самбиндаловых.

5. Проект по поддержке молодого боксера из числа манси из посёлка Берёзово Руслана Проводникова на чемпионском бое в Америке в марте 2013 года. До главного боя – на титул чемпиона мира по версии WBO – Руслан в своей профессиональной карьере провел 23 боя, каждый раз выходя на ринг в одиночку под музыку мансийской «Куреньки». На Конгрессе финно-угорских народов в Венгрии в сентябре 2012 года, будучи в составе делегации от народа манси, Руслан обратился к фольклорному коллективу «*Эргыт йиквыт пувлынг махум*» 'В песнях и танцах купающиеся люди' с просьбой сопровождать его на ринг в бое на титул чемпиона мира. Для этого был организован совместный проект коллектива и театра обско-угорских народов «Солнце», поставлен специальный номер. Таким образом, на главный бой своей жизни Руслан выходил уже вместе с представителями своего народа. Одна из журналисток потом сказала нашей делегации, что когда она увидела представителей в национальной одежде вместе с Русланом, то чуть не заплакала от радости за него, наконец-то его народ пришел вместе с ним.

В заключение хочется отметить, что самобытность культуры возможна при непосредственной поддержке на государственном уровне и создании условий для сохранения традиционной культуры в тех местах, где она ещё сохраняется, а именно путём открытия там фольклорных фондов (или отделений) как филиалов Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (в Сосьве, Саранпауле, Хулимсунте и других мансийских поселениях).

Социология культуры и проблемы сохранения культурного наследия коренных народов на примере айнов

Ю.В. Ставропольский, кандидат социологических наук

Энгельсский технологический институт Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина, Саратов

Аннотация. В 2008 году впервые в истории японское правительство признало айнов малочисленным народом и приняло резолюцию, обязывающую разработать новый закон, направленный на помощь айнам в восстановлении общественного статуса, возрождении культуры, восстановлении отношений между айнами и остальным населением Японии. Народ айнов наконец стал избавлен от термина «бывшие аборигены», которым он был стигматизирован на протяжении более чем ста лет.

Ключевые слова: айны, японский, наследие, культура, ассимиляция.

Важнейшая проблема двадцать первого столетия – сохранение малочисленных народов. В восьмидесятых годах XX века ООН инициировала по всему миру движение за развитие образования, культуры, традиций малочисленных народов, за защиту их прав на самоопределение и территориальных прав. Одним из таких малочисленных народов в Японии являются айны.

В 1997 году в Японии принят Закон о развитии айнской культуры и о распространении и защите информации, уважающей айнские традиции (айну бунка синко-хо). Народ айнов наконец стал избавлен от термина «бывшие аборигены» (кюдодзин), которым он был стигматизирован на протяжении более чем ста лет. За этот срок общественный статус и социальная идентичность айнов существенно изменились.

В июне 2008 накануне саммита Большой восьмёрки в Хоккайдо собрались представители двадцати одного малочисленного народа со всего света на свой первый саммит малочисленных народов. Они обсуждали пробелы в сферах политики, образования, экологии, экономики и составили декларацию для

участников встречи Большой восьмерки. Последствием этой и иных акций стало, впервые в истории, признание японским правительством в 2008 году айнов малочисленным народом и принятие резолюции, обязывающей разработать новый закон, направленный на помощь айнам в восстановлении общественного статуса, возрождении культуры, восстановлении отношений между айнами и остальным населением Японии. Столетняя политика ассимиляции и дискриминации айнов создала в Японии немало проблем в сферах образования, общественно-экономического статуса и качества жизни.

Ранний период истории. Исследователи утверждают, что слово «ainu» означает людей, в отличие от слова «kamuy», которое означает богов. Согласно данным историков, к XIII веку айны сформировали собственную культуру и поселения на северном японском острове Хоккайдо, в северной части главного японского острова Хонсю, на южной части острова Сахалин и на Курильских островах [1]. Территория их расселения, получившая наименование «ainu mosir», что означает «великие холодные земли», предполагала в качестве основных занятий охоту и морское рыболовство. Айнский язык и верования отличались от японских, однако, по причине отсутствия у айнов письменности, многое об их происхождении и истории неизвестно.

Первое документальное свидетельство об айнах относится к XII веку – эпохе китайской династии Юань (Нгуен). Оно представляло собой сообщение о том, что нивхи – малочисленный народ, проживавший на севере острова Сахалин и подвластный династии Юань, – часто вступали в стычки с айнами, которых нивхи называли куги.

В периоды Камакура (1185 – 1333) и Муромати (1333 – 1568) айны активно участвовали в торговых связях в бассейне Японского моря, в том числе с государством Рюкю на острове Окинава.

Первое упоминание об айнах в японских источниках датируется 1356 годом. В то время этнические японцы (вадзин) заселили южную часть острова Хоккайдо (Эдзо) на территории современных Мацумаэ (первое этническое японское государственное образование на острове Хоккайдо) и Хакодате. К началу XV века торговля японцев с айнами стала изобиловать злоупотреблениями, которые поощрялись кланом Андо. Нечестность японцев в торговых делах и эксплуатация айнских ресурсов спровоцировали в 1457 году бунт айнов, известный как восстание под руководством Косямаина. В правление княжества Мацумаэ айнско-японские торговые обмены приобрели стабильный характер, подкреплявшийся тем, что китайская династия Цин и Россия на протяжении XVI – XVII вв. вели затяжные конфликты.

Айнское общество трансформировалось: оно разделилось на группы, во главе которых появились региональные вожди. Вопреки тому факту,

что айны никогда не образовывали единой нации, японское правительство было склонно считать айнов иностранной группой [2]. Торговые обмены оставались нечестными, что вызвало ряд бунтов: в 1669 году бунт под руководством Сякусяина и в 1789 году восстание на острове Кунашир и в Менаси (на северо-востоке Эдзо). За этими мятежами последовало ужесточение японской политики на территориях, населенных айнами: был образован управляющий магистрат (Ezo-chi Bugyo), предпринимались попытки ассимилировать и японизировать айнов при помощи лозунга «Где живут айны (японские) – там Япония».

Виктимизация айнов в японо-российской политике. В конце XIX века айны на себе испытали негативные последствия политического маневрирования в японо-российских отношениях. Японское правительство признавало, что российская экспансия распространится на незанятые территории. Японо-российские переговоры о разграничении территорий привели к заключению Симодского трактата 1855 года, в соответствии с которым Курильские острова к северу от острова Итуруп объявлялись владениями России, а остров Сахалин оставался в совместном нераздельном владении России и Японии.

В 1869 году, сразу после начала эпохи реставрации Мэйдзи, японское правительство переименовало Эдзо в Хоккайдо. Согласно Санкт-Петербургскому договору 1875 года, за Россией был признан контроль над островом Сахалин, а Япония могла претендовать на Курильские острова. Айны могли выбирать себе гражданство, однако, тех, кто покидали родные места, на новом месте встречали неприветливо.

С целью обосновать свои претензии на остров Хоккайдо в 1869 году японское правительство направило на остров комиссию для изучения острова и разработки плана его развития. Комиссия проработала с 1869 по 1882 гг., но из соображений правительственной выгоды игнорировала традиции, культуру и особенности расселения айнов.

В 1871 году айнов включили в японскую перепись и принудили носить японские фамилии. Одновременно с этим айнский язык, культура и традиционный образ жизни были запрещены (татуировки у женщин, пирсинг у мужчин и т. п.). В отношении айнов это стало проявлением ассимиляционной политики этнической чистки.

Поощряя переселение из центральных районов Японии на остров Хоккайдо, японское правительство в 1869-1890 гг. приняло ряд земельных законов. В 1869 году были утверждены Правила поддержки переселенцев, предусматривавшие обеспечение переселенцев средствами на оплату проезда, жилища, продуктов питания и сельскохозяйственных орудий. В 1872 году по японскому Закону о собственности у айнов были отобра- ны земли исконного проживания и отданы японским переселенцам как

неиспользуемые. Акция правительства возымела успех, и на протяжении девяностых годов XIX века в Японии существовал переселенческий бум. В 1897 году принят японский Закон о предоставлении неиспользуемых земель острова Хоккайдо. Ни этим, ни последующими аналогичными законами айны не рассматривались в качестве возможных получателей земель.

В 1899 году принят японский Акт о защите бывших аборигенов острова Хоккайдо (Генеральный акт о наделах), действовавший по 1997 год. Образцом для этого японского закона послужил так называемый Акт Dawes о коренных американцах в штате Оклахома. Этим актом игнорировалось, что жизнеобеспечение айнов зависело от охоты и рыболовства. Принятию акта предшествовали введенные японским правительством в конце семидесятых – начале восьмидесятых годов запреты на традиционную охоту и рыболовство, направленные на развитие фермерского земледелия. Главная цель акта состояла в том, чтобы предоставить аймам земельные наделы для занятия сельским хозяйством. Актом также предусматривалась квота, в соответствии с которой, если в течение пятнадцати лет не удавалось наладить успешное хозяйство, то предоставленный надел забирался обратно. Большинство айнов, непривычных к сельскохозяйственному труду, не сумели добиться успеха, а тех айнов, у которых дело не пошло, ссылали в шахты и на заводы, где они трудились чернорабочими.

Другая цель акта заключалась в содействии образованию. Обучение осуществлялось на японском языке, учебный план стимулировал ассимиляцию. Вопреки декларированной поддержке, акт 1899 года лишил айнов традиций, культуры, земли, языка и идентичности.

Дело о плотине Нибутани. Нибутани – маленький городок на острове Хоккайдо, примерно в сотне километров к востоку от Саппоро. Население городка составляет 500 человек, из них восемьдесят процентов – айны. В 1993 году юридический процесс по делу о предписании в отношении земельной границы плотины в Нибутани стал толчком к резкому подъёму самосознания айнов. Плотина сооружалась для предотвращения затопления территории во время наводнений и для обеспечения населения водой и электрической энергией. С целью сооружения плотины правительство стало выкупать земли, на которые распространялось действие Акта о защите бывших аборигенов острова Хоккайдо и последующих земельных законов. Местная река Сару – священное место для айнов, лосось приходит сюда на нерест. Лосось почитается айнами как божество. Двое местных землевладельцев Сигэру Каяно и Тадаси Каидзава отказались продавать свои земельные участки, тогда правительство их конфисковало, применив Акт об экспроприации земли. Началось строительство плотины, но С. Каяно и Т. Каидзава подали в суд на правительство.

С. Каяно изобличил японское правительство во множестве нечестных актов и несправедливых законов в отношении айнов. Он познакомил широкую

японскую общественность с традиционным образом жизни айнов. В 1996 году строительство плотины завершилось, тем не менее Министерство труда предоставило айнам разрешение использовать озеро для проведения традиционных церемоний спуска на воду новых каноэ (chipusanke) и торжественного празднования охоты на лосося (asircep nomi).

Закон о развитии айнской культуры и о распространении и защите информации, уважающей айнские традиции. Закон был принят в 1997 году и явился результатом двухлетних усилий оргкомитета, в который вошли представители айнской общественности, Ассоциации айнов Хоккайдо, администрации провинции Хоккайдо, Агентства по делам культуры, Министерства земли, инфраструктуры, транспорта и туризма, а также под давлением зарубежных правозащитников и малочисленных народов. Новым законом Япония провозглашалась мультикультурной нацией. Прекращалось действие Акта о защите бывших аборигенов острова Хоккайдо. Роль правительства стала определяться не как защита айнов, а как содействие культуре айнов.

Ассоциация айнов Хоккайдо дала следующую оценку новому закону: «Это исторический шаг для нас и для японской нации. Однако в этом законе ничего не сказано о нашем праве собственности на землю, о наших правах на образование, политическое, общественное и экономическое участие. Их следует обсуждать, и мы должны сделать следующий шаг» [3].

Литература

1. Uemura H. Shitte imasuka, Ainu people? – Osaka: Kaihou Shuppansha, 2008.
2. Walker B. The Conquest of Ainu Lands: Ecology and Culture in Japanese Expansion, 1590-1800. – Berkeley: University of California Press, 2006.
3. Ainu Association of Hokkaido. Ainu no seikatsu jittai. – Электронный ресурс <http://www.ainu-assn.or.jp/about03.html>.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Этнографические особенности долган в современных
социально-экономических условиях хозяйствования

О.М. Бабушкина

В.В. Корнилов, кандидат географических наук

Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Красноярск

Аннотация. Долганский этнос сформировался относительно недавно и носит в себе чрезвычайно интересные черты. Они вобрали в свою культуру всё самое лучшее от предков. Их развитие в современном мире может иметь два пути: ассимиляция с другими народами или их дальнейшее развитие, распространение их традиций и культуры.

Ключевые слова: долганы, хозяйственная деятельность долган, природные ресурсы, промыслы.

Долганы живут на территории единственного субъекта РФ, который полностью расположен за полярным кругом. Их этническая история формировалась в суровых условиях арктической тундры, где температуры колеблются от -57 до +32 градусов Цельсия. Здесь нет ни дорог, ни железнодорожных путей, передвижение возможно только воздушным, водным транспортом либо на северных оленях. Долганы – уникальный народ, они являются самым северным тюркоязычным народом мира!

Долганский этнос сформировался в результате сложных этнических процессов, в которые были вовлечены представители разных, совершенно неродственных друг другу народов. Представители рода долган проживали в XVII веке далеко к востоку от Таймыра. Русские письменные источники фиксируют их в то время в Якутском уезде, где они подразделялись на две территориальные группы. Одна из них проживала на побережье Охотского моря: позднее долганы этой группы вошла в состав современных эвенов и расселились на севере Дальнего Востока и в Центральной части Камчатки. Другая группа обитала в низовьях реки Лены [1].

Переселились долганы в современное место обитания по следующим причинам:

– постоянные войны с южно-таймырскими и есеевскими тунгусами (предками вадеевских нганасан), проживавшими западнее. Из-за войн предки долган постепенно отходили к северу;

- установление власти Русского государства, которое облагало коренное население натуральной податью – ясаком;
- эпидемия оспы и голод (в связи с изменением миграции оленей);
- проникновение в их земли более многочисленного народа – якутов.

На новой территории проживания у тунгусских предков долган установились многообразные контакты (территориальные, семейно-брачные, хозяйственные, языковые) с илимпийскими тунгусами, русскими («затундренные» крестьяне) и якутами. Современное проживание, близкий образ жизни и взаимные браки, в конце концов, привели к слиянию всех этих групп в один долганский этнос. А к 1920 году их самосознание уже приобрело устойчивый характер, что привело к созданию в 1930 году Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа [1, 106].

Долганы вобрали все лучшее от своих предков, если говорить о традиционном хозяйстве. Основными видами их деятельности являются оленеводство, охота и рыболовство, которые оставили в себе тунгусские черты. Что касается языка, то преобладает якутский. От русских были заимствованы имена и фамилии: долганы до сих пор называют своих детей русскими именами (Афанасий, Акинья, Егор и др.). Они исповедуют православие, но соблюдают и шаманизм. Одной из интересных особенностей является сохранение у долган анимистических воззрений. Божества и духов они делили на три категории: невидимые существа, способные вселяться в любой объект (*иччи*); духи, доброжелательные к людям (*айыы*); духи, недоброжелательные к людям, обитающие в подземном мире (*абаасы*).

За все время долганы претерпели множество изменений: их вместе с нганасанами сселяли в три села – Волочанка, Усть-Авам и Новая; кочевые группы перевели к оседлости; произошла ликвидация поселка Камень в Авамской тундре, в котором жили долганы и долганоязычные эвенки. Эти и другие искусственные миграции, проведенные без учета мнения самих жителей, привели к тому, что треть долган оказалась в смешанной среде.

Большие изменения произошли в советское время, когда задачей властей было преодоление вековой отсталости малых народностей и включение их в общественные процессы. В то время правительство осуществляло ряд мер по подъему экономики и культуры северных народностей, по выполнению на практике указаний руководства молодой России в том, что «для устранения национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым национальным составом...» [2, 148]. Это положило начало ускоренному национальному развитию северных народностей, в том числе и долган.

При переходе на рыночную экономику после 1992 года государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера резко

изменилась. Прекращение государственной поддержки привело к ухудшению их традиционной экономики. Народы, которые веками приспосабливались к суровым условиям Арктики, оказались не приспособлены к рыночным отношениям. Все эти вопросы оказалось не под силу решить долганам. В итоге резко наступил глубокий кризис в оленеводстве и других видах традиционной хозяйственной деятельности. Следствием стало резкое снижение уровня жизни, рост безработицы, алкоголизма и наркомании.

Последствия тех времен находят свое отражение и в настоящее время. Эта мрачная обстановка наложила отпечаток на психологию людей. Теперь каждое нововведение долганы инстинктивно воспринимают с опасением и боязнью. Не улучшилось положение и с присоединением к Красноярскому краю Таймырского АО. Долганы, проживающие в Республике Саха (Якутия), имеют определенные права и льготы: администрация Якутии проводит политику возрождения традиционного уклада жизни и развития культуры и языка. Таймырские же долганы никаких привилегий (прав) не имеют. Дети некоторых сел, заканчивая школу, в аттестате имеют прочерк по одному из основных предметов. Традиции и язык таймырских долган подвергаются ассимиляции.

Современная география расселения долган в Красноярском крае – восточная часть полуострова Таймыр. Этногеографы разделяют долган на этногеографические группы: западные (Дудинский район) и восточные (Хатангский район) [3, 51]. В Хатангском районе население подразделяется на «верхних» (река Хета) и «нижних» (река Хатанга).

Если проследить развитие культуры каждой группы, то можно заметить некоторую тенденцию. У западных долган интенсивно идет языковая ассимиляция, особенно у детей, знание родного языка которых приближено к нулю. Так же идет ассимиляция традиционного уклада жизни: всё меньше мужчин и женщин хотят заниматься оленеводством. Долганский язык знает только старшее поколение. К сожалению, этому способствуют малое распространение литературы на долганском языке и проживание в смешанной среде.

Полной противоположностью западных долган является восточная группа. Дети (половина детского населения) свободно владеют родным языком. Кочевое оленеводство у многих остается основной деятельностью. Народные песни, былины и сказки на родном языке знает не только старшее поколение, но и большая часть молодежи. Браки в основном (большинство) однонациональные, вследствие однонационального состава селений. Однако и здесь по сравнению с прошлыми годами, идет спад традиционного образа жизни.

Большой вклад и большие перемены внесло в жизненный уклад народа наличие богатых природных ресурсов района, который богат платино-

медно-никелевыми рудами, золотом, апатит-магнетитовыми рудами, алмазами. В свою очередь, это «богатство» никак не сказывается на уровне жизни долган и других народов Таймыра. Наоборот, разработки полезных ископаемых и развитие соответствующей инфраструктуры нарушают экологическую обстановку территории и приводят к сужению традиционных ареалов проживания долган, нарушению миграций северных оленей и сокращению их кормовой базы. Но, несмотря ни на что, численность долган имеет тенденцию к увеличению (табл.).

Численность долган, по данным переписей населения

Народ	1926 г.	1939 г.	1950 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Долганы, чел.	65	3971	3932	4877	5053	6945	7261	7885

В процессе адаптации к окружающей среде у оленеводов, рыбаков, охотников выработался комплекс правил и запретов, позволяющих использовать природные ресурсы, не истощая их, не нарушая стабильной экологической системы. Они интуитивно чувствовали необходимость сохранять окружающий их растительный и животный мир от напрасного истребления. Придумывали всевозможные ограничения, запрещения, обряды. Эти верования сохранились в фольклоре, обычаях. Фольклор, как и множество других этногеографических особенностей долган, является заимствованным у своих соседей, поэтому даже самоназвание народа «саха», совпадает с якутским этносом. Такое состояние долганской культуры может породить представление об отсутствии у них собственной культуры. Но именно в этом и проявляется специфика долган, поскольку такой культуры нет ни у одного народа севера Красноярского края. В общем плане «промысловое производство долган представляло собой модернизированное под русским, якутским и самодийским влиянием тунгусское хозяйство, приспособленное к специфическим условиям лесотундры и тундры Таймыра».

Литература

1. Макаров Н.П., Баташев М. С. История и культура народов Севера Приенисейского края: Учебное пособие/ Н.П. Макаров. – Красноярск: ООО ИПЦ «КаСС», 2007. – 240 с.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. – 1483 с.
3. Кривоногов В.П. Народы Таймыра (современные этнические процессы): монография. – Красноярск: РИО КГПУ, 2001. – 264 с.

Правовое регулирование природопользования коренных малочисленных народов в условиях промышленного освоения северных территорий

Ю.С. Боровинская

Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права, Тюмень

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования права коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на традиционное природопользование и особенности создания территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на федеральном уровне и в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, исконная среда обитания.

Становление федерального законодательства в области защиты прав коренных малочисленных народов на традиционное природопользование носит нестабильный характер. Продолжается поиск наиболее эффективной модели законодательного регулирования. Этим проблемам в отечественной правовой науке уделяется пристальное внимание [1, 18; 2, 336; 3, 199; 4, 67; 5, 103].

В Конституции Российской Федерации [6] в качестве совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации выделен вопрос защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (пункт «м» части 1 статьи 72).

Понятия исконной среды обитания и традиционного образа жизни конкретизированы в Федеральном законе от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [7]:

- традиционный образ жизни малочисленных народов – исторически сложившийся способ жизнеобеспечения малочисленных народов, основанный на историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований;
- исконная среда обитания малочисленных народов – исторически сложившийся ареал, в пределах которого малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни.

Таким образом, в Основном законе РФ определен приоритет правовых гарантий, которые надлежит обеспечить в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – КМНС). Из содержания конституционных норм следует необходимость гарантировать права КМНС на природопользование, исторически сложившуюся социальную организацию проживания, самобытную культуру, сохранение обычаев и верований в пределах исторически сложившегося ареала.

Помимо норм национального права, в статье 69 Конституции РФ содержится гарантия прав коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Международно-правовые документы, ратифицированные Российской Федерацией, также не содержат конкретных прав КМНС в области природопользования.

В наиболее детализированном виде природопользование коренных народов отражено в Конвенции Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» [8] (далее – Конвенция). Указанная Конвенция не ратифицирована в Российской Федерации. В качестве причины невозможности ратификации Конвенции официально признано несовпадение смысла содержащихся в ней юридических понятий, таких как «коренной народ», «земля», «владение», с аналогичными понятиями в национальном российском законодательстве [9, 54].

В Конвенции указывается, что аборигенам и их объединениям необходимо предоставить право собственности и владения на природные объекты, а в случае необходимости гарантировать этим народам право пользования природными объектами.

Статья 14 Конвенции говорит о праве собственности и владения на земли, которые традиционно занимают коренные народы. У этих народов также могут возникать права пользования землями, которые заняты не только ими, но к которым у них есть традиционный доступ для осуществления их жизненно необходимой и традиционной деятельности.

Конвенция в данном случае рассматривает землю как имущество и требует определить не абстрактные права на землю коренных народов и народов, ведущих племенной образ жизни, а конкретные имущественные права в соответствии с требованиями национального законодательства.

Для сравнения, российское законодательство не признает в качестве субъекта гражданских прав народы Российской Федерации. Гражданский кодекс Российской Федерации [10] и Земельный кодекс Российской Федерации [11] говорят лишь о собственности государства, муниципальных

образований, юридических лиц и граждан. Право собственности народов на природные ресурсы российское законодательство не предусматривает.

Конвенция содержит положения, в соответствии с которыми на землях, традиционно используемых коренными народами, государство реализует права собственника на недра и другие природные ресурсы при условии:

а) проведения консультаций с коренными народами (до оформления решений и начала работ);

б) получения компенсаций (по возможности) и возмещения ущерба.

В национальном законодательстве определено, что для обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера необходимо признать право КМНС и их объединений на выделение определенной территории для ведения традиционного образа жизни с соответствующим закреплением ее правового режима (статья 8 федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», статья 11 Федерального закона от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» [12] (далее – федеральный закон о ТТП), статья 7 Земельного кодекса РФ).

Гражданское, земельное, лесное и иное законодательство Российской Федерации не дает ответа на вопрос, какие имущественные права на природные объекты могут возникать у КМНС и их объединений.

Процесс закрепления указанных прав также представляет собой серьезную проблему, не решенную на законодательном уровне. Существующий ряд противоречий между земельным законодательством и специальными законами о территориях традиционного природопользования, принятых на федеральном и региональном уровнях, не позволяет сделать однозначный вывод о содержании и характере прав на исконную среду обитания КМНС и традиционное природопользование. Среди таких противоречий рассмотрим следующие.

1. Согласно статье 9 федерального закона о ТТП границы территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (далее – ТТП) различных видов (федерального, регионального и местного значения) утверждаются соответственно Правительством Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления.

В соответствии со статьей 97 Земельного кодекса РФ границы ТТП (не зависимо от того, являются ли они территориями традиционного природопользования федерального, регионального или местного значения) определяются Правительством РФ.

На региональном уровне также устанавливаются правила утверждения границ указанных территорий. Так, статья 4 Закона ХМАО – Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [13] (далее – закон ХМАО – Югры о ТТП) закрепляет полномочия по утверждению границ всех образующихся на территории автономного округа ТТП за Правительством ХМАО – Югры.

2. Подпункт 1 пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» гарантирует КМНС право безвозмездного пользования землями различных категорий в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности.

В то же время Земельный кодекс РФ не предоставляет КМНС каких-либо специальных возможностей получить в безвозмездное пользование земельные участки в границах ТТП. Равно как и другие граждане, представители коренных народов и их организации могут получить земельные участки из земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности, на основе аукциона в собственность либо на основе решения органа власти о предоставлении земельного участка в аренду.

Федеральный закон о ТТП (статьи 13, 14) закрепляет право пользования природными ресурсами и общераспространенными полезными ископаемыми, находящимися в пределах ТТП, за неограниченным кругом лиц, относящихся к КМНС, общинам КМНС.

Кроме того, право пользования природными ресурсами предоставлено и лицам, не относящимся к КМНС, но постоянно проживающим на ТТП, для личных нужд, а также иным гражданам и юридическим лицам для осуществления предпринимательской деятельности, при условии соблюдения правового режима ТТП.

Таким образом, образование ТТП влечет не индивидуальные, а коллективные права и не предусматривает оформление прав на земельный участок за заявителем. Тем не менее, образование ТТП в условиях действующего законодательства является единственной возможностью КМНС реализовать свое право на исконную среду обитания.

3. Земельный кодекс РФ не имеет единой позиции в отношении категории земельного участка, к которой должны относиться территории традиционной хозяйственной деятельности КМНС.

В соответствии с пунктом 1 статьи 95 Земельного кодекса РФ территории традиционного природопользования относятся к землям особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ).

Исходя из понятия ТТП, содержащегося в федеральном законе о ТТП, данные территории также относятся к категории земель ООПТ.

В то же время норма, предусмотренная пунктом 3 статьи 7 Земельного кодекса РФ, позволяет создавать территории с особым правовым режимом в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС и этнических общностей *вне зависимости от категорий земельного участка* в случаях, предусмотренных федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Таким образом, Земельный кодекс РФ буквально говорит о двух типах территорий, создаваемых для ведения традиционной хозяйственной деятельности КМНС: ТТП, относимые к категории ООПТ и территории с особым правовым режимом, которые могут создаваться на землях любой категории.

При этом землеустройство отдельных регионов не позволяет реализовать федеральное законодательство о ТТП и вынуждает принимать свои нормативные акты, противоречащие вышестоящему законодательству, в целях обеспечения конституционных прав КМНС и сглаживания конфликтных ситуаций между представителями коренных малочисленных народов и недропользователями.

В частности, территории традиционного природопользования КМНС, расположенные в ХМАО – Югре, относятся к участкам лесного фонда и являются федеральной собственностью. Следовательно, распоряжение лесными участками, расположенными на территории автономного округа, осуществляет уполномоченный орган Российской Федерации, и решение об образовании ТТП на таких участках может быть принято только Правительством РФ.

Однако в соответствии с Законом ХМАО – Югры «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» образовано 475 ТТП регионального значения ХМАО – Югры.

Кроме того, указанный Закон предусматривает признание ранее образованных родовых угодий ТТП регионального значения ХМАО – Югры (пункт 1 статьи 16 Закона ХМАО – Югры о ТТП). Введенное правило является фактически изменением порядка образования ТТП, установленного федеральным законом о ТТП.

Порядок предоставления родовых угодий определяло Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе, утвержденное решением Совета народных депутатов ХМАО от 07.02.1992 г. (в настоящее время утратило силу) [14].

В силу статей 9, 10 обозначенного Положения предоставление угодий осуществлялось на основе заявлений отдельных граждан, глав семей, ходатайств общего собрания (схода) или органа управления общины администрацией,

в ведении которой находятся земли. Заявление рассматривалось администрацией. Решение о предоставлении угодий являлось основанием для отвода земли и выдачи документов. Право на угодье удостоверялось государственным актом установленного образца, который выдавался и регистрировался администрацией, принявшей решение о его предоставлении. Отдельному гражданину, семье выдавался государственный акт на пожизненное наследуемое владение угодьями, а органу управления общиной в соответствии с нормами действовавшего на тот момент Земельного кодекса РСФСР [15] – государственный акт на бессрочное пользование угодьями.

Следует заметить, что предоставление гражданину земельного участка на праве пожизненного наследуемого владения с момента вступления в силу Указа Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» [16] было прекращено.

Учитывая вышеизложенное:

1) ранее образованные родовые угодья предоставлялись, помимо отдельных граждан из числа КМНС, общин КМНС, главам семей КМНС. Современное законодательство о ТТП глав семей КМНС в качестве заявителей на образование ТТП не предусматривает;

2) лица, которым было выделено родовое угодье, приобретали право пожизненного наследуемого владения либо постоянного бессрочного пользования земельным участком под данным родовым угодьем. В настоящий момент, в соответствии с пунктом 3 статьи 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [17] право пожизненного наследуемого владения и право постоянного бессрочного пользования подлежат переоформлению на право собственности. Правовым результатом образования ТТП является создание особого режима использования территории при сохранении государственной или муниципальной собственности на землю, а не переход права на земельный участок к конкретному субъекту. Соответственно, признание родового угодья территорией традиционного природопользования фактически является переходом личного права представителя КМНС на земельный участок в публичную собственность автономного округа.

Таким образом, признание родового угодья ТТП регионального значения порождает следующие правовые последствия:

1. Законом ХМАО – Югры изменен круг субъектов, в интересах которых могут быть образованы ТТП, за счет включения в него глав семей КМНС, которые как субъекты права традиционного природопользования федеральному законодательству неизвестны;

2. При образовании ТТП регионального значения заявитель, в интересах которого ранее было образовано родовое угодье, теряет право на закрепление за ним предусмотренного Земельным кодексом РФ права собственности на земельный участок;

3. Императивное признание территорий приоритетного природопользования и родовых угодий ТТП регионального значения означает обход установленного главой II федерального закона о ТТП заявительного порядка образования ТТП.

Необходимо также отметить, что исходя из смысла земельного законодательства, законодательства о ТТП и об ООПТ, правовое значение образования ТТП одного из установленных видов состоит в создании особого правового режима использования территории для целей ведения традиционного природопользования и традиционного образа жизни КМНС. Создание особого правового режима территории фактически является изменением порядка пользования территорией с учетом проведенного функционального зонирования. При этом режим использования, установленный Федеральным законом от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» [18], не применяется в отношении такого вида ООПТ, как ТТП. В соответствии с нормами указанного закона правовой режим ТТП устанавливается в положении о данной территории.

Целью образования ТТП в силу статьи 1 Федерального закона о ТТП является ведение традиционного природопользования и традиционного образа жизни КМНС.

В соответствии со статьей 11 Федерального закона о ТТП правовой режим территорий традиционного природопользования устанавливается положениями о территориях традиционного природопользования, утвержденными соответственно уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления с участием лиц, относящихся к малочисленным народам, и общин малочисленных народов или их уполномоченных представителей.

Статья 9 Закона ХМАО – Югры о ТТП также указывает на то, что правовой режим использования ТТП отражается в положении о правовом режиме ТТП. Положения о правовом режиме ТТП содержат:

1) сведения о площади, местонахождении, описание границ территорий традиционного природопользования;

2) описание границ функциональных зон территорий традиционного природопользования, особенности использования и охраны территорий традиционного природопользования в их границах;

3) иные положения, определяющие в соответствии с законодательством правовой режим территорий традиционного природопользования.

Из сказанного следует, что правовой режим использования ТТП в нормах действующего законодательства не содержится. Закрепление правового режима использования осуществляется в положении о ТТП.

Таким образом, осуществление хозяйственной деятельности, не связанной с традиционным природопользованием на ТТП, в отношении которой не утверждено положение о ее правовом режиме, не может быть ограничено.

Исследователи делают вывод, что в России пока отсутствует система правовой поддержки и защиты интересов коренных малочисленных народов, хотя необходимость привести российское законодательство в соответствие с международными нормами и законодательно закрепить четко установленные границы проживания коренных малочисленных народов по подобию американских резерваций в целях сохранения среды их обитания и гарантий сохранения территорий будущим поколениям давно назрела [5, 111].

Со стороны представителей коренных народов в России предложения по созданию резерваций на территории России вызвали негативную реакцию. «Резервация» была отождествлена с дискриминационным явлением: «Резервация по-русски – это гибнущий народ» [19, 113].

Вместе с тем, в нашей стране издавна сложилось уважительное отношение к проживающим на ее территории коренным малочисленным народам [20]. А закрепление в Конституции РФ соответствующего положения в отношении коренных малочисленных народов продемонстрировало готовность Российской Федерации развивать в законодательстве положения международного права, направленные на защиту данных этнических групп населения.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что статья 72 и другие нормы Конституции РФ, имеющие отношение к правам коренных малочисленных народов Севера на исконную среду обитания, не могут быть реализованы в полной мере из-за отсутствия законодательства, принятого в соответствии с документами международного права. Вместе с тем, конституционно-правовая основа регулирования и защиты прав коренных малочисленных народов Севера на природные ресурсы в России существует.

В качестве итога следует предложить первоочередные шаги по устранению препятствий к реализации права КМНС на традиционное природопользование со стороны федерального законодательства:

1) передать полномочия по образованию ТТП на земельных участках лесного фонда субъектам РФ;

2) внести изменение в статью 97 Земельного кодекса РФ в части утверждения границ ТТП соответственно Правительством РФ, исполнительными органами государственной власти субъектов РФ либо органами местного самоуправления;

3) применить в нормах Земельного кодекса РФ (ст. 7, ст. 95) единый подход к определению категории земельных участков, расположенных в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности КМНС;

4) установить требование для органов государственной власти субъектов РФ принять программы по разработке законодательных актов в области обеспечения и защиты прав КМНС на исконную среду обитания.

Литература:

1. Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Международно-правовые основы защиты прав коренных народов: Учеб. пособие. – М., 2011. – 224 с.
2. Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. – М., 2010. – 560 с.
3. Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. – М., 2010. – 288 с.
4. Гарипов Р.Ш. Коренные малочисленные народы в России: гарантии прав и свобод // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С. 67-73.
5. Гарипов Р.Ш. Правовой статус территориальных образований коренных народов США // Федерализм. – 2009. – № 2. – С. 103-112.
6. Конституция Российской Федерации // «Собрание законодательства РФ». – 2009. – № 4. – С. 445.
7. Федеральный закон от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 1999. – № 18. – С. 2208.
8. Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т. II. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – С. 2193-2207.
9. Анализ федерального законодательства Российской Федерации о правах коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на предмет соответствия международным стандартам / Под ред. А.Е. Постникова, Л.В. Андриченко, Л.Е. Бандорина. – М., 2007. – С. 124.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». – 1994. – № 32. – С. 3301.
11. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // «Собрание законодательства РФ». – 2001. – № 44. – С. 4147.
12. Федеральный закон от 7 мая 2001 г. № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 2001. – № 20. – С. 1972.

13. Закон ХМАО – Югры от 28 декабря 2006 г. № 145-оз «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» // «Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». – 2006. – № 12 (часть I). – С. 1488.
14. Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе // «Новости Югры». – № 44. – 1992.
15. Земельный кодекс РСФСР // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 22. – С. 768.
16. Указ Президента РФ от 24 декабря 1993 г. № 2287 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации» // «Собрание актов Президента и Правительства РФ». – 1993. – № 52. – С. 5085.
17. Федеральный закон от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 2001. – № 44. – С. 4148.
18. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // «Собрание законодательства РФ». – 1995. – № 12. – С. 1024.
19. Харючи С.Н. Коренные малочисленные народы: проблемы законодательства. – Томск, 2004. – 359 с.
20. Комментарий к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации / Под ред. Б.С. Крылова. – М., 1999. – С. 7.

Проблемы и риски этносоциального развития коренных малочисленных народов Сибири (на примере шорцев Таштагольского района Кемеровской области)¹

М.Р. Зазулина, кандидат философских наук
Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
Новосибирск

Аннотация. Работа посвящена анализу этносоциального развития шорцев, компактно проживающих в местах традиционного природопользования. Обоснован комплексный характер основных проблем, определяющих уровень этносоциального и этнокультурного развития шорцев: сокращение

традиционной системы жизнеобеспечения и изменение структуры природопользовательских практик, сокращение сферы употребления шорского языка и разрушение механизмов его трансляции, а также проблемы маргинализации части шорского этноса.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, моноэтнические и полиэтнические сообщества, этническое самосознание, традиционные системы жизнеобеспечения.

Этносоциальное развитие коренных малочисленных народов сегодня является не только предметом изучения ученых, но и предметом пристального внимания органов государственной власти и общественных организаций. Интерес к коренным малочисленным народам связан с необходимостью сохранения их культурного и этнического наследия и одновременно с неизбежностью включения их в современное «большое» общество, следствием чего зачастую является потеря этими народами своей этнической самобытности. Особенно актуальным является изучение проблем развития коренных малочисленных народов, компактно проживающих на территориях традиционного природопользования и сохранивших традиции экстенсивного природопользования. Именно в таких случаях коллективные усилия ученых, власти и общественности по сохранению этнокультурного разнообразия могут оказаться наиболее эффективными.

В данной работе рассматриваются некоторые ключевые проблемы этносоциального развития шорцев, компактно проживающих в местах традиционного природопользования на территории Таштагольского района Кемеровской области. В работе использованы материалы социологической экспертизы социально-экономического и этносоциального развития коренных малочисленных народов Сибири, этапы которой были реализованы при участии автора в 2006 и 2013 гг. в Таштагольском районе Кемеровской области.

Проведенные исследования позволили определить и проанализировать основные параметры социально-экономического, этносоциального и культурного развития шорцев в местах их компактного проживания и обозначили круг проблем, определяющих современное существование коренного населения Таштагольского района.

В Таштагольском районе сложилась уникальная ситуация, когда большинство населенных пунктов, являющихся местами компактного проживания шорцев, находятся на территории Шорского национального природного парка (ШНПП), имеющего статус особо охраняемой природной территории. Статус особо охраняемой природной территории делает невозможным развитие на территории ШНПП современных экономических практик, связанных с промышленным недродобывающим (перерабатывающим) либо

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-01-00170).

лесозаготовительным производством, а также туристическим бизнесом и, напротив, способствует сохранению и развитию экономических практик, связанных с традиционными формами природопользования. Удаленность и труднодоступность населенных пунктов, являющихся местами компактного проживания шорцев, также способствуют ориентации местного населения преимущественно на традиционные формы жизнеобеспечения.

К традиционным отраслям индивидуального хозяйства, практикуемым шорцами, проживающими в полиэтничных и моноэтнических поселках, относятся, прежде всего, ведение личных подсобных хозяйств и промысловая деятельность.

Личное подсобное хозяйство (ЛПХ) традиционно имеет практически повсеместное распространение, в общей сложности его держат около 90% населения независимо от этнической принадлежности и места проживания. По своим основным параметрам хозяйства схожи со структурой пригородных дачных участков. Небольшое количество обрабатываемой земли соотносимо с небольшим количеством выращиваемой живности. Невысокий уровень развития натурального хозяйства объясняется затрудненностью сбыта продукции и, следовательно, ориентацией ЛПХ на удовлетворение только потребностей домохозяйства.

Как показало исследование, в последние годы происходит изменение структуры приусадебного хозяйства. Так, если огород держат практически все население, то доля хозяйств, в которых содержится домашний скот и птица, неуклонно снижается. По данным официальной статистики, в различных населенных пунктах доля таких хозяйств может составлять от 30% до 75%. По данным наших исследований, в отдельных населенных пунктах ситуация выглядит еще плачевнее: например, в п. Ключевой Кызыл-Шорского сельского поселения из 80 семей, реально проживающих в поселке, лишь 8 семей держат коров. В целом в более удаленных и труднодоступных поселках физические параметры подсобных хозяйств выше. Так, в п. Чилису-Анзас из 11 реально проживающих там семей домашний скот держат 9, в том числе лишь 4 семьи держат коров.

Как показали наши исследования, мощность приусадебного хозяйства напрямую связана с экономическими стратегиями, реализуемыми семьями. В семьях, ориентированных на промысловую деятельность и живущих за счет природных ресурсов, ЛПХ традиционно носит вспомогательный характер. В то же время в условиях труднодоступности поселков обеспеченность мясом и молочными продуктами является залогом выживания семьи. Семья держит, как правило, одну корову и по необходимости лошадь. Овец, свиней и птицу держат крайне редко. В более удаленных поселках количество лошадей в домохозяйстве заметно больше и превышает количество коров. Связано это с тем, что в условиях тайги лошадь выступает практически универсальным видом транспорта.

Товарная значимость ЛПХ по сравнению с другими видами доходов относительно невысока: в качестве одного из основных источников денежных средств его отметили менее 20% семей. Основная функция личного подсобного хозяйства заключается, прежде всего, в обеспечении продуктами питания, которые не продаются, а потребляются непосредственно внутри хозяйства.

По мнению респондентов массового опроса, основной причиной низкого уровня развития ЛПХ является дороговизна кормов для скота. В то же время эксперты отмечают в качестве основных причин – психологические: нежелание населения заниматься трудоемкой работой, лень и иждивенческие настроения.

Характерной чертой обследованных районов является четко выраженная ориентация населения на промысловую деятельность. Традиционное природопользование в той или иной форме осуществляют от 70% до 90% семей, проживающих в обследованных населенных пунктах. Семьи, которые не занимаются промыслом, – это или семьи, полностью состоящие из пенсионеров, причем в очень почтенном возрасте, либо спившиеся маргинализированные семьи, живущие исключительно на социальные пособия.

Стоит также уточнить, что подавляющее большинство семей, попавших в категорию занимающихся промыслом, практикует лишь формы промысловой деятельности, связанные с собирательством: сбор кедровых шишек, ягод, грибов и других дикоросов. Реальная же доля семей, занимающихся такой разновидностью промыслов, как охота, по данным, полученным в ходе неформальных бесед с экспертами, составляет от 5% до 30% семей, проживающих в обследованных поселках.

Наиболее важной разновидностью промысла для шорских домохозяйств (впрочем, как и для русских домохозяйств, проживающих в сельских районах), является заготовка кедрового ореха. Остальные виды промыслов в структуре промысловой деятельности имеют гораздо меньшее значение. На втором месте по важности – охота на пушных зверей и рыболовство. На третьем – сбор дикоросов (ягод, грибов, папоротника и пр.). Отмеченная структура промысловой деятельности одинакова для всех обследованных поселков, однако индексы ориентации на различные виды промысловой деятельности различаются в зависимости от удаленности поселков. В более удаленных моноэтнических поселках коренное население в большей степени задействовано во всех видах промысловой деятельности, чем население менее удаленных полиэтничных поселков.

Как показало исследование, различная ориентированность на промыслы обусловлена не этническим фактором, то есть не моно- или полиэтничностью поселка, а скорее совокупностью социально-экономических условий, сложившихся в конкретном населенном пункте. Удаленность поселка

сокращает возможность занятости его жителей в современной экономике, а небольшая численность населения сводит практически на нет и внутренний рынок труда (например, в п. Чилису-Анзас работу имеют всего 3 человека, в. Усть-Анзасе – 20, причем 19 из них заняты в бюджетной сфере). Эти факторы вынуждают население удаленных и малонаселенных поселков ориентироваться прежде всего на традиционные формы жизнеобеспечения – промысловую деятельность и ведение ЛПХ.

В менее удаленных и более населенных поселках, во-первых, население более активно включено в современные формы занятости (и благодаря большому количеству мест в бюджетной сфере и благодаря сформировавшимся традициям отходничества), а во-вторых, существует внутренний рынок труда, позволяющий тем, кто отходничеством не занимается, найти временную работу в деревне. В результате в таких поселках промысловая деятельность, оставаясь важным источником денежных доходов населения, в то же время не является единственным доходом, уступая по важности, например, доходу от заработной платы. И, конечно же, во всех без исключения поселках доход от промысловой деятельности уступает по важности доходам от пенсий и пособий, традиционно занимающим первое место в структуре доходов населения.

Речь идет о том, что включение в современные системы жизнеобеспечения в любой форме (от постоянной формальной занятости до случайных приработков) ведет к сокращению традиционных систем жизнеобеспечения, которые приобретают все более вспомогательный характер. Данное утверждение может быть отнесено и к социальным трансфертам (как в виде пенсий, так и в виде детских пособий): выступая для населения основным источником денежного дохода, они, несомненно, имеют огромное значение для выживания шорского населения, но в то же время снижают необходимость занятий традиционными природопользовательскими практиками, усиливая таким образом тенденцию к маргинализации.

Проведенные нами исследования показали, что промысловая деятельность сохраняет высокую значимость в жизни всех обследованных поселков, что связано с их удаленностью, труднодоступностью и малым количеством рабочих мест. Однако структура промысловой деятельности меняется: снижаются индексы ориентации на занятия охотой при сохранении высоких индексов ориентации на собирательство. Эта тенденция в большей степени характерна для более крупных и менее удаленных полиэтнических поселков, но наблюдается она и в удаленных моноэтнических поселках.

Фактически охотой занимаются единицы. По нашим наблюдениям, причинами сокращения охотничьего промысла являются сразу несколько факторов, в числе которых необходимость лицензировать эту деятельность, потеря

необходимых для охоты навыков, в том числе вследствие формальной занятости в современной экономике, а также проблемы сбыта продуктов охоты.

Основной причиной сокращения природопользовательских практик выступает распространенность современных форм занятости, которые являются альтернативными традиционной промысловой деятельности. Это может быть работа вахтовым методом вне села, постоянная занятость в бюджетной организации в самом селе или сезонный приработок в городе. В каждом случае выбор осуществляется не в пользу охоты, а в пользу занятости в сфере современной экономики, приносящей хоть и небольшой, но гарантированный денежный доход. Еще одной причиной, снижающей экономическую активность населения, в том числе и промысловую, выступают иждивенческие ориентации населения и его маргинализация, когда младшие поколения ориентированы на выживание за счет старшего поколения, получающего пенсию («непенсионеры паразитируют на пенсионерах»).

Тенденция сокращения в меньшей степени касается собирательства, то есть такой промысловой деятельности, которая не требует особых специальных знаний, умений и физических возможностей и протекает в условиях пониженной экстремальности.

Значимым фактором сокращения природопользовательских практик стало изменение условий природопользования, произошедшее в последние годы и связанное с ужесточением политики Шорского национального природного парка, выступавшего ареалом природопользования для коренного населения. Ужесточение политики парка произошло по двум направлениям.

Во-первых, изменилась кадровая политика, в результате чего все штатные охотники и часть инспекторов были сокращены. Традиционно эти должности занимали представители шорского этноса, причем та его часть, которая в наибольшей степени была ориентирована на традиционную промысловую деятельность (в том числе на охотничий промысел) и таким образом служила транслятором традиций этнического природопользования.

Во-вторых, произошло ужесточение политики природопользования, в результате чего вся природопользовательская деятельность населения стала больше контролироваться и ограничиваться.

Последствиями политики, проводимой Шорским национальным природным парком, стало нарастание конфликтной ситуации между ШНПП и местным населением. Отметим, что этот конфликт не носит этнической окраски, поскольку все старожильческое население, и шорское, и русское, оказалось в идентичной ситуации.

Еще одним следствием проводимой политики стало усиление неформального, черно-рыночного характера промысловой деятельности. Население, которому некуда деваться, все равно идет в лес на свой страх и риск.

Но официальный запрет так или иначе сказывается на сокращении объемов промысловой деятельности, а кроме этого, такая деятельность приобретает полностью неофициальный характер и практически не поддается учету.

Конечно, наблюдаемое сокращение природопользовательских практик вряд ли приведет к исчезновению шорского этноса в прямом смысле этого слова: люди уедут, найдут жилье и работу, адаптируются и ассимилируются. Но в случае шорского этноса, как и в случае любого малочисленного народа, произойдет не просто смена одного вида деятельности другим. Природопользовательские практики представляют собой материальный базис шорской культуры, основу его этнической идентичности. Без этого материального базиса все социальные и культурные практики окажутся вырваны из контекста, и это неизбежно приведет к тому, что они лишатся своего изначального смысла и в лучшем случае останутся в виде внешних культурных проявлений (праздников, костюмов), не несущих функциональной нагрузки, либо исчезнут полностью в силу их не востребоваемости. Эпизодический, вспомогательный характер, который приобретает промысловая деятельность, приводит к ее утрате, поскольку навыки, необходимые для ее эффективного осуществления, забываются современными поколениями шорцев и не передаются подрастающим поколениям.

С такой точки зрения актуальность приобретает анализ изменений, произошедших в сфере самосознания шорцев, осознания ими проблем своего этноса, а также в сфере употребления шорского языка как основного культурного маркера этнической самобытности.

Проведенные исследования показали, что языковая ситуация во всех обследованных районах характеризуется традиционно сильной позицией русского языка, который в современных условиях выступает средством межнациональной коммуникации. Свободное владение русским языком демонстрируют все представители коренного шорского населения.

Позиции шорского языка имеют существенные различия в зависимости от моно- и полиэтничности района. В моноэтнических поселениях более 90% коренного населения считают шорский язык родным и лишь незначительная часть считает родным русский язык. В полиэтничных поселениях лишь около 70% проживающих там шорцев в качестве родного назвали шорский язык. При этом во всех типах поселений часть респондентов (около 10%) не смогла определиться в вопросе языка однозначно и в качестве родных указала оба языка.

Владение шорским языком имеет значительные отличия в зависимости от моно- и полиэтничности населенного пункта. В моноэтнических поселках степень владения языком выше, чем в полиэтничных поселках. Например, в п. Усть-Анзас шорским языком владеет 85% населения, а в поселках Чилису-Анзас, Эльбега все взрослое население в той или иной степени владеет

шорским языком. В полиэтничных поселках Ключевой и Чулеш, Мрассу языком владеют лишь от 70% до 80% опрошенных, а каждый четвертый респондент-шорец заявил, что не знает шорского языка.

Исследование уровня владения языком показало, что значительная часть коренного населения не говорит по-шорски свободно, а владеет им лишь в определенной степени. В полиэтничных поселках более половины шорцев, заявивших о том, что владеют шорским, уточнили при этом, что владеют им с трудом. Таким образом, в полиэтничных поселках налицо картина размывания языка: хотя в целом шорским языком владеют около 80% шорцев, однако свободно по-шорски говорят менее трети.

В моноэтнических поселках доля свободно владеющих шорским языком превышает долю тех, кто владеет им с трудом, составляя в зависимости от поселка от 50% до 100%. Таким образом, удаленность поселков в сочетании с моноэтничностью создает благоприятную среду для развития языка. В ситуации билингвизма в полиэтничных поселках и при более интенсивных контактах с внешним миром шорский язык уступает русскому в интенсивности употребления и начинает размываться.

Представление о родном языке является в значительной степени субъективным и не всегда соответствует реальной языковой ситуации в сообществе. Например, доля шорцев, владеющих родным языком, как правило, оказывается значительно меньше доли тех, кто считает шорский язык родным. Речь идет о том, что часть шорцев, считающих родным шорский язык, на самом деле им не владеют либо владеют в неполном объеме.

Таким образом, сложилась ситуация, когда язык как некий маркер более важен, чем непосредственно владение им. Язык стал некой идеей, которая подчеркивает принадлежность к самобытному шорскому этносу. И это свидетельствует о том, что ресурсы трансляции шорской культуры еще не исчерпаны.

Исследование интенсивности употребления шорского языка показало, что для шорцев полиэтничных поселений жизнь в ситуации билингвизма и ежедневные контакты с русскими предопределили снижение интенсивности употребления шорского языка в бытовых сферах. В большинстве случаев общение в быту происходит на русском языке, в том числе почти исключительно на русском происходит общение с детьми. Наиболее часто шорский язык используется при общении с родителями и другими родственниками старшего поколения.

Для шорского населения моноэтнических поселков характерно сохранение сильных позиций шорского языка во всех бытовых сферах и практически в полном объеме. В то же время можно заметить, что общение на шорском происходит не чаще, чем общение на русском, то есть, конкурируя с русским языком в бытовых сферах, шорский язык сохраняет свои позиции,

но отнюдь не выигрывает. Также обращает на себя внимание тот факт, что и здесь общение с детьми, то есть с теми поколениями, которые могли бы сохранить традиции и язык в будущем, чаще происходит на русском языке.

Таким образом, моноэтническая среда выступает более благоприятным фоном для развития шорского языка. Кризис социально-бытовой инфраструктуры и отсутствие в поселках элементарных бытовых удобств (более 40 поселков района являются неэлектрофицированными) заставляют коренное население покидать традиционные места проживания.

Как показали проведенные интервью, незнание языка связано с тем, что в детстве родители не говорили с респондентами по-шорски. Это могло происходить как в силу незнания родителями языка, так и в силу сознательного отказа от шорского в пользу русского языка, что связано с политикой в отношении малочисленных народов, проводимой в СССР. Таким образом, первое поколение, не знающее шорского языка, – это люди среднего возраста, от 40 до 50 лет, с которыми родители в детстве не говорили по-шорски, не потому что не знали язык, а в силу проводимой в Советском Союзе национальной и языковой политики. Подобные методы «интернационализации» до сих пор живы в памяти населения, определяя его поведенческие стратегии в сфере употребления языков. В любом случае незнание языка возникает в результате прерывания трансляции языковой культуры в семье.

Еще одним фактором, определившим современное состояние шорского языка, является сформировавшаяся еще в советские годы и живая до сих пор традиция обучения детей в интернате. Подавляющее большинство современного поколения шорцев, будучи детьми, обучалось в интернате, их дети теперь также учатся в интернате. На момент обследования все дети школьного возраста в поселках Чилису-Анзас и Усть-Анзас, равно как и во всех окрестных поселках, учатся в школе-интернате, приезжая домой только на лето. То есть 9 месяцев в году они общаются практически исключительно на русском языке.

Конечно, подобная практика имела и имеет вынужденный характер и обусловлена невозможностью дать полноценное образование детям в условиях разбросанности, удаленности, труднодоступности и малонаселенности поселков. Негативные последствия такой политики трудно переоценить: помимо языковой ситуации, обучение в интернате имело негативные социальные последствия. По наблюдениям экспертов, дети, обучавшиеся в интернате, не склонны к ведению подсобного хозяйства и с трудом адаптируются к жизни и в родном селе и «большом» городском обществе.

В такой ситуации, когда приходится отправлять маленьких детей на обучение в иноязычную среду, возрастает значение языкового воспитания в семье. Большая часть родителей в течение последних 30–40 лет сознательно не пыталась не учить детей шорскому, а сразу учить их говорить и думать

по-русски, чтобы облегчить им адаптацию в чуждой и враждебной среде интерната. В то же время были и остаются семьи, в которых несмотря ни на что сохранялся приоритет шорского языка, но это скорее единичные случаи.

Сегодня происходит всплеск интереса к шорскому языку, оказавшемуся одним из самых важных маркеров принадлежности к этносу, выражающих этническую самобытность шорской культуры. Как показали исследования, с возрастом респонденты проявляют все большее стремление узнать родной язык и начинают практиковать его между собой в бытовом общении. В первую очередь такая ситуация характерна для моноэтнических поселков.

В отношении детей все чаще можно услышать мнение, наиболее емко выраженное одним из экспертов: «У меня ребенок ведь шорец, поэтому он должен знать шорский язык». Несмотря на то, что в быту с детьми по-шорски практически не общаются, родной язык присутствует в их жизни в виде уроков шорского языка в школе. Формально такие уроки имеют факультативный характер, но фактически их посещение является обязательным.

И, тем не менее, несмотря на существование специальных программ по изучению шорского языка, его трансляция, его усвоение в наиболее полном объеме происходит только в семье, которая выступает естественной языковой средой.

Установки на сохранение этничности, а также восприятие остроты, стоящих перед шорским этносом проблем, практически не различаются в зависимости от моно- и полиэтничности места проживания. О том, что существует однозначная опасность утратить свою национальную самобытность, заявили в общей сложности более 90% шорцев, в том числе около 70% полагают, что опасность очень велика.

В числе актуальных проблем, стоящих, по мнению самих респондентов, перед шорцами, ведущее положение занимают такие проблемы, как утрата национального языка и утрата национальных традиций – эти проблемы отметили от 70% до 80% шорцев во всех обследованных населенных пунктах. На третьем месте такая проблема как ухудшение здоровья населения вследствие алкоголизма, что отметили от 60% до 70% опрошенных. Остальные проблемы являются не такими острыми. Так, разрушение природной среды обитания отметили – 11%, рост смертности и снижение рождаемости отметили 8%, ухудшение здоровья из-за тяжелых жизненных условий отметили 6% и широкое распространение межнациональных браков – 3% опрошенных.

Таким образом, для современных шорцев самые острые проблемы лежат в сфере духовной культуры, в сфере сохранения традиций и языка. Кроме этого, остро ощущается ухудшение здоровья всего этноса вследствие повсеместного распространения алкоголизма. Для коренного населения

речь идет уже не только о духовном выживании этноса, а о его физическом выживании. Количество шорцев, получающих пенсию по инвалидности, сегодня соотносимо с количеством пенсионеров по возрасту. Показательно, что эта ситуация получила закрепление и в фольклоре: «Эксперт: у нас даже анекдот есть: американец рождается с 50 баксами, абхаз рождается мастером спорта по борьбе, а шорец рождается с пенсионной книжкой». Сравнение результатов исследований различных лет показало, что ситуация утраты языковой и культурной самобытности с течением времени теряет свою остроту, прежде всего, в глазах самих шорцев. Эта ситуация перестает ощущаться как проблемная, а ощущается скорее как неизбежная. Речь идет уже не о культурном, а о физическом выживании шорского этноса.

Важную роль для сохранения традиций коренными малочисленными народами и передачи их последующим поколениям играет не только знание языка, но и знание своей родовой принадлежности. Исследование показало, что шорцами это знание в значительной степени утрачено – в моноэтнических поселках свою родовую принадлежность указали 45%, а в полиэтнических поселках лишь 30%.

В контексте отмеченных проблем особую важность приобретает вопрос о том, с чем и с кем, с какими направлениями деятельности связаны, по мнению местного автохтонного населения, дальнейшие перспективы развития шорского этноса.

Как показали исследования, на этот счет не существует однозначного мнения. На национальные организации возлагают надежды 25% шорцев, в то же время 40% проживающих в этих районах шорцев уверены, что создание организаций по национальному признаку никак не поможет возрождению автохтонного населения. Характерно, что каждый третий опрошенный затруднился с ответом на этот вопрос.

Если отношение к деятельности родовых организаций положительное, что отметили 63% экспертов, то оценка их деятельности крайне низка. Более 70% экспертов в обследованных районах либо затруднились оценить роль родовых организаций, либо считают, что они не играют никакой роли. Среднюю оценку родовым организациям поставили 24% экспертов.

Ориентация на помощь родовых организаций при решении каких-либо проблем выше, чем ориентация на помощь религиозных организаций. Более 30% экспертов считают, что родовые организации могут помочь при решении экономических проблем, в борьбе с пьянством, в помощи престарелым и инвалидам, организации досуга населения и пр.

В целом отношение к родовым организациям достаточно спорное. С одной стороны они воспринимаются как несомненно полезные, но с другой существует уверенность в их бессилии и ограниченности их возможностей.

В отношении Шорского национального парка автохтонное население также настроено весьма скептически, если не сказать враждебно: по материалам исследования 2013 г. в общей сложности более 70% шорцев, независимо от района проживания, считали, что программы развития ШНПП никак не помогут шорцам. Для сравнения, в 2006 такого мнения придерживались всего 50% шорцев. Отметим, что данная оценка деятельности Шорского национального природного парка является прямым следствием конфликтной ситуации, возникшей между руководством парка и местным населением.

Таким образом, к числу самых острых проблем, стоящих перед шорским этносом на современном этапе, относятся следующие.

В сфере традиционного природопользования – это сокращение традиционной системы жизнеобеспечения и изменение структуры природопользовательских практик. Включенность в современную экономику и в виде различных форм занятости, а также через получение социальных трансфертов ведет к изменению статуса практик природопользования, которые приобретают все более вспомогательный характер. Наблюдаемое изменение структуры природопользования является следствием не только политики ШНПП, но всей совокупности социально-экономических условий, свидетельствуя о том, что часть материальных и культурных практик уже находится за гранью исчезновения.

В языковой и этнокультурной сфере самой острой является проблема развития языка и трансляции его следующим поколениям. Обучение в интернате сопровождается не только потерей языка, но и потерей навыков хозяйствования, что ведет к маргинализации населения.

В социально-экономической сфере наиболее острыми являются проблемы маргинализации части шорского этноса, а также вымирания поселков, в том числе и в результате отсутствия элементарных социально-бытовых удобств. Отток шорцев из поселков – мест компактного проживания ведет к тому, что школы в этих поселках закрываются, а дети попадают в интернат, где забывают язык, традиции, и начинается процесс их маргинализации. Подобные стратегии в трансляцию культуры ведут к тому, что через пару поколений не только школы в поселках, но сами поселки оказываются полностью заброшены.

Ужесточение природопользовательской политики Шорского национального природного парка в сочетании с отсутствием элементарных социально-бытовых удобств в местах проживания также способствуют оттоку коренного населения из родных поселков – мест компактного проживания.

Все отмеченные проблемы имеют комплексный характер и взаимосвязаны в своем влиянии на современное развитие шорского этноса. Сама сложившаяся совокупность социально-экономических условий выступает фактором маргинализации определенной его части. Комплексный характер

угроз существованию шорского этноса требует к себе более пристального внимания, а также комплексных решений, которые могут быть достигнуты лишь через объединение усилий ученых, власти и общественности.

Об опыте деятельности Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сфере противодействия коррупции

В.М. Куриков, доктор экономических наук

*Дума Ханты-Мансийского автономного округа – Югры,
Ханты-Мансийск*

С.Х. Хакназаров, кандидат геолого-минералогических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье обобщается опыт Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО) в сфере антикоррупционной деятельности. В частности, анализируется деятельность работы Комиссии по противодействию коррупции при окружной Думе по данному направлению. Работа носит научно-прикладной характер.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная деятельность, антикоррупционные программы.

Согласно статье 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», **коррупция** [1]:

1) злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами;

2) совершение деяний, указанных в подпункте «а» настоящего пункта, от имени или в интересах юридического лица.

Противодействие коррупции – деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий:

а) по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции);

б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией);

в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Согласно статье 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», противодействие коррупции в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;

2) законность;

3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;

4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;

5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;

6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;

7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Коррупция и преступность в сфере экономической деятельности являются самыми глобальными проблемами мирового сообщества. В том или ином объеме они проявляются в любом государстве, подчеркивая все возрастающие противоречия в отношениях между гражданским обществом и государством в условиях рыночных отношений. Эти два тесным образом связанных между собой явления представляют главную угрозу для развития современной цивилизации, поскольку создают непреодолимые препятствия и в корне подрывают необходимые условия для нормального функционирования и социально-экономического прогресса общества на основе рационального использования его интеллектуального, нравственно-психологического, экономического и научно-технического потенциала. Она охватывает собой как общесоциальное, так и правовое поле жизнедеятельности общества. Одной из причин такого положения, по нашему мнению, является недостаточно четкое законодательное определение понятия «коррупция» [2].

Как отмечено в работе А.В. Чуманова [3], для Российской Федерации проблема коррупции и борьбы с ней является особо актуальной. Системный кризис, по целому ряду показателей отбросивший страну на десятилетия назад, не мог не сказаться на масштабах коррупции. Многочисленные

исследования показывают, что в той или иной степени коррупцией поражены все системы социального управления, причем не только в «публичной», но и в негосударственной сфере.

Исключительную опасность для безопасности российского общества и государства представляет тесная связь коррупции с организованной преступностью, обеспечивающая последней благоприятные условия существования и многократно повышая ее жизнестойкость. Масштаб угрозы, которую представляет коррупция для развития человечества, обусловил степень озабоченности российского общества и государства данной проблемой. Это нашло выражение в многочисленных антикоррупционных инициативах, в разработке законопроектов о борьбе с коррупцией [3].

Как следует из работы О.В. Павленко [4], проблема противодействия коррупции сегодня стала одной из актуальных и широко освещаемых как в средствах массовой информации, так и в научном мире. По мнению автора, никем не отрицается необходимость комплексного воздействия на данное сложное явление, но, как правило, коррупция понимается только через систему коррупционных преступлений, что, безусловно, влияет на неверные подходы в противостоянии данному явлению.

В соответствии с Положением о Комиссии по противодействию коррупции при Думе ХМАО, утвержденным постановлением Думы ХМАО от 28.10.2009 г. № 4436, основными целями Комиссии являются выявление в законодательстве ХМАО положений, способствующих возникновению и распространению коррупции, внесение предложений по совершенствованию законодательства автономного округа в области правового обеспечения противодействия коррупции.

Основными направлениями деятельности Комиссии являются:

- 1) анализ законодательства автономного округа в целях выявления положений, способствующих возникновению и распространению коррупции;
- 2) коррупциогенный анализ проектов нормативных правовых актов, вносимых на рассмотрение Думы автономного округа, в целях выявления положений, способствующих возникновению и распространению коррупции, и подготовка по ним решений;
- 3) подготовка предложений по совершенствованию законодательства автономного округа в области правового обеспечения противодействия коррупции.

Комиссия в пределах своих полномочий:

- 1) проводит работу по изучению федерального законодательства в области борьбы с коррупцией;
- 2) изучает законопроекты при подготовке их к рассмотрению Думой автономного округа в целях выявления положений, способствующих

возникновению и распространению коррупции, представляет в комитеты Думы автономного округа свои решения;

- 3) разрабатывает предложения по совершенствованию законодательства автономного округа в области правового обеспечения противодействия коррупции;

- 4) вырабатывает рекомендации по повышению эффективности противодействия коррупции;

- 5) взаимодействует с органами по противодействию коррупции, созданными в государственных органах автономного округа и органах местного самоуправления муниципальных образований автономного округа;

- 6) информирует депутатов Думы автономного округа о результатах своей работы;

- 7) осуществляет содействие развитию общественного контроля в области противодействия коррупции;

- 8) работает с обращениями граждан и организаций по вопросам наличия в законодательстве автономного округа коррупциогенных норм;

- 9) рассматривает по представлению депутатов Думы автономного округа информацию о возникновении коррупции;

- 10) инициирует проведение депутатских слушаний, общественных слушаний, круглых столов, семинаров, совещаний и конференций.

Постановлением Думы автономного округа «О Комиссии по противодействию коррупции при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» № 123 от 27 мая 2011 года утвержден состав данной Комиссии в количестве 16 человек. В состав Комиссии вошли руководители Думы, депутаты – руководители комитетов и начальники управлений аппарата Думы. Возглавляет Комиссию Председатель Думы.

Комиссией в соответствии с планом работы Комиссии по противодействию коррупции при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры постоянно проводились следующие мероприятия:

- 1) осуществление антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, поступивших в Думу Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;

- 2) подготовка изменений в действующие нормативные правовые акты автономного округа по совершенствованию правового регулирования противодействия коррупции в соответствии с изменениями, вносимыми в федеральное законодательство;

- 3) взаимодействие Комиссии с правоохранительными и иными государственными органами в рамках ранее заключенных Думой автономного округа соответствующих соглашений, с Общественной палатой автономного округа и общественными советами по реализации антикоррупционных задач;

4) принятие мер, направленных на привлечение государственных гражданских служащих, работающих в Думе автономного округа, а также граждан к активному участию в противодействии коррупции, на формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению;

5) оптимизация и конкретизация полномочий структурных подразделений аппарата Думы автономного округа путем принятия соответствующих должностных регламентов;

6) контроль за приведением положений о структурных подразделениях аппарата Думы автономного округа и должностных регламентов их сотрудников в соответствие с федеральным законодательством и законодательством автономного округа в сфере государственной гражданской службы.

В целях содействия средствам массовой информации по вопросам освещения ими мероприятий по противодействию коррупции, в том числе освещения выступлений депутатов Думы автономного округа по данному вопросу, производится размещение на сайте Думы автономного округа информации, связанной с принятием мер по противодействию коррупции.

Для повышения эффективности механизмов урегулирования конфликта интересов, между государственных гражданских служащих Думы автономного округа проводится обеспечение действенного функционирования Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих Думы ХМАО и урегулированию конфликта интересов путем:

1) анализа представленных государственными гражданскими служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера;

2) принятия мер при выявлении неполных либо недостоверных сведений;

3) размещения сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера государственных гражданских служащих и членов их семей на официальном сайте;

4) разъяснение норм законодательства о необходимости передачи в доверительное управление принадлежащих государственным гражданским служащим ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций).

В рамках взаимодействия Думы автономного округа с гражданами, в том числе по вопросам противодействия коррупции, проводится осуществление приема граждан должностными лицами и депутатами Думы, обеспечение доступа граждан к информации о деятельности Думы. Кроме того, средствами массовой информации создаются условия для освещения заседаний Думы, ее комитетов, депутатских фракций (проведение пресс-конференций депутатов окружной Думы); ежедневное размещение

на официальном веб-сайте Думы автономного округа новостной ленты; трансляция заседаний Думы автономного округа на сайте окружной Думы); создание единой виртуальной сети для передачи данных для работы депутатов окружной Думы автономного округа и депутатских приемных с информационными ресурсами окружной Думы.

На заседаниях Комиссии в соответствии с планом работы Комиссии по противодействию коррупции при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2012-2013 годы рассматривались следующие основные вопросы:

– об итогах проведения конференции на тему «Правовые основы и практика противодействия коррупции на муниципальном уровне»;

– о мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 13.03.2012 г. № 297 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012-2013 гг. и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции»;

– об итогах совещания контрольно-счетных органов муниципальных образований автономного округа и Счетной палаты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с целью утверждения положения о совете органов внешнего финансового контроля автономного округа и органов управления советом;

– о внесении изменений в Положение о Комиссии по противодействию коррупции при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;

– о результатах деятельности и мерах по повышению эффективности комиссии по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих в Думе автономного округа и урегулированию конфликта интересов

– о внедрении электронного документооборота в Думе автономного округа;

– об итогах проведения заседания круглого стола «Роль и участие институтов гражданского общества, молодежных организаций и объединений в противодействии коррупции в автономном округе»;

– о взаимодействии Счетной палаты Ханты-Мансийского автономного округа – Югры с правоохранительными органами;

– о разработке и внедрении современных механизмов противодействия коррупции на муниципальном уровне;

– о проведении мероприятий, направленных на реализацию Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»;

– об итогах проведения совместно с Общественной палатой Ханты-Мансийского автономного округа – Югры круглого стола на тему «Формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупционному поведению»;

– об итогах проведения конференции на тему «Формирование антикоррупционного поведения среди молодежи» при участии Молодежной палаты при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры;

– о деятельности Совета органов внешнего финансового контроля Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В первом квартале 2012 года было подготовлено и подписано новое соглашение между Думой автономного округа и Управлением Министерства внутренних дел по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре по реализации программ противодействия коррупции.

Во втором квартале 2012 года подписаны соглашения между Думой автономного округа и прокуратурой Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре по реализации антикоррупционного законодательства автономного округа.

В ноябре 2013 года было подписано дополнительное соглашение № 1 между Думой автономного округа и Управлением Министерства юстиции Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре в сфере обеспечения единства правового пространства на территории Ханты-Мансийского автономного округа.

В Думе округа постоянно осуществляется антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов, поступающих в Думу Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, за 2011 г. было проведено 183 экспертизы, за 2012 г. – 158, за 2013 г. – 254 экспертизы.

В Думе автономного округа организована горячая телефонная линия, а в фойе первого этажа находится почтовый ящик для письменных обращений избирателей и населения автономного округа по фактам коррупционной направленности.

На заседании Координационного совета по взаимодействию с органами представительных органов местного самоуправления муниципальных образований округа и Думы автономного округа пятого созыва 6 октября 2011 г. в г. Белоярский был рассмотрен вопрос «Об опыте работы администрации муниципального образования Белоярский район по реализации программ противодействия коррупции».

Состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Правовые основы и практика противодействия коррупции на муниципальном уровне» (14.02.2012 г.). Основная цель конференции – это выявление, анализ и систематизация, определение основных направлений и путей их решения, а также обобщение и систематизация опыта решения этих задач в свете требований, поставленных Президентом РФ в вопросах теории и практики противодействия коррупции на муниципальном уровне.

По итогам работы конференции сформулированы рекомендации в области противодействия коррупции, и с учетом требований федерального и регионального законодательства был разработан Югорский стандарт оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сфере противодействия коррупции, включающий в себя перечень мероприятий, связанных:

- с нормативно-правовым обеспечением противодействия коррупции;
- с организацией антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов;
- с деятельностью координационных органов в сфере противодействия коррупции;
- с внедрением в деятельность органов местного самоуправления антикоррупционных механизмов и стандартов;
- с реализацией законодательства о муниципальной службе, в том числе по обеспечению соблюдения требований к служебному поведению, ограничений и запретов;
- с организацией планирования антикоррупционной деятельности органов местного самоуправления;
- с информационно-пропагандистской работой, взаимодействием с институтами гражданского общества, средствами массовой информации, мониторингом общественного мнения населения по вопросам противодействия коррупции.

Указанный стандарт рекомендован органам местного самоуправления для руководства им при организации работы в области противодействия коррупции.

Думой автономного округа было проведено заседание круглого стола на тему «Роль и участие институтов гражданского общества, молодежных организаций и объединений в противодействии коррупции в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (23.10.2012 г.). Рекомендации круглого стола размещены на сайте Думы автономного округа, кроме того, вышел сборник материалов круглого стола, который разослан участникам, главам и руководителям администраций муниципальных образований.

Подписано соглашение между Думой автономного округа, администрацией города Сургута и Межотраслевым институтом коммунальных стратегий о взаимодействии в целях разработки и внедрения современных механизмов противодействия коррупции на муниципальном уровне (ноябрь 2012 г.).

Для обеспечения участников необходимыми исходными данными для практической работы по разработке антикоррупционных программ (планов) Межотраслевой институт коммунальных стратегий (г. Москва) по

заказу Думы автономного округа провел социологическое исследование «Диагностика проблемы коррупции в городе Сургуте» (январь-февраль 2013 г.).

Целями социологического исследования являлись оценка уровня, потенциала и причин коррупции, выявление особо важных зон с точки зрения противодействия коррупции, определение возможных направлений противодействия и уровня поддержки антикоррупционных программ (планов) в городе. По итогам исследования институт подготовил методику разработки муниципальных программ (планов) противодействия коррупции на примере города Сургута. Были определены цели и задачи программы по подготовке методики разработки муниципальных программ противодействия коррупции на примере города Сургута, которая была обсуждена на окружном семинаре-тренинге (27.02-01.03.2013 г.).

По итогам социологического исследования и семинара администрация города Сургута внесла изменения в план работы межведомственного совета при главе города по противодействию коррупции на 2013 год, в дальнейшем планирует итоги исследования учитывать при разработке планов на последующие годы.

Муниципальные образования город Нижневартовск и Советский район внесли изменения в планы работы Межведомственного совета при главе муниципального образования по противодействию коррупции на 2013 год и планируют провести подобные социологические исследования.

Полученный в ходе семинара опыт был полезен его участникам при разработке программ противодействия коррупции на местах. Коллективная работа представителей разных муниципалитетов и органов государственной власти позволила также обменяться существующими наработками и наладить рабочие контакты для последующего обмена опытом.

Итогом проведенного семинара-тренинга должны стать разработка, принятие в муниципальных образованиях автономного округа программ (планов), внедрение современных механизмов противодействия коррупции на муниципальном уровне и, как результат, изменение отношения граждан к коррупции, создание обстановки общественного неприятия коррупционной практики.

В ходе семинара-тренинга теоретические занятия и деловые игры сочетались с практической работой по разработке муниципальной программы противодействия коррупции для города Сургута.

Необходимо отметить несомненную важность проведенного Комиссией семинара-тренинга в городе Сургуте с целью распространения передовой практики противодействия коррупции для лиц, ответственных за реализацию антикоррупционной политики в муниципальных образованиях автономного округа.

Комиссией совместно с Общественной палатой проведен круглый стол на тему «Формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупционному поведению» (28.06.2013 г.).

Цель круглого стола – использование потенциала общественных организаций в борьбе с коррупцией; создание открытого канала обратной связи по обсуждению участия общественных организаций в реализации антикоррупционной программы на муниципальном и региональном уровнях.

На круглом столе были затронуты вопросы, касающиеся духовно-нравственного и гражданского воспитания подрастающего поколения, являющегося залогом будущего прогрессивного развития округа и сохранения общественной стабильности.

В целях дальнейшего совершенствования деятельности органов местного самоуправления в области профилактики, предупреждения и противодействия коррупции органам местного самоуправления муниципальных образований, общественным организациям участники круглого стола рекомендуют:

- изучить и использовать передовой опыт противодействия коррупции муниципальных образований субъектов Российской Федерации;
- при подготовке муниципальных программ противодействия коррупции проводить исследование проблемы (по возможности – с привлечением социологических служб), позволяющее определить специфические для конкретного муниципального образования цели и задачи программы, выявить ресурсы поддержки среди населения, установить контрольные показатели для оценки эффективности программ;
- использовать опыт создания в муниципальных образованиях комиссий по противодействию коррупции, руководителями которых являются представители общественности, а не должностные лица органов местного самоуправления;
- организовать контроль за выполнением мероприятий, предусмотренных планами по противодействию коррупции;
- обеспечить своевременную корректировку планов в соответствии с национальным планом противодействия коррупции на предстоящий период;
- принять программы широкого информирования общественности через средства массовой информации о мерах по противодействию коррупции и формированию среди жителей критического отношения к фактам бытовой коррупции;
- размещать тексты проектов правовых актов на своих официальных сайтах в сети Интернет с указанием дат начала и окончания приема заключений по результатам независимой антикоррупционной экспертизы;
- проводить в средствах массовой информации информационные кампании антикоррупционной направленности.

В целях продолжения диалога молодежи с представителями органов государственной власти, общественных организаций, создания открытого канала обратной связи по обсуждению вопроса участия молодежи и общественных организаций в реализации антикоррупционной программы на муниципальном и региональном уровнях Дума автономного округа совместно с Молодежной палатой (Молодежным парламентом) при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры провели конференцию на тему «Формирование антикоррупционного поведения среди молодежи» (13–14.11.2013 г.) на базе Нижневартовского филиала Южно-Уральского государственного университета.

Основная цель конференции – выявление, систематизация и анализ проблем при организации правового воспитания и формирования у молодых югорчан системы ценностей, исключающей коррупционное поведение, а также обобщение и систематизация опыта этой работы.

Следует отметить, что в ХМАО молодежь в возрасте от 14 до 30 лет составляет более четверти от общей численности населения (27,5% по данным за 2011 г.), т.е. буквально через несколько лет нынешней молодежи будет принадлежать значительная роль не только в экономике, но и в управлении. От того, какие общественные ценности и нравственные ориентиры станут определяющими для молодых людей сегодня, будут зависеть наши завтрашние достижения, в том числе результаты развернутой антикоррупционной кампании.

Основными задачами конференции являлись:

1. Определение проблем и конкретизация задач при формировании единых подходов к организации антикоррупционного воспитания в образовательных организациях, а также комплекса знаний, обеспечивающих в коррупциогенных ситуациях поведение, соответствующее правовым и морально-этическим нормам.

2. Обобщение опыта совместной работы по повышению качества и эффективности антикоррупционной политики органов местного самоуправления муниципальных образований в сфере образования.

3. Определение перспектив использования новых форм и методов антикоррупционного воспитания в образовательных организациях. Проектирование и описание различных форм антикоррупционного просвещения школьников (практикумы, игры, интернет-уроки, дискуссии и т.п.).

4. Выявление роли, места и ответственности органов местного самоуправления муниципальных образований в поддержке формирования системы антикоррупционного просвещения и воспитания юных жителей округа, внедрения такой системы в программы образовательных организаций.

5. Обобщение опыта разработки муниципальных программ (планов) противодействия коррупции, включающих мероприятия по правовому воспитанию молодого поколения с антикоррупционной составляющей.

Для обеспечения участников конференции необходимыми исходными данными для практической работы по разработке антикоррупционных планов Московский межотраслевой институт коммунальных стратегий по заказу Думы автономного округа провел социологическое исследование «Диагностика проблемы коррупции в молодежной среде города Нижневартовска» (октябрь-ноябрь 2013 г.).

Как показали результаты исследования, уровень терпимости жителей города Нижневартовска к проявлениям коррупции выше среднего уровня по стране, особенно среди учащихся и молодежи. Ключевая роль в реализации Национального плана борьбы с коррупцией принадлежит молодежи и сегодняшним школьникам, так как в ближайшей перспективе именно они будут являться наиболее активной, амбициозной и трудоспособной частью населения.

Также в рамках конференции на двух площадках в Нижневартовском государственном университете и Нижневартовском филиале Южно-Уральского государственного университета прошли установочные заседания межвузовского дискуссионного клуба «Нижневартовск – нулевая терпимость к коррупции» в виде деловых игр, представление сценариев антикоррупционных роликов, выступления экспертов – оценка представленных материалов. По итогам конкурса были награждены победители дипломами трех степеней. Прошла презентация учебно-методического пособия к курсу обществоведения «Противодействие коррупции», изданного центром гражданского образования Псковского областного института повышения квалификации работников образования.

По итогам работы конференции были выработаны следующие рекомендации:

1) рассмотреть вопрос о доработке и выпуске новой редакции (с учетом специфики автономного округа) учебно-методического пособия для школьников по курсу противодействия коррупции «Противодействие коррупции: Учебно-методическое пособие»;

2) провести окружной конкурс пропагандистских материалов антикоррупционной направленности, ставя целью вовлечения в подготовку пропагандистских материалов максимально широкого круга молодых жителей округа;

3) рассмотреть вопрос о разработке и издании просветительских антикоррупционных материалов, в том числе по теме профилактики конфликта интересов, содержащих информацию, способную заинтересовать молодежную аудиторию;

4) разработать комплекс мер для поддержки общественных молодежных инициатив по противодействию коррупции;

5) продолжить проведение среди студентов и молодых преподавателей вузов конкурса методических работ и научных исследований в сфере

государственного и муниципального управления, антикоррупционной экспертизы, практики госзаказа и тому подобного с целью расширения круга участников данного конкурса, привлечения к участию в нем молодежи из различных муниципальных образований автономного округа;

б) создать механизмы стимулирования участия молодежи в практической антикоррупционной работе по проведению независимой антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов, подготовке оценки регулирующего воздействия (совместно с торгово-промышленной палатой округа и объединениями предпринимателей), по обсуждению планов государственных и муниципальных закупок (в соответствии с новациями ФЗ-44).

Органам местного самоуправления муниципальных образований автономного округа также были даны рекомендации по рассмотрению вопроса о внедрении антикоррупционного курса в рамках предмета общественно-образовательных организациях и организациях среднего специального образования, по организации круглых столов (семинаров, тренингов) в целях обсуждения кодекса этики педагога, включая вопросы профилактики конфликта интересов, в рамках ведомственных программ противодействия коррупции.

Участники конференции отметили её удачный формат, гармоничное сочетание выступлений ученых, экспертов, работу в группах и деловые игры, которые способствовали более глубокому пониманию природы и сущности такого многогранного явления, как коррупция. Так, в молодежной среде выявились различные подходы к пониманию коррупции. И если относительно взяток, например, таких расхождений не было, то для того, чтобы понять, что подарки врачам или педагогам – это бытовая коррупция, некоторым участникам конференции потребовались дополнительные интеллектуальные усилия. Интересным фактом является также мнение некоторых взрослых о том, что благодарность за оказанные государственные или муниципальные услуги – вовсе не коррупция.

На основе опыта проведения региональной конференции молодые парламентарии из Молодежной палаты (Молодежного парламента) при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры предложили проводить подобные мероприятия на межрегиональном уровне, а также организовать серию встреч участников образовательного проекта «УДАР» с молодежным сообществом. Во время встреч финалисты окружного проекта смогут рассказать о работе власти изнутри, дать молодым людям более полное представление о муниципальных и региональных властных структурах, так как малая информированность в этой сфере также является одной из предпосылок проявления коррупции. Еще одно предложение молодых политиков – провести конкурс видеороликов-демотиваторов коррупционного поведения молодежи и их дальнейшее распространение через социальные сети.

В заключение отметим, что Комиссией по противодействию коррупции при Думе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры проводились различные мероприятия по вопросам антикоррупционной деятельности на территории Ханты-Мансийского автономного округа. Также немаловажно, что молодежная политика занимает существенное место в деятельности органов власти автономного округа и муниципальных образований. Учитывая большой опыт и заметные успехи в решении молодежных проблем, можно ставить амбициозную задачу – стать площадкой передового опыта в реализации конкретных программ воспитания антикоррупционного поведения молодых югорчан. Некоторые наработки в этом направлении у нас имеются. Есть положительная практика в других регионах, нам нужно не только использовать ее, но и по возможности развивать.

Литература

1. Противодействие коррупции: Понятия «коррупция» и «противодействие коррупции». Основные принципы противодействия коррупции. URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/corruption3/> (дата обращения: 10.02.2014).
2. Кальман А.Г. Проблемы противодействия коррупции в сфере экономической деятельности. URL: Режим доступа: <http://law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1225141> (дата обращения: 05.04.2014).
3. Чуманов А.В. Правовая политика в сфере противодействия коррупции в России (вопросы теории и истории): дисс.. канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. URL: <http://www.dslib.net/teoria-prava/pravovaja-politika-v-sfere-protivodejstva-korrupcii-v-rossii.html> (дата обращения: 05.02.2014).
4. Павленко О.В. Противодействие коррупции: реальные и формальные подходы // Юридическая наука и правоохранительная практика. URL: <http://anatolysidorov.ru/korrupsiya.html> (дата обращения: 05.02.2014).

Проблемы ведения домашнего оленеводства на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района

О.В. Лобанова

*Научно-исследовательский институт сельского хозяйства
Крайнего Севера РАН, Норильск*

Аннотация. В статье дана характеристика Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района, рассмотрены основные проблемы оленеводческих хозяйств, осуществляющих свою деятельность на территории, а также предложены организационно-экономические механизмы их решения.

Ключевые слова: Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район, оленеводство, оленеводческие хозяйства.

Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район расположен на севере Красноярского края на территории п-ва Таймыр. Здесь на сотни километров раскинулась тундра, где практически полностью отсутствует цивилизация, слабо развита транспортная инфраструктура, и в некоторые труднодоступные районы можно добраться только на вертолетах. В поселках имеются школы, больницы, магазины, почта, но для коренных народов Севера, занимающихся оленеводством, рыбным промыслом и промыслом дикого северного оленя и находящихся в тундре за сотни километров от поселков, получить медицинскую помощь проблематично. Данная территория находится за северным полярным кругом, где климат характерен для субарктической зоны. Зимой и в переходный период велика опасность обморожения, требуется повышенный расход запасов энергии. В этих условиях коренные народы Таймыра: ненцы, нганасаны, энцы, долганы занимаются сельскохозяйственным производством – оленеводством. Оленеводство создает сферу приложения исторически сложившихся навыков, обеспечивает условия для сохранения самобытной культуры и является основным источником существования коренных народов. Домашний северный олень является источником высококачественной продукции: мяса, субпродуктов, пантов, шкур, а также основным элементом в разрешении животноводческо-продовольственной проблемы коренных жителей сельских районов Крайнего Севера и дополнительным для северного населения близлежащих городов Норильск и Дудинка и прилегающих присеверных областей.

Численность постоянного населения в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе, по данным Федеральной службы государственной статистики, составляет на 1 января 2013 года 34053 человек, из них коренных малочисленных народов Севера 10132 человек (29,5% от общей численности) Согласно официальной информации, 388 человек являются постоянными работниками в оленеводческих хозяйствах.

В настоящее время на территории Таймырского промрайона (ТМР) сосредоточено более 70 тыс. голов домашнего северного оленя, что составляет около 5% к общероссийскому поголовью. Муниципальный район представлен 2 городскими поселениями: Дудинка и Диксон и 2 сельскими поселениями: Хатанга и Караул. Основное количество оленей сосредоточено на территории Сельского поселения Караул, население которого в большинстве своем составляют ненцы – народ, исторически связанный с домашним оленеводством. Здесь оленеводство представлено 2 оленеводческими сельскохозяйственными производственными кооперативами (ОСПК) «Яра-Танама» и «Сузун» и 2 крестьянско-фермерскими хозяйствами (КФХ), не

входящими в состав кооперативов. В кооперативах, состоящих из бригад, сосредоточено более 90% всех оленей на территории. Каждая бригада является крестьянско-фермерским хозяйством, семейно-родовой общиной или индивидуальным предпринимателем и выпасает стадо, в котором количество оленей колеблется от 1 до 5 тыс. Объединение разрозненных бригад в кооперативы произошло в 2007 году в связи с необходимостью регулирования пастбищеоборота по сезонам года, чтобы способствовать лучшей упитанности оленей, и централизованного получения субсидий от государства. Еще А.В. Чаянов сформулировал теорию «дифференциальных оптимумов», сущность которой состоит в том, что для каждой отрасли сельскохозяйственного предприятия характерен свой оптимум размеров по средствам производства, трудовым ресурсам и т.д., что трудно было достигнуть в отдельном хозяйстве, а при объединении указанных ресурсов можно получить их оптимальное сочетание [1].

Но вместе с тем, хозяйства на территории связаны между собой в большей степени природно-биологическим ресурсом (пастбищами), а не организационно-экономическими механизмами. Основные показатели производителей оленеводческой продукции представлены в таблице 1.

Таблица 1

Основные экономические показатели деятельности оленеводческих хозяйств на 01.01.2013 г.

Наименование хозяйства	ОСПК «Яра-Танама»	ОСПК «Сузун»	ИП-глава КФХ Сабельфельд Е.В	ИП - глава КФХ Илькив Л.Б.	Всего
Всего оленей, гол.	37958	28919	1035	2899	70811
Реализовано на убой, гол.	29	23	250	454	756
Живой вес, ц	19	16	147	461,2	643,2

Как видно из представленной таблицы, крупные кооперативы, имеющие в наличии большое стадо оленей, предпочитают его сохранять, поскольку они получают дотацию на каждую голову оленя, а убой и продажа оленины им менее выгодна в связи с отсутствием развитой инфраструктуры сбыта (отсутствуют приемо-сдаточные пункты, фактории). Для мелких хозяйств (ИП – глава КФХ Сабельфельд Е.В. и ИП – глава КФХ Илькив Л.Б.), наоборот, характерен убой оленей на мясо, т.к. этим хозяйствам необходим источник дохода, учитывая тот факт, что осуществляется господдержка на 1 кг реализованной продукции (мяса, мясопродуктов) оленины. Вместе с тем,

возникают сомнения в достоверности предоставленных данных: крестьянско-фермерские хозяйства могут сдавать мясо дикого северного оленя, выдавая его за домашнего. На это указывает тот факт, что при убое такого количества оленей из стада (20-25%) дальнейшее воспроизводство и сохранение стада становится проблематичным. Таким образом, необходим контроль и анализ достоверности предоставляемых данных. По-нашему мнению, этим хозяйствам было бы целесообразно объединиться с ОСПК «Яра-Танама», находящимся на одной территории, т.к. в крупных хозяйствах достигается более высокая экономическая эффективность по сравнению с мелкими в связи с возможностью внедрить промышленную переработку оленеводческой продукции.

На территории муниципального района в целях поддержки сельскохозяйственных производителей, ведущих традиционный образ жизни и традиционные виды хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера, предоставляются субсидии на компенсацию части затрат на содержание поголовья домашних оленей: каждое хозяйство получает 260 рублей на оленя из федерального бюджета на поддержку домашнего оленеводства в рамках национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» и столько же из краевого бюджета в рамках долгосрочной целевой программы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Красноярском крае на 2010-2012 годы» (табл. 2).

Таблица 2

**Субсидии, полученные оленеводческими хозяйствами
на 01.01.2013 г.**

Наименование хозяйства	ОСПК «Яра-Танама»	ОСПК «Сузун»	ИП – глава КФХ Сабельфельд Е.В.	ИП – глава КФХ Илькив Л.Б.	Всего
Субсидии на содержание поголовья домашних северных оленей, тыс. руб.	19738,16	15037,88	538,2	1507,48	36821,72
в т.ч. из краевого бюджета, тыс. руб.	9869,08	7518,94	269,1	753,74	18410,86
из федерального бюджета, тыс. руб.	9869,08	7518,94	269,1	753,74	18410,86

Таким образом, проводимая государственная политика сводится, в основном, к выплате дотаций на поголовье домашнего оленя, то есть выполняет этносохраняющие функции. Кроме того, нельзя не отметить, что многие оленеводы находятся за чертой бедности в связи с тем, что производство оленьих низкорентабельно, с учетом господдержки рентабельность производства оленьих в ОСПК «Яра-Танама» на 1 января 2013 г. равна 3,5%.

Согласно отчетам о численности и заработной плате работников организации, мы вывели среднюю заработную плату работников оленеводства (табл. 3).

Таблица 3

**Средняя заработная плата работников оленеводства
за 2010-2012 гг.**

Наименование хозяйства	2012	2011	2010
ОСПК «Яра-Танама», тыс. руб.	72,7	75,1	76,8
ОСПК «Сузун», тыс. руб.	96,0	75,7	92,1

Таким образом, средняя ежемесячная заработная плата работника, занятого в оленеводстве, составляет порядка 6-8 тыс. руб. Вместе с тем, для примера, в 2012 году МРОТ для районов Крайнего Севера Красноярского края составил 8279 рублей. Именно из-за низкой эффективности оленеводческих хозяйств оленеводы живут за чертой бедности.

Казалось бы, для того, чтобы увеличить прибыльность оленеводческих хозяйств, необходимо реализовывать мясо оленя, тем более, что на него имеется большой спрос среди перерабатывающих предприятий. Но здесь существуют следующие проблемы:

1. Отсутствие централизованных пунктов приемки, хранения и транспортировки продукции (факторий).

2. Сложности с вывозом продукции потребителю из-за погодных климатических условий, отражающихся на наличии регулярного транспорта, в результате чего оленья продукция может находиться у производителей дольше положенного срока.

3. Отсутствие хозяйственно-договорных отношений между производителями и закупщиками, что создает неопределенность в количестве и сроках закупаемой продукции.

4. Высокие транспортные затраты.

Учитывая также плохо развитую систему ветеринарного контроля и несоблюдение технологии убоя и обработки туш после убоя, отсутствие холодильного оборудования, мясо, которое в дальнейшем реализуется по закупочной цене, часто имеет ненадлежащее качество, вследствие чего снижается закупочная цена, и хозяйствам производить убой становится невыгодно.

В настоящий момент нерешенной остается экологическая проблема на территории, в результате чего происходит деградация оленьих пастбищ и лишайников, составляющих основу зимнего рациона северных оленей. Этому способствуют выбросы в атмосферу предприятия ЗФ ОАО ГМК «Норильский никель» металлургической пыли, окислов тяжелых металлов и сернистого ангидрида. Также деградации оленьих пастбищ способствует работа поисковых геологических партий и использования гусеничного транспорта ОАО «Таймыргаз». Вместе с тем, нет законов и нормативных актов, предусматривающих возмещение оленеводческим хозяйствам причиненного ущерба. Для решения этой задачи необходима разработка комплекса природоохранных мероприятий, включающих развернутый экологический мониторинг в районе выбросов вредных веществ в атмосферу, уточнение норм предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в воздушных выбросах и сточных водах, инвентаризацию нарушенных земель в местах поисковых работ геологических партий. Для ЗФ ОАО «ГМК «Норильский никель» и ОАО «Таймыргаз» установить размеры отчислений в местный бюджет за нанесенный ущерб биологическим ресурсам, за разработку минеральных ресурсов и изъятие земель под новое промышленное строительство. Также установить размеры денежных штрафов при невыполнении правил природопользования с возмещением ущерба в местный бюджет.

Значительным фактором, увеличивающим себестоимость продукции, являются сложные транспортно-логистические схемы. Эта проблема заслуживает серьезного внимания, и без государственной поддержки ее не решить. С января 2013 года вступил в силу Закон Красноярского края «О государственной поддержке северного оленеводства в Красноярском крае», где среди прочих, предусматривается и реализация долгосрочных целевых программ на развитие системы сбыта продукции северного оленеводства. Необходимо решить вопрос о компенсации части транспортных затрат, связанных со сбытом продукции в рамках целевой долгосрочной программы за счет средств краевого бюджета. А это потребует доработки федерального законодательства, включающей обоснование критериев отбора лиц на получение субсидий, нормативов ставки субсидий на возмещение транспортных затрат и т.д. Условия реализации этих критериев должны быть основаны на принципах общедоступности, прозрачности и обоснованности.

Выходом из данной ситуации, по нашему мнению, может явиться внедрение промышленной переработки продукции и вторичного сырья. Для этого кооперативам следует объединиться в торгово-производственную ассоциацию с привлечением средств внешних инвесторов и администрации края. В этом случае кооперативы могут получить централизованную финансовую поддержку. На основе софинансирования в рамках частно-государственного

партнерства средства краевого бюджета и компенсационные выплаты, поступившие в местные бюджеты, могли бы стать основой для реализации инвестиционных проектов по развитию переработки оленеводческой продукции [2].

На основании вышеизложенного для дальнейшего развития отрасли необходимы следующие действия:

1. Объединение кооперативов в единую организационно-хозяйственную систему с привлечением государственных средств и средств частных инвесторов для создания ассоциации по переработке и сбыту оленеводческой продукции.

2. Отработка эффективности (с наименьшим коэффициентом потерь) используемых транспортно-логистических схем для доведения продукта до потребителя.

3. Усовершенствование своевременного учета оленьих пастбищ, поголовья домашних северных оленей в разрезе хозяйств на принципах достоверности, на основе унифицированных форм.

4. Развитие системы качественного ветобслуживания (своевременное проведение диагностических и профилактических мероприятий, эффективное лечение больных животных).

5. Организация и оборудование централизованных пунктов приемки, хранения и транспортировки продукции (факторий).

6. Выделение субсидий сельскохозяйственным производителям на компенсацию части затрат на оплату потребленных энергоресурсов (электроэнергия, ГСМ, уголь) в пределах установленных норм, связанных с переработкой, сбытом, хранением продукции северного оленеводства.

Таким образом, в связи с тем, что основным источником доходов оленеводов является домашнее оленеводство, и с поднятием его рентабельности соответственно увеличатся доходы работников, занятых в отрасли, необходимо решить проблемы, сложившиеся на сегодняшний день в традиционной отрасли народов Таймыра. Для этого необходим комплекс мер, направленный на повышение эффективности функционирования отрасли на основе предложенных организационно-экономических механизмов с привлечением средств государства и частных инвесторов.

Литература

1. Чаянов А.В. О сельскохозяйственной кооперации [Текст] / А.В. Чаянов. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1989. – 176 с.
2. Гриценко Г.М. Совершенствование стратегии развития АПК муниципального района: Методические рекомендации [Текст] / Г.М. Гриценко, О.В. Борисова, А.В. Миненко, Д.В. Борисов / ГНУ СибНИИЭСХ Россельхозакадемии. – Барнаул, 2010. – 79 с.

Коренные народы Севера в условиях перемен¹

А.А. Максимов, кандидат экономических наук

*Институт социально-экономических и энергетических проблем
Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар*

Аннотация. Социально-экономическое неблагополучие коренных народов Севера коренится в предшествующей политике доминирования и ассимиляции. Дан краткий анализ опыта обновления отношений с народами зарубежного Севера. Аргументируется, что ключевые факторы социально-экономического развития коренных народов наряду с закреплением земель традиционного природопользования предусматривают выделение территорий их компактного проживания и численного преобладания, формирование экономических и политических структур этих территорий.

Ключевые слова: коренные народы Севера, самоуправление, самоорганизация.

Всероссийские переписи 2002 и 2010 гг. выявили высокие темпы ассимиляции коми. В Республике Коми по отношению к 1989 г. численность коми уменьшилась на 31%. Это значительно утвердило позиции тех, кто считает, что ассимиляция коренного народа Республики – это положительное явление, поскольку является добровольным выбором самих коми. Явление культурного суицида коми народа до сих пор продолжает считаться прогрессивным среди гуманитариев Республики, а также в среде специалистов министерства национальной политики региона, в том числе коми по происхождению.

Автор уже аргументировал [1], что ассимиляция, характерная для коренных народов Севера России, является результатом государственной политики доминирования и ассимиляции, которая представляет собой неотъемлемую часть политики колонизации территории и освоения ее ресурсов. В свою очередь политика доминирования и ассимиляция характерны для всех государств на определенном этапе освоения новых территорий. Не удивительно, что еще в середине XX столетия в отношении коренных народов зарубежного Севера (Аляски, север Канады и стран Скандинавии) среди ученых и в обществе бытовало мнение об их скором исчезновении под влиянием ассимиляции

и высокой смертности. За рубежом также считали, что ассимиляция необходима самим коренным народам: только растворившись в обществе переселенцев, коренные жители могут стать такими же успешными в жизни. В качестве альтернативы защитники коренных народов предлагали следующий принцип: государство через свои структуры должно защищать традиционный (архаичный) уклад жизни аборигенов Севера в местах их проживания (национальных деревнях) и повышать уровень их жизни в рамках политики патернализма. В реальной жизни политика доминирования и ассимиляции проводила обе эти линии в жизнь, то есть стимулировала ассимиляцию и внедряла патернализм в отношении коренных жителей, занятых в традиционных сферах экономики.

Настоящий доклад посвящен демонстрации примеров нового подхода к коренным народам зарубежного Севера, основанного на информированном и осознанном их участии в процессе перемен. Предлагается внедрение ключевых элементов зарубежного опыта на российском Севере, так как в основе этих подходов находятся общечеловеческие принципы справедливости и милосердия, а также методы структурирования экономики и общественной жизни коренных народов в соответствии с реалиями рыночной экономики в условиях модернизации и инновационного развития.

Основные элементы политики доминирования и ассимиляции описаны в таблице 1.

Теряя контроль над землей и ресурсами, коренные народы лишались возможности защитить свою культуру, достигнуть равенства с некоренным населением по вкладу в экономику и по уровню благосостояния. Их уделом не только в национальных поселках, но и в городах, становились более высокие показатели бедности, безработицы, низкого уровня образования и уровня жизни. Бедность, зависимость от внешних политических решений и экономической помощи, расистские отношения привели к развитию психических и инфекционных заболеваний среди коренных жителей, а также «социальных» болезней (алкоголизм, суицид, насилие в семье)².

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 12-32-06001 «Российская Арктика: современная парадигма развития».

² Исследования в Республике Коми показывают, что в сельских поселениях и районах с ростом доли коми населения уменьшаются уровень занятости и доходов. В селах и деревнях с преобладанием коми совокупные душевые доходы половины домохозяйств не превышают прожиточного минимума, а до 20% семей относятся к крайне бедным. Уровень фактической безработицы выше 30%. Высока смертность коми в молодых возрастных группах. Коэффициент смертности коми в возрасте от 15 до 30 лет в три раза выше, чем в городах. Среди сельских жителей также в 3 раза выше смертность коми от самоубийств и превышает 100 чел. на 100000. Продолжительность жизни коми мужчин на селе находится на уровне 55 лет.

Таблица 1

Основные направления политики доминирования ассимиляции

Направление	Содержание
Коренные народы лишаются земель и ресурсов	Для сельскохозяйственного и промышленного развития привлекаются переселенцы. Они получают монопольный доступ к лесным, минеральным и энергетическим ресурсам, добиваются права на рыболовные и охотничьи угодья, доминируют в торговле пушниной, продукцией рыболовства и оленеводства. В любой момент земли традиционного природопользования могут быть изъяты правительством для промышленных или сельскохозяйственных нужд под предлогом блага самих аборигенов или ради национальных интересов.
Самоуправление заменяется политикой патернализма	Экономика и социальная сфера национальных поселений (территорий компактного проживания коренных жителей) становятся объектами государственного регулирования, а интересы коренных жителей берутся представлять и защищать специальные государственные службы.
Принимаются меры, разрушительные для аборигенных культур	СМИ и система образования пропагандируют ценности доминирующего общества. Дети коренных жителей обучаются в смешанных школах и школах-интернатах, где использование родного языка считается постыдным, а особенности речи или поведения высмеиваются.
Идеология оправдывает политическое, экономическое и культурное доминирование над коренными народами	В соответствии с доктриной ассимиляции или «теорией колонизаторов» [1] преимущества и выгоды, приобретаемые некоренными жителями от использования ресурсов новых земель, представляются как бремя, которое они несут ради экономического и социального прогресса. В то же время, уделом аборигенных народов считается архаичный уклад жизни. Даже гуманные с первого взгляда идеи о «самоценности» аборигенных народов и культур и необходимости их защиты на деле унижают коренных жителей и воспитывают расистские предубеждения, поскольку представляют аборигенные общества как особые коллективы, способные лишь к традиционному жизнеобеспечению и не способные к самоорганизации и саморазвитию.

В настоящее время на зарубежном Севере накоплен положительный опыт перемен, направленных на улучшение условий жизни коренного населения. Суть нового подхода – публичное признание властями несправедливости политики ассимиляции, а также признание неотъемлемых прав коренных народов на земли, ресурсы и самоуправление и реализация этих прав частично или путем заключения всеобъемлющих договоров.

Ключевым фактором перемен стала организованная борьба коренных народов Севера за такое экономическое развитие, которое не разрушало бы их сообщества, а укрепляло их самоуправление и способности к экономическому и социальному прогрессу. Эта борьба включала обращение в суды с земельными исками, сбор материалов, обосновывающих право коренных народов жить как коллективы и как нации (со своей землей, структурами власти и властными полномочиями) в рамках федеративного государства.

Демографический фактор определил разнообразие форм (моделей) реализации прав коренных народов на ресурсы и самоуправление: от территориальной автономии с договорными полномочиями по ключевым вопросам экономического и культурного развития автономии до деревенских общин коренных жителей, обладающих правами на ресурсы традиционной экономики [1].

Защита и диверсификация традиционной экономики – первый элемент земельных прав коренных народов Севера.

Право на ресурсы дикой природы означает для коренных жителей возможность пользоваться этими ресурсами, сохранять традиционную культуру и образ жизни, а также диверсифицировать местную экономику, то есть обеспечить местное развитие за счет предпринимательства в сфере туризма, коммерческого использования ресурсов живой природы и дикоросов.

Владельцами соответствующих прав становятся локальные (поселенческие) объединения коренных жителей: деревенские корпорации, организации охотников и рыболовов, оленеводов и т.п.

Соглашения о социальных и экономических выгодах коренных жителей – следующий компонент права на земли и ресурсы.

Договоры по правам на ресурсы поверхности и недр определенной территории означают для коренного народа возможность получить выгоды при реализации добычного проекта на данной территории, связанные с полномочиями собственника (финансовые, контроль в вопросах реализации проекта, защиты окружающей среды, занятости коренных жителей, экономического и социального развития национальных территорий и поселений).

Конкретным инструментом реализации права на подземные ресурсы являются социально-экономические соглашения (СЭС) между коренными народами и промышленными корпорациями (табл. 2).

В рамках земельных соглашений создаются предприятия коренных народов, связанные не только с использованием традиционных ресурсов, но также транспортные и промышленные компании, с целью выполнения основных и вспомогательных функций на планируемых добычных проектах.

Таблица 2

Основные условия социально-экономических соглашений

Условие	Механизмы реализации
Денежные выплаты	Фиксированные выплаты или определяемые в зависимости от стадии добычного проекта.
Участие в акционерном капитале	Община (территориальная общность) владеет пакетом акций совместного предприятия.
Развитие человеческого капитала	Поддержка профессионального обучения для работы в горнорудной или нефтегазовой отрасли.
Занятость	Информирование. Достижение планируемых процентов занятости аборигенов на предприятии.
Развитие аборигенных предприятий для работы в промышленности на условиях аутсорсинга	Заключение соглашений о партнерстве между аборигенными предприятиями и промышленной корпорацией.
Социальная и культурная поддержка	Развитие инфраструктуры поселения, поддержка общинных проектов.
Охрана окружающей среды	Компенсации ущерба всякого рода. Особые правила рыболовства и охоты для работников компании.
Другие условия	Отчетность компании, создание специального комитета с определенным кругом полномочий.

Аборигенные жители становятся инвесторами добычных проектов.

Уникальным примером участия коренных народов в нефтегазовом проекте является «Объединение коренных народов по строительству и эксплуатации газопровода» (ОКНГ), которое было создано в 2000 г. и призвано

выражать интересы коренных народов Северо-Западных территорий Канады в контексте проекта строительства газопровода в долине р. Маккензи, которое началось в 2010 г. Четыре крупные канадские нефтегазовые компании и ОКНГ выступают в качестве партнеров по реализации газопроводного проекта. Для этого ОКНГ получила кредиты и право на 33,33% долевого участие в проекте. Значительное доленое участие позволяет ОКНГ иметь своего представителя в совете директоров проекта, участие в работе всех комитетов в рамках проекта, возможность оказывать влияние на финансовые дела, контролировать выполнение обязательств по состоянию окружающей среды и занятости в нефтегазовом секторе региона.

Горнорудные проекты укрепляют потенциал аборигенных предприятий и коренных народов.

В качестве примера рассмотрим проект разработки алмазного месторождения Диавик в 300 км от столицы Северо-Западных территорий (СЗТ) г. Йелоунайф. Корпорация алмазного рудника Диавик (КАРД) с самого начала ориентировалась не на компенсации, а на максимальное соучастие коренных жителей в разработке месторождения. КАРД при активном содействии Министерства по делам индейцев и развития Севера, правительства СЗТ, научном сопровождении провела анализ потенциала аборигенных поселений, заключила соглашения о партнерстве с дюжиной аборигенных предприятий. После этого были заключены пять соглашений (с каждой аборигенной группой) об участии в проекте.

Половина рабочей силы на руднике – работники подрядных организаций, большинство из которых – аборигенные компании. Ожидаемый уровень занятости коренных жителей был достигнут и перевыполнен.

Промышленные проекты не разрушают систему расселения коренных народов.

Следует отметить, что работа на руднике Диавик, как и в газовом проекте, ведется вахтовым методом, то есть коренным жителям не надо покидать свои поселения, структура расселения аборигенов не разрушается. Перевозку рабочих-аборигенов на алмазный рудник и обратно осуществляет авиакомпания народа тлихо (Tli-cho Air Ltd.). При этом экономический потенциал аборигенных (национальных) поселений и территорий, несомненно, растет с появлением и развитием там аборигенных предприятий (строительных, транспортных и др.).

Аборигенные народы – источник квалифицированной рабочей силы.

Развитие добывающих отраслей промышленности на Северо-Западных территориях, включая два действующих алмазных месторождения, а также крупномасштабные проекты по добыче и транспортировке углеводородного сырья, позволили сформировать передовой для Канады опыт

взаимодействия коренных жителей с промышленностью. Эти проекты ознаменовали важные перемены в регионе:

- местные аборигенные общины рассматриваются как основной источник квалифицированной рабочей силы;
- растет число предпринимателей из представителей коренных народов,
- значительно выросло число аборигенных компаний, предоставляющих профессиональные услуги;
- резко увеличилось число коренных жителей со средним образованием и поступивших в средние специальные и высшие учебные заведения (рис. 1).

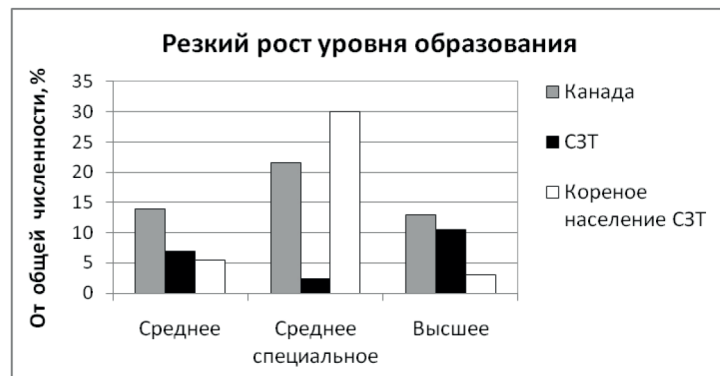

Рис. 1. Показатели уровня образования аборигенов СЗТ, 2006 г.

Территориальное самоуправление – важнейший фактор жизнеспособности коренных народов.

Полномочия автономий аборигенных народов рассмотрим на примере договора 2003 г. по территориальным требованиям и самоуправлению народа тлихо [2]. Согласно договору, тлихо общей численностью 4000 чел. на территории 39 тыс. кв. км, входящей в состав Северо-Западных территорий Канады (СЗТ), получают контроль над вопросами промышленного развития, использования ресурсов животного мира, охраны окружающей среды, использования денежных средств от добычи ископаемых (роялти, которые раньше поступали в федеральный бюджет, а также части рентных доходов). Территория тлихо включает в себе оба канадских алмазных рудника (Diavik, Ekati), которые дают 14% мировой добычи алмазов. Федеральное правительство оставляет за собой соблюдение уголовного законодательства, а правительство провинции СЗТ сохраняет управление над секторами услуг, такими как здравоохранение и образование.

Тлихо уже создали обширную сеть компаний, находящихся в их коллективной собственности, которые строят дороги и здания, управляют

аэропортом, магазином спортивных товаров, транспортируют алмазную руду, ведут борьбу с лесными пожарами и соответствуют по показателям эффективности работы компаниям южных регионов Канады.

По словам премьер-министра Канады г. Критьена [2]: «Подобные соглашения обеспечивают уверенность и безопасность, которые необходимы всем нам, когда мы планируем будущее для себя и своих детей». Эти слова созвучны выводам государственной Комиссии по аборигенным народам Канады [3], что «восстановление коренных народов как наций – лучший и наиболее приемлемый для коренных жителей способ защиты их культурного наследия, восстановления здоровья и благополучия их поселений». Комиссия показала, что вместе с восстановлением коренных наций коренные жители обретают веру, что справедливость и милосердие – не пустые слова, что они живут в обществе равных людей, а их будущее находится в собственных руках. И эта вера не как упование, а как видение лучшего будущего становится мощной силой, которая пробуждает в людях стремление к преобразованиям, желание работать ради изменения своей жизни и будущего своих детей.

Укрепление местной солидарности и гражданства не противоречит укреплению демократии и единства Канады.

Укрепление экономики национальных поселений и территорий, человеческого и социального капитала, местной солидарности и гражданственности одновременно является механизмом активной интеграции коренных народов в общеканадские социальные, экономические и политические институты. Аборигенные жители начинают в полной мере ощущать себя полноценными гражданами Канады, вносящими достойный вклад в ее будущее, разделяя это будущее со всеми жителями страны и отвечая совместно за это будущее.

Аборигены Канады не стыдятся своего происхождения.

Ранее вымирающие аборигены Канады, стыдящиеся называть себя индейцами и эскимосами, за 50 лет (с 1950 по 1999 гг.) численно выросли в 5 раз (с 200 тыс. до миллиона). Перед коренными жителями американского сектора Арктики открылись грандиозные перспективы, чтобы участвовать в процессах развития циркумполярного Севера наравне с выходцами из Европы, опираясь на свои интересы и ценности. Новые возможности позволили им эффективно интегрироваться в канадское общество и чувствовать себя полноценными гражданами Канады. При этом они стали ценить свою культуру и гордиться своим происхождением.

Обновление политики России в отношении коренных народов.

Признание статуса малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как коренных малочисленных народов (КМНС) стало важным символическим актом и началом перемен по улучшению их положения. За

прошедшие два десятилетия в ряде регионов, таких как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, произошли заметные перемены в традиционных отраслях экономики, инфраструктуре и жилищном фонде сельских населенных пунктов. Благоустроенное жилье получают семьи, занятые в традиционном хозяйстве, в том числе оленеводы. В этих регионах реализуются масштабные программы занятости сельского населения, развития культуры и образования, малочисленные народы представлены в органах исполнительной и законодательной власти на уровне региона и муниципальных образований. При поддержке региональных властей накоплен положительный опыт социального партнерства промышленности с субъектами традиционного хозяйства и муниципальными властями. В то же время эта политика не направлена на укрепление политической автономии малочисленных народов, на возникновение эффективных экономических структур коренных народов как основных инструментов модернизации социального и человеческого потенциала коренных народов, прежде всего, в ареалах компактного проживания. Приоритетные задачи формулируют государственные учреждения, а значимые проекты (инфраструктурные, жилищного строительства и др.) часто реализуются силами сторонних (неаборигенных) организаций. И в этом радикальное отличие отечественных моделей отношений с аборигенными народами от зарубежных.

Таким образом, отечественная модель отношений с народами Севера ориентирована на частно-государственную поддержку сельских общин, на сохранение традиционного жизнеобеспечения и уклада жизни, традиционной культуры, что соответствует зарубежным моделям для коренных общин, которые численно преобладают только в малых населенных пунктах или представляют меньшинство даже на локальном уровне. Эти модели неэффективны в решении проблем социально-экономического неблагополучия больших общностей коренных жителей локального или районного уровня и не могут решать задачи языковой ассимиляции. В то же время на российском Севере существуют территории районного уровня с преимущественно коренным населением.

В новых подходах к реализации прав и преодолению состояния неблагополучия коренных народов и общностей Севера аргументируется, что ключевые факторы перемен к лучшему, в том числе резкому уменьшению вплоть до нуля уровня суицидов, связаны с реализацией их исконных прав на земли, ресурсы и самоуправление [4; 5]. Суть нового подхода заключается в предоставлении коренным сообществам необходимых условий (инструментов) для самоорганизации (автономии), роста социального капитала, создания эффективных институтов экономического развития (корпораций, предприятий, фондов), сохранения культурной непрерывности,

развития родных языков, мотивации людей к повышению образования и творческому труду (росту человеческого капитала).

В качестве ключевых структур социально-экономического развития в ареалах компактного проживания и численного преобладания коренных народов Севера рассматриваются экономические и политические структуры районного уровня. Экономические структуры (корпорации) наделяются сильными правами собственности на земли и ресурсы, политические – делегированными регионом полномочиями в сфере управления развитием и использованием ресурсов, а также вытекающими обязанностями перед населением. Роль районных корпораций и самоуправления:

- обеспечение перемен в духовно-нравственной сфере, рост социального капитала;
- создание сети предприятий, эффективно использующих местные ресурсы, а также способных на условиях подряда работать в промышленности (вахтовым методом);
- насыщение села капиталом;
- наращивание человеческого капитала – роста мотивации к повышению образования и производительному труду;
- содействие традиционному жизнеобеспечению в удаленных поселениях;
- формирование стратегий развития и использование возможностей, связанных с федеральными и региональными программами.

Новая концепция развития Севера и Арктики актуализирует проблему совершенствования общественных отношений, гармонизации отношений между разными группами населения северных территорий: временными и постоянными жителями, территориальными общностями коренных народов разной численности и русских старожилов. Есть все основания считать, что высокий гуманитарный потенциал России, созданный многими поколениями россиян, достаточен, чтобы федеральные, региональные власти и организации коренных народов накануне масштабного освоения ресурсов Арктики согласовали контуры политики партнерских отношений, имея в виду конституционные принципы самоопределения народов, осознанного и информированного участия жителей Севера в процессах обновления. Необходимо принимать во внимание, что представители коренных народов – это живые люди, желающие жить в сильной стране и справедливом обществе.

Литература

1. Максимов А.А. Права коренных народов Севера на землю и природные ресурсы: Эффективное использование и совместное управление. Серия: Библиотека коренных народов Севера. Вып. 3. – М., 2005. – 89 с.

2. PMsigns landmark N.W.T. land claim with Dogrib / CTV National News, http://www.ctv.ca/servlet/ArticleNews/story/CTVNews/1061831432984_56/.
3. People to people, nation to nation: Highlights from the report of the Royal Commissions on Aboriginal Peoples. – Canada. Royal Commission on aboriginal peoples, 1996. – 150 p.
4. Максимов А.А. Проблемы социально-экономического развития коренных народов (общностей) Севера // Проблемы регионального развития. Финно-угорское пространство в географических исследованиях: материалы 1-й Междунар. заоч. науч.-практ. конф., г. Саранск, 13 июня 2012 г. / И.А. Семина (отв. ред.) – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 135-145.
5. Доклад о развитии человека в Арктике (ДорЧА) / Пер. с англ. яз.; Ред. А.В. Головнев. – Екатеринбург; Салехард, 2007. – 244 с.

Социально-экономические аспекты трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов Сибири¹

О.В. Нечипоренко, доктор социологических наук
*Институт философии и права Сибирского отделения РАН,
 Новосибирск*

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические аспекты трансформации традиционного образа жизни автохтонных этносов Сибири. Анализ современных систем жизнеобеспечения шорцев, проживающих в Таштагольском районе Кемеровской области, позволяет выделить и описать различные стратегии выживания, используемые ими для адаптации к современным социально-экономическим условиям. Показан комплексный характер современных систем жизнеобеспечения.

Ключевые слова: автохтонные этносы, трансформация традиционного образа жизни, социально-экономическая адаптация, комплексная система жизнеобеспечения.

Обострение прежних и возникновение новых противоречий обуславливают необходимость анализа динамики социальных изменений, выявления новых тенденций в социальном развитии малых этносов, в том числе процесса интеграции традиционных отраслей хозяйства в систему «большого общества».

Вхождение малых этносов в современное индустриальное общество и попытка приспособиться к его правилам в большинстве случаев означает не только разрушение их традиционного образа жизни, но и исчезновение лежащих в его основе уникальных экономических, социальных и этнокультурных практик. Интенсивное воздействие «большого» общества вынуждает малые этносы вырабатывать специфические стратегии адаптации к новым социально-экономическим условиям и выстраивать свои модели взаимодействия с индустриальным обществом: от попытки изолироваться до активных усилий, направленных на интеграцию в «большое» общество.

Социально-экономические аспекты трансформации образа жизни автохтонных этносов Сибири были реализованы сотрудниками Института философии и права СО РАН в рамках комплексной этнологической экспертизы образа жизни этнолокальных сообществ шорцев, компактно проживающих на территории Таштагольского района Кемеровской области. Методология данного социологического исследования базировалась на материалах, разработанных в рамках фундаментальной научно-исследовательской программы «Комплексный мониторинг процессов этносоциального развития коренных малочисленных народов Сибири». Целью исследования было изучение социологическими методами современного состояния и динамики изменений образа жизни этнолокальных и полиэтнических сообществ коренного (русского и аборигенного) населения в местах компактного проживания шорцев.

В Таштагольском районе места компактного проживания шорцев характеризуются различным этническим составом населения. Часть поселков (например, Чилису-Анзас, Усть-Анзас, Эльбеца) являются моноэтническими, их население составляют исключительно шорцы, что в сочетании с удаленностью и труднодоступностью этих населенных пунктов ведет к минимизации контактов этнолокальных сообществ проживающих здесь шорцев с внешним миром и сохранению традиционной системы жизнеобеспечения. Другие поселки (например, Ключевой, Чулеш, Мрассу), являясь местами компактного проживания шорцев, в то же время характеризуются смешанным составом населения и выступают местом наиболее массовых и интенсивных контактов между основными этническими группами района: русскими и шорцами.

Этническая специфика обследованных районов сделала возможным, во-первых, сравнительный анализ этносоциального и социально-экономического развития этнолокальных сообществ шорцев, компактно проживающих в моноэтнических и полиэтнических районах, и, во-вторых, сравнительный анализ социально-экономического положения и адаптационных стратегий автохтонного и русского населения, проживающего в полиэтнических районах.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 13-01-00170).

Как показали проведенные исследования, все места компактного проживания шорцев, расположенные на территории Таштагольского района, испытывают влияние сразу нескольких групп факторов:

Во-первых, обследованные населенные пункты находятся на территории Шорского национального природного парка (ШНПП), имеющего статус особо охраняемой природной территории. Это позволяет коренному населению заниматься традиционным природопользованием, определяя, таким образом, не только экономическое, но и этносоциальное развитие.

Во-вторых, в целом Таштагольский район, на территории которого проводилось исследование, характеризуется интенсивным промышленным развитием. Занятость на промышленных предприятиях является альтернативой традиционной занятости коренного населения, выступая значимым источником дохода, а возможность работы вахтовым методом позволяет сохранить за собой традиционные места проживания (компактный этнолокальный характер проживания шорцев), а значит и частично сохранить традиционные природопользовательские практики.

В-третьих, интенсивное развитие на территории Таштагольского района туристического бизнеса (в непосредственной близости от г. Таштагол расположены многочисленные горнолыжные комплексы), задавая еще один вектор развития, оказывает влияние и на структуру занятости, и на этносоциальные процессы среди шорского населения.

Сочетание всех перечисленных факторов делает Таштагольский район уникальным в плане исследования альтернатив развития коренных малочисленных народов Сибири в условиях изменений их исконной среды обитания под влиянием таких процессов, как глобализация, индустриализация, урбанизация, а также выявление и анализ основных адаптационных стратегий шорского коренного населения на современном этапе.

Перечисленные группы факторов оказывают влияние на систему жизнеобеспечения коренного населения, предопределяя использование шорскими домохозяйствами различных стратегий выживания, основными из которых являются:

- постоянная формальная занятость, преимущественно в бюджетной и муниципальной сфере;
- традиционная хозяйственная специализация (подсобное хозяйство и промысловая деятельность);
- получение пенсий и пособий;
- отходничество и работа в сфере турбизнеса, позволяющие получать сезонный доход;
- случайные приработки, как правило, в пределах своего села;
- работа вахтовым методом на недродобывающих предприятиях.

Как показали проведенные исследования, во всех местах компактного проживания шорцев система жизнеобеспечения существует не за счет использования какой-либо одной стратегии выживания, а имеет комплексный характер, представляя собой сочетание различных стратегий. Сочетание стратегий в рамках одного комплекса делает его уникальным и определяет специфику конкретного населенного пункта.

Опишем несколько наиболее типичных ситуаций.

В поселке Ключевой основными стратегиями выживания населения оказываются промысловая деятельность и получение социальных трансфертов. Промысловую деятельность практикуют более 80% домохозяйств, при этом более двух третей из них занимаются промыслом именно с целью дальнейшей продажи. Структура промысловой деятельности включает в качестве основных элементов собирательство: прежде всего сбор кедровой шишки, затем ягод, грибов и других дикоросов. Охотничий промысел (охота на пушных) практически не практикуется, занимаются им единицы.

Помимо пенсионеров, доля которых в поселке достигает 50%, социальные трансферты оказываются основным источником денежного дохода для семей с маленькими детьми. В поселке сформировалась устойчивая практика, при которой мать не водит ребенка в детский сад, а сидит с ним дома, получая при этом пособие за детский сад на дому. На момент обследования (2013) величина такого пособия составляла около 5 тысяч рублей, что в условиях поселка представляется значительной суммой (для сравнения, средняя зарплата бюджетника в этот же период составляла чуть более 4 тысяч рублей).

Наличие бюджетных мест в поселке предопределило существование стратегии выживания, ориентированной на постоянную формальную занятость, практикуемую семьями сельской интеллигенции, занятыми в бюджетной или муниципальной сферах. Таких семей немного, около 15%. Постоянная зарплата, хоть и небольшая, является гарантированным денежным доходом, обеспечивающим удовлетворение минимальных потребностей. Как правило, промысловая деятельность и ведение личного подсобного хозяйства в таких семьях осуществляются редко и не являются товарными, а ориентированы только на самообеспечение домохозяйства.

Отходничество в город и занятость в туристическом бизнесе в поселке не является популярным, поскольку связано с долговременными отлучками, при которых невозможно вести хозяйство и воспитывать маленьких детей. Занимаются им не более 10% семей.

Удаленность п. Ключевой от районного центра способствовала формированию своеобразного внутреннего рынка труда, на котором часть населения предлагает свои услуги в качестве работников, а другая часть ищет работников для разовой работы по хозяйству.

Такой приработок, не являясь ни постоянным и ни существенным (в денежном эквиваленте), является скорее вспомогательным по отношению к основной промысловой деятельности населения, которая может принести хороший доход, но имеет сезонный характер. Также он уступает и социальным трансфертам, которые, не будучи особенно значимыми в денежном эквиваленте, в то же время являются гарантированными.

Таким образом, ежемесячный доход среднего домохозяйства в п. Ключевой может колебаться от 5 тысяч рублей (пособие за детсад) зимой, до 40 тысяч весной-летом (сбор клюквы, ягоды, папоротника, кедрача).

В поселке Чулеш, который находится в 12 километрах от Ключевого, сформировались иные стратегии выживания. Основной причиной этого можно считать уникальный социальный микроклимат, сложившийся благодаря сосуществованию трех этнических групп: шорцев, которые в Чулеше составляют чуть больше трети населения, русских староверов-киржаков, которые составляют большую часть населения, и русских, которые не являются киржаками, традиционно проживающими в данном поселении, а являются пришлыми, приехавшими на работу и оставшимися здесь.

Сосуществование в течение долгого времени этнических групп киржаков и шорцев привело к ситуации, при которой здоровая социально-экономическая конкуренция между этими этническими группами способствует росту благосостояния каждой из них. На фоне киржацких домохозяйств, которые традиционно являются зажиточными и демонстрируют эффективные стратегии адаптации, многие шорские хозяйства по всем показателям оказываются не менее эффективными.

Именно в Чулеше комплексная стратегия выживания реализуется с наибольшей эффективностью. Большинство мужчин, как русских, так и шорцев, работает вахтовым методом на золотодобыче. Это позволяет регулярно обеспечивать семью неплохими деньгами. В отсутствие мужчин жены ведут текущее хозяйство и воспитывают детей. Хозяйство при этом держат крепкое, но в основном для самообеспечения: пара коров плюс молодняк на мясо, пара свиней, десяток птиц, одна лошадь.

Вахта продолжается от 14 до 20 дней, потом мужчина столько же проводит дома. За это время муж успевает сделать всю тяжелую работу, с которой жена в одиночку не справится (починить крышу, поставить пристройку и принять участие в заготовке сена и пр.) Кроме этого, многие семьи держат еще пасеки или пруды с рыбой. В основном для себя.

Промысловая деятельность является значимой статьей дохода как киржацких, так и шорских домохозяйств. Хотя по значимости она уступает доходам от зарплаты, но практикуется повсеместно, причем ориентирована не только для себя, но и на продажу: сбор кедрача осуществляется в основном с целью продажи, сбор ягод и грибов – в основном для себя.

Ежемесячный доход в домохозяйствах, практикующих комплексный характер ведения хозяйства, колеблется от 30 тысяч и выше.

И киржаки, и шорцы, будучи коренным аборигенным населением, при включении в современную экономику сохраняют достаточно высокие индексы ориентации и на промысловую деятельность. Промыслы в Чулеше практикуют 90% шорских домохозяйств и 80% русских домохозяйств.

В большей степени на промысловую деятельность в Чулеше ориентированы те, кто не имеет постоянной работы. Для них основными источниками дохода являются промысловая деятельность и социальные трансферты. В отличие от п. Ключевой, где такие семьи преобладают (составляя 50% всех семей), в Чулеше таких семей меньшинство, всего 23%. Кроме этого, даже среди «работающих» семей индексы ориентации на промысловую деятельность в Чулеше выше, чем в Ключевом.

В поселке Эльбеца, который является наиболее удаленным из всех населенных пунктов, обследованных нами: сюда не ходят рейсовые автобусы и невозможно добраться на машине, поскольку дороги через перевал для этого не подходят. Вертолета, летающего 1 раз в неделю, недостаточно для эффективных контактов с миром, поэтому население передвигается на лошадях, квадроциклах либо ходит пешком.

Так же как и Чулеш, Эльбему можно считать зажиточным поселком, проживающее здесь население (15 домохозяйств), состоящее исключительно из шорцев, максимально эффективно использует имеющиеся у него ресурсы. Но в Эльбече сложилась система жизнеобеспечения в каком-то смысле противоположная чулешской.

Отходничеством здесь занимаются не мужчины, а женщины. Мужчины живут в поселке, ведут хозяйство (небольшое, поскольку ориентировано только на самообеспечение семьи) и занимаются охотничьим промыслом. Если охотой занимаются только мужчины, то собирательство (сбор ягод, грибов, орехов) осуществляется всеми членами семьи. Доход от промысловой деятельности может достигать 80% бюджета домохозяйства. Продажа продуктов такого промысла позволяет развивать хозяйство, учить детей и даже совершать значительные приобретения (у многих семей есть квартиры в городе, многие из них для передвижения используют не лошадей, а квадроциклы и мотоциклы).

Женщины поселка активно занимаются отходничеством в город (Таштагол и Шерегеш), где устраиваются на любую работу, не требующую особой квалификации, а в сезон работают на обслуживании горнолыжных комплексов. Такие формы занятости позволяют обеспечить семью гарантированными денежными поступлениями в месяцы, когда охотничий сезон закрыт или в случае форсмажорных ситуаций. Особое значение заработок

в городе приобретает в тех случаях, когда в семье нет пенсионеров, а следовательно, нет денежных поступлений в виде социальных трансфертов.

Таким образом, эльбезинские шорцы демонстрируют стратегию выживания, максимально ориентированную на сохранение традиционных форм жизнеобеспечения.

Поселок Чилису-Анзас находится в похожих с Эльбезой социально-экономических условиях, но демонстрирует абсолютно другие стратегии выживания. Ограниченное количество рабочих мест (работают в поселке всего 3 человека) и неразвитость внутреннего рынка труда (в силу того, что в поселке проживает всего 11 семей) не привели здесь к развитию отходничества за пределы села. Основным источником получения гарантированного денежного дохода выступают социальные трансферты (в поселке проживают преимущественно пенсионеры и семьи с маленькими детьми). Местные домохозяйства практикуют традиционную систему жизнеобеспечения, однако охотой занимаются всего 3 семьи, в то время как большинство семей занимается только собирательством. В силу ограниченности источников дохода, важную роль играют случайные приработки (так в 2012 г. большая часть мужчин поселка была занята рубкой леса под ЛЭП).

В целом, если Ключевой представляет собой пример маргинализированного поселка, в котором население живет сегодняшним днем (а вернее от сезона до сезона), то Чилису-Анзас представляет собой пример депрессивного вымирающего поселка. Так, в период с 2006 по 2013 гг. количество семей, проживающих на территории поселка, сократилось с 18 до 11. В поселок не приезжают новые семьи. При этом, по мнению экспертов, многие местные жители, родом из Чилису-Анзаса, хотели бы вернуться в поселок. Основным препятствием выступает отсутствие элементарных бытовых благ: в поселке нет электричества, нет водопровода и отсутствует возможность использовать лес (несмотря на то, что поселок находится на территории Шорского национального природного парка) для постройки и ремонта домов. Все это заставляет даже самых стойких уезжать из села.

Отметим, что Чилису-Анзас – не единственный поселок, вымирание которого связано с отсутствием бытовых благ. Более 40 населенных пунктов в районе неэлектрифицированы и многие из них практически прекратили свое существование.

Поселок Усть-Анзас также характеризуется ограниченным количеством рабочих мест и неразвитостью внутреннего рынка труда, практически полным отсутствием отходничества (чтобы попасть в поселок или уехать из него, надо пересечь реку, автомобили имеются только у 5 семей, вертолет летает 1 раз в неделю). Больше половины трудоспособного населения являются

безработными, несмотря на то, что в поселке есть вакантные ставки, пусть и низкооплачиваемые (во всех обследованных населенных пунктах зарплата в бюджетной сфере в 2013 году не превышала 5 тысяч рублей).

В такой ситуации местное население ориентировано на традиционную систему жизнеобеспечения: ведение личного подсобного хозяйства (которое в последние годы сокращается) и промысловую деятельность. По структуре эта деятельность схожа с промыслами в Ключевом, то есть не является специализированной: основная масса населения занимается собирательством, охоту в той или иной степени практикуют не более 10% домохозяйств. Кроме этого, население занимается рыболовством, поскольку рыба пользуется спросом в горнолыжных гостиничных комплексах Шерегеша. Также население пытается заниматься туристическим бизнесом, организуя летом сплавы по реке, однако доход от такого приработка незначителен.

Денежное вливание происходит за счет социальных трансфертов, детских пособий, которые имеют семьи с маленькими детьми и пенсий, получаемых пенсионерами. При этом в поселке сложилась массовая практика, при которой по выражению экспертов «непенсионеры паразитируют на пенсионерах».

Находясь в схожих социально-экономических условиях с Чилису-Анзасом, Усть-Анзас электрифицирован, что в гораздо большей степени способствует сохранению поселка, хотя конечно и здесь наблюдаются деструктивные процессы, связанные со старением населения, маргинализацией доли семей и миграцией молодежи из села. Пример Чилису-Анзаса и Усть-Анзаса показывает, что маргинализация затрагивает не только полиэтничные, но и моноэтнические поселки, являясь одной из самых острых проблем в местах компактного проживания шорцев.

Еще одним значимым препятствием для развития моноэтнических поселков (Чилису-Анзас, Усть-Анзас) является не только их труднодоступность, но и отсутствие или недостаточное развитие элементарных бытовых удобств, а также отсутствие на их территории школ, причем не только средних, но и начальных.

Сравнительный анализ стратегий жизнеобеспечения домохозяйств в обследованных поселках позволяет сделать выводы о том, что вхождение в «большое» общество и адаптация к современным социально-экономическим условиям вынуждают шорцев использовать достаточно широкий спектр стратегий выживания. Среди всех этнолокальных сообществ шорцев на современном этапе преобладает комплексный характер систем жизнеобеспечения, при котором в структуре домохозяйств сочетаются традиционные системы жизнеобеспечения (промыслы и личные подсобные хозяйства) и современные системы жизнеобеспечения (социальные трансферты и зарплаты).

В рамках комплексного характера систем жизнеобеспечения их традиционный и современный компоненты оказываются конкурирующими: развитие одной ведет к сокращению другой. Невозможность включения в современные системы жизнеобеспечения или ограниченность этого включения ведет к усилению ориентации на промысловую деятельность. И наоборот, включение в современные системы жизнеобеспечения в любой форме (от постоянной формальной занятости до случайных приработков) ведет к сокращению традиционных систем жизнеобеспечения, которые приобретают все более вспомогательный характер. В долгосрочной перспективе системы жизнеобеспечения «большого» общества, являясь более эффективными, ведут в постепенному и неуклонному вытеснению менее эффективных традиционных систем жизнеобеспечения. На современном этапе контроль за этими процессами возможен через корректировку общих положений и федеральных программ на региональном и местном уровнях власти путем выработки специфических решений, зачастую имеющих точечный и адресный характер.

Социально-экономическая реорганизация трёх мансийских деревень по р. Ляпин 1930-1970 гг. и её последствия на современном этапе

Т.Д. Слинкина

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Войны, смена власти, политические и экономические перемены, реорганизация с древности и до наших дней жестоко прошли по судьбам жителей маленьких мансийских поселений, располагавшихся локально и в отдалении друг от друга.

Ключевые слова: Хёрың-Павыл, Хурум-Павыл, Сакв-Я, Ятри-Я, Кун-Авт-Ўс, Лёпың-Ўс-Павыл, Хёслох-Павыл, Мувыңтёс-Павыл.

У деревни *Хёрың-Павыл* 'деревня возле голубичного болота' (д. Хурум-пауль) исторический возраст большой, её название в документах и источниках встречается с XVII в. Основная деревня *Тэлы-Хёрың-Павыл* 'зимняя деревня' располагалась на высоком правом берегу р. *Сакв-Я* 'светлая река' (современная р. Ляпин – вар. усвоение зырянами от *Лёпың-Я* 'мальковая река', *Лёпың-Ўс* – истор. Ляпинский городок), в которой проживал род. По притоку *Нялк-Я* 'селёдная река', впадающего справа, в урманы была ещё одна зимняя деревня. На противоположном берегу *Сакв-Я*, на низинной

стороне, было рыбацкое становище Хозумовых с названием *Рёщ-Павыл* 'плёсовая деревня', которую в любые паводки затапливало полностью, но после спада вода в логах оставалась до августа [1, 129-130; 2, 94; 3, 94]. Только в 300-400 м от берега на лесном незатопляемом возвышении располагалось родовое становище Паланзеевых (по-мансийски *Паланьици*). Затем рядом поселились потомки оленеводов рода Анямовых, переселенцы из *Яныг-Павыла* 'главная деревня' (д. Яныпауль) с верховьев Северной Сосьвы, куда в свою очередь они переселились в XVII в. из района верховьев р. *Лусум-Я* 'река, [протекающая среди заболоченных] луговин'. Их род оленеводов обиходно называли *Ёрколың мәхум* 'люди, [живущие] в чуме' (букв. люди с ненецким домом). Их Святым покровителем является *Ёрколың Ойка* '[Святой] покровитель [рода, живущего] в чуме', который почитается и хранится на реке *Лусум-Я* (информанты С.Н. Анямов, 2003; М.Д. Ромбандеева, 1965; А.С. Мерова, 2007; Р.В. Меров, 2013).

В конце деревни за *Хёрың-Түр* 'озеро с голубичным болотом' также было становище. Ниже по реке в 3 км располагалась деревня *Лүйи-Хёрың-Павыл* или просто *Лүйи-Павыл* 'нижняя [по течению] деревня'. Жили в ней Волковы (род ведёт своё начало от русского предка), обиходно их звали *Саран сахирүт* на основе второй их рыбацкой деревни *Саран-Сахи-Павыл* 'деревня [носящего] зырянскую шубу', которая находилась в устье р. *Сакв-Я* справа (информант В.Д. Саратина; Л.И. Хозумова, 2013). Слева, напротив, была рыбацкая деревня сыгвинских манси *Сакв-Сүнт-Павыл* 'деревня в устье Сыгвы'. Здесь постоянно жил Анямов Михаил Данилович – житель деревни *Хёрың-Павыл*. 25.02.1938 года по месту жительства он был арестован, а расстрелян в Ханты-Мансийске 30.03.1938 г. вместе с родственниками. В «Книге расстрелянных» селение значится ошибочно как Усть-Сосьвинские [4, 68]. Здесь находился нерукотворный ландшафтный храм – место поклонения Святым покровителям устья *Сакв-Я*. Один из них *Сакв Сүнт Төрүм Пыг Ойка* '[Святой] покровитель устья Сыгвы, сын Торума' [5, 81-86; 6, 440]. Вся система устья *Сакв-Я* с сезонными рыболовными песками, с прилегающей обширной тайгой и урманами были владениями нескольких Святых покровителей [7, 50-80].

В деревне *Хёрың-Павыл* жили богатые оленеводы, в стадах которых имелось более тысячи голов: оленеводы-частники испокон веков кочевали по пастбищным местам Урала и жили безбедно.

После гражданской войны к 1920-1921 годам по Ляпину окончательно была установлена советская власть. Затем началась классовая неразбериха, коллективизация, были организованы артели и колхозы. Всё частное животноводство, оленеводство, промысловые снасти, покосы и угодья стали коллективными. Зажиточные и успешные хозяйства подверглись раскулачиванию. Имущество поделили между бедняками, в основном это были

не способные вести хозяйство или нетрудолюбивые, их нанимали, чтобы они могли заработать себе на еду и одежду. Однако через год-два у бедняков заканчивалось выданные им даром имущество и припасы, но советская власть не могла их обеспечивать, потому что на месте ничего не производилось, а те, кто снабжал их всем необходимым, были раскулачены. Когда у рыболовных и охотничьих снастей закончился срок годности, снова выручили середняки охотники и рыболовы, умеющие вести хозяйство, которым присваивали за успехи звание «Стахановец», награждали значками и знамёнами передовиков. Первым награждённым «стахановцем» в деревне был Иван Петрович Ромбандеев (дедушка автора статьи). Случались и курьёзы: когда бабушку раскулачили, зная пригодились соседке для полога от комаров.

Планы по промыслам выполнялись и перевыполнялись. С начала 30-х гг. раскулаченным и середнякам давали «твёрдые задания» перед началом осенне-зимнего промысла и на летне-осенний промысел. Например, оленеводу Ромбандееву Александру Яковлевичу всей семьёй нужно было сдать пушнины на 2000 руб., 0,5 т. ягод, 0,5 т. рыбы, мясо и определённое количество оленьих шкур, поставить 3 т. сена. Даже слепой инвалид Хозумов Ефим Егорович подлежал такому же заданию, пока один из уполномоченных не постановил снять с него «твёрдое задание», но семья считалась зажиточной [8]. Если «задание» было не выполнено, нужно было оплатить долг деньгами или описывалось и забиралось имущество и олени согласно цене невыполненного плана. В то же время их лишали права голосования на выборах, как кулаков, так и *няйт* «шаманов» и всех членов их семей. Выходит, их всех лишали юридических и гражданских прав, но они обязаны были выполнять производственные планы, составленные правительством района, округа, области, страны. Об этом в государственном архиве Югры имеются документы за 1928-1936 гг. [9; 10]. Выходит, всех хозяев-мужчин в 1937-1938 гг. репрессировали и расстреляли в Ханты-Мансийске на основании этих личных дел, составленных на каждого жителя *Хёрың-Павыла* и *Мувыңтес-Павыла*, которые тщательно составлялись со дня образования советской власти. Вот имена некоторых из них: Анямов Степан Викторович, Хозумов Алексей Фёдорович (обиходно звали *Маньлищ бйка*), его старший сын Хозумов Михаил Алексеевич, второй сын Хозумов Дмитрий Алексеевич, Хозумов Василий (обиходно звали *Хёрың-Павыл Вайциль бйка*), его старший сын Хозумов Михаил Васильевич, второй его сын Хозумов Данил Васильевич. В этот же список расстрелянных вошла и Хозумова Агафья Петровна, всего в списке более 20 человек [4, 63-173]. Сотрудники НКВД принимали личные повышенные сообразительности по количеству арестованных и расстрелянных (об этом писал в газете «Новости Югры» юрист Петрушин).

В результате расстрелов основных исполнителей плановых заданий только по Берёзовскому району за 1938 г. не выполнен экономический план валового производства на 50%. Так закончилось тысячелетиями взлелеянное потомственное оленеводство манси не только в деревне *Хёрың-Павыл*, но и по всему Берёзовскому району.

После репрессий начался новый этап «издевательств» над коренными народами. В 1938-1941 гг. старые деревни ликвидировали, жителей насильно переселили в одну новую. В колхозе работали по 16-18 часов, запрещалось отлучаться с работы на промысел для нужд семьи, деньги не платили, продукты выдавали только на работающее население, дети и старики в планах снабжения не числились (информант М.Д. Ромбандеева, 1965). В 1939 г. по Ляпину случился тотальный голод (у людей отобрали скот, снасти, уголья), вымирали целыми семьями. Это был результат пресловутой коллективизации [11].

В стационарном селении *Хёрың-Павыл*, созданном во времена реорганизаций деревень и создания колхозов, в 1938-1941 гг. на низинной затопляемой стороне берега был раскорчёван лес, куда переселили жителей становищ по р. Бол. Кемпаж с их домами: *Тарак-Павыл* «деревня, где брали *тәр*- кедровые корни» (д. Таракпауль), *Урай-Сунт-Павыл* «деревня в устье старицы», *Урай-Вата-Павыл* «деревня возле старицы», *Пуныг-Исум-Павыл* «деревня, [куда] спустился Святой покровитель» (д. Пуписум). Сюда же переселились жители деревень по р. *Сакв-Я*: *Тэлы-Хёрың-Павыл* и *Лүйи-Хёрың-Павыл* – раскорчевали лес, распахали поля, посадили картофель и турнепс (манси их не употребляли), построили скотные дворы. После 1953 г. состоялась новая реорганизация ранее созданных колхозов с переселением их рабочих в *Лопмүс-Павыл* из деревень по р. *Сакв-Я*: *Хослөх-Павыл* «деревня длинных логов» (д. Хошлог), *Хёрың-Павыл* (д. Хурумпауль), *Ахвас-Понк-Павыл* «деревня на каменистом мысу», *Нэт-Лёңх-Павыл* «деревня у дороги для женщин» (д. Метлэнги), *Мёсыг-Павыл* «деревня на излучине [реки]» (д. Межи), *Лүски-Павыл* «деревня [между] луговин» (д. Лошки) (информант Н.И. Хозумов, 2013). Раскорчёванный берег, где стояли дома, постепенно разрушило паводками, и к 2013 г. полдеревни смыло в реку. Остатки домов «прижаты» к кромке леса, за которым сразу начинается голубичное болото. Постоянно в деревне живёт несколько пенсионеров, а потомки бывших жителей приезжают в свои родовые домики на выходные из *Саран-Павыла* как на дачу: рыбачат, охотятся, отдыхают, собирают дикоросы. На кладбище похоронены те, кто не был репрессирован и не погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны (ВОВ), но поминают всех.

На картах и в документах значится русский вариант лишь несколько совпадающего звукового переосмысления как Хурумпауль от *Хурум-Павыл*

‘три деревни’, т.е. заселили сюда жителей из трёх деревень, с чем и утратился на современном этапе первоисточник ойконима.

В 1950-1960-х гг. в верхнем конце деревни была территория промкомбината со складами (три сарая-склада для тары и готовой продукции), которая изначально была расположена на противоположном (правом) берегу реки *Сакв-Я* (р. Ляпин). После лесного пожара базу перенесли в деревню. К промкомбинату всю зиму на конных повозках подвозили минерал известняк с Урала с карьера из-под береговой скалы *Хёртхан-Тёрас* ‘скала [гнездовой] ворона’, которая находилась на р. *Ятри-Я* ‘тетеревиная река’ (р. Ятри), правый приток *Сүкыр-Я* ‘[нерестовая] река щёкура’ (левый приток р. Ляпин). Специалисты взрывами разрушали породу, колхозники грузили её на подводы. Необходимо было подвезти известняка столько, чтоб хватило для непрерывной работы до следующего зимника. Летом дороги не было.

Известняк должен был пройти обжиг. Для обжига летом выкладывали огромные печи из известняка, а внутри сутками непрерывно жгли брёвна. С помощью такого способа получалась известь, которую растворяли в воде и применяли для побелки стен в помещениях и в стекольном производстве: в Берёзово был небольшой стекольный завод, где делали банки для консервов местного рыбокомбината и бутылки для газированных напитков. Известь вывозили в фанерных бочках, чтоб не отсырела, т.к. вступая в контакт с водой, начиналась бурная химическая реакция разложения с высокой температурой возгорания с выделением ядовитого газа (информант Р.В. Меров, 2013).

В деревне среди старожиллов жили уважаемые жители. С ними согласовывались и обсуждались многие житейские проблемы и порядок выполнения сакральных обрядов. Главным из них считался Хозумов Василий Гаврилович 1892 г.р. (в обиходе его звали *Яныгколың Вәйиць дйка* ‘Василий из [рода] главного дома [деревни]’) – сказитель, информант многих исследователей мансийского языка и фольклора в 1950-60-х гг., в том числе Е.А. Кузаковой [12, 550-551]. Он знал множество древних мансийских сказок, преданий, мифов, эпос, историю, основы верования, духовную и материальную культуру своего народа. Его отец и вся семья были уважаемыми людьми в деревне и в округе. К ним шли за помощью и советом. В годы ВОВ в его доме располагалась школа [12, 550].

По информации М.С. Меровой (2013 г.), у Василия Гавриловича с женой было 10 детей, но все умирали в младенчестве. Чтобы вымолить у Святых покровителей помощь в обретении наследников, он построил в Хёрың-Павыле *Яныг кол* ‘главный большой дом’, где жителями проводились молебны, обряды и ритуалы поклонения Святым покровителям (иногда с закланием оленя или телёнка для их символического угощения).

В доме, как в церкви, хранились Священные атрибуты. Люди приходили просто с угощением или с подарком для Святых, чтобы попросить здоровья или выздоровления больного. До начала свадьбы в этом доме проводились обряды для молодых с поклонением Святым духам, с молебнами, угощениями и прикладами, чтобы семейная жизнь сложилась. К сожалению, хозяевам дома не суждено было уберечь и вырастить ни одного из детей. После кончины хозяев обряды проводить стало некому. Без присмотра главный дом деревни со временем сгнил и развалился.

В настоящее время *Хёрың-Павыл* значится только в архивных документах и в работах исследователей [2, 94; 3, 94; 13; 14; 15].

По сравнению с *Хёрың-Павыл*, более древнее поселение и городище *Мувыңтёс-Павыл* документально значится, например, в царской грамоте, полученной в августе 1586 г. в ответ на прошение жителей Кодской волости. Челобитчиком с прошением в Москву отправился считавшийся самым видным князь Лугуй из селения *Кун-Авыт-Бош* (совр. д. Куноват). Основанием подачи прошения стало прибытие в Сибирь царского посланца, воеводы Ивана Мансурова со 100 служилыми людьми и несколькими пушками. В 1585 г. осенью для перезимовки они обосновали городок на Оби напротив устья Иртыша, прежде укрепив его высоким тыном. Вскоре остяки с окрестных поселений устроили вооружённое наступление на городок, служилые отбились с трудом. На следующий день пришлось применить пушку, выстрелом которой была разбита святыня, принесённая с собой остяками. После этого гарнизон был оставлен в покое, остяки приходили с подношением, с просьбой установить мирные отношения. Мирные отношения установили, но у коренного населения округа уже возникла тревога за свою безопасность: служилые из гарнизона (по приказу Мансурова) делали вылазки к отдалённым поселениям остяков за продовольствием, видимо, не исключены были и вооружённые нападения. Жители округа успокоились, когда испросили себе против новых пришельцев особую царскую защиту. Остяки знали русских и зырян на реках Выми и Вычегде, с которыми они имели дела по меновой торговле и конфликтов с ними не возникало.

В составленном от жителей прошении сказано, чтобы князю Лугую было разрешено самому ясак и поминки, собранные с шести городков – Куновата, Илчмы, Ляпина, Мункоса, Юила и Берёзова каждые два года доставлять за Урал на р. Вымь, как и «было до толя». Кроме того, князь просил для этих же городков позволения не платить ясак и поминки русским, поселившимся возле устья Иртыша [16, 52-57].

Согласно царским указам, в XVI вв. вотчиной князя Лугуя был выше упомянутый *Кун-Авт-Ус*. На современных картах значится д. Куноват на правом берегу Оби выше устья р. *Кун-Авт* (р. Куноват) на берегу озера в её

русле. Перечисленные в прошении поселения, с которых он собирал ясак и поминки для пополнения царской казны, располагались довольно далеко друг от друга [16, 54-55].

Такое расположение позволяло манси без претензий к соседям заниматься комплексными сезонными промыслами. Негласные границы угодий каждого рода и отдельного промысловика не нарушались, так принято у северных этносов до сих пор (но уже относительно). Это позволяло воспроизводство фауны для будущих промысловых сезонов, поэтому в межсезонье без крайней надобности посещать угодья запрещалось.

Князь Лугуй сам доставил прошение и получил указ. Причина столь спешного визита князя в Москву исходила не от него, а от вымских и вычегодских зырян и русских, которые очень опасались лишиться большей части прибыли от выгодной торговли и от побочных доходов, связанных со сбором ясака, если местные жители подчинятся новым пришельцам. Некоторые из тех торговых людей жили среди остяков на Оби постоянно, особенно во время зимней охоты. Они и склонили Лугую и жителей упомянутых селений принять столь спешное решение о подаче прошения для получения особой царской защиты. Но, как оказалось, все хлопоты были излишни, т.к. по окончании зимы 1586 г. воевода Мансуров со своими служилыми людьми спустился вниз по Оби и через Югорский Камень отбыл обратно на Русь [16, 57].

В зимней деревне *Мувыңтёс-Пăвыл* до 1938 г. было больше 20 домов, в летней – больше 18 домов, кроме них две семьи, Солянова Якова Яковлевича и Хозумова Алексея, кочевали на Урале, пасли общее стадо оленей жителей деревни и колхоза. Колхозное стадо тоже состояло из оленей, собранных (отобранных) у колхозников. Коммунисты в несколько этапов раскулачили всех манси, кто имел оленей, охотничьи и рыболовные снасти, имел запасы продуктов.

Позже 20 мужчин репрессировали 05.12.1937 г. и расстреляли в Ханты-Мансийске 21.01.1938 г. (осуждены безвинно, 7.03.1959 г. все реабилитированы посмертно [4, 63-173]). Остались женщины, подростки, дети. В жестокий голод 1939 г. без мужчин-кормильцев умирали целыми семьями. При реорганизации колхозов в 1938-1941 гг. жителей, согласно правительственному приказу, насильно переселили в *Хёслёх-Пăвыл* 'деревня длинных логов' (д. Хошлог), где они своими силами собрали (из перевезенных домов) и вновь поставили 28 жилых домов и 14 общественных строений, для которых использовали дома репрессированных. Раскорчевали весь лес вокруг деревни для посадки картофеля (манси в пищу картофель не употребляли). Добротные дома из летней деревни вывезли во вновь созданный посёлок Сосьвинской культбазы (совр. п. Сосьва) на р. Сев. Сосьва. С тех пор древнее поселение *Мувыңтёс-Пăвыл* не существует...

В 1920-1930 гг. дети из *Мувыңкёс-Пăвыла* жили и учились в школе-интернате *Сұкыр-Я-Пăвыла* 'деревня [возле нерестовой] реки щёкура' (д. Щёкура). После 1938 г. в *Хёрың-Пăвыле* и *Хёслёх-Пăвыле* из старых домов построили школы, где дети с 7 лет и подростки (до 14 лет) учились в школе до 4 класса, с 5 класса учились в п. Сосьва (в 150 км). Никто из них не владел русским языком, учили его как иностранный. На родной (мансийский) язык в школе был наложен строгий запрет. Носить национальную одежду запретили. Дома тоже нужно было говорить на русском. В результате такого тоталитарного режима в советской политике 1920-1970 гг. и перегибов в программах по образованию в период с 1980-2013 гг. для современных манси всех возрастов родной язык стал иностранным, как раньше русский. Кроме школы, в деревнях были и медпункты. Работали фельдшера.

Во время Великой Отечественной войны оставшихся после репрессий мужчин мобилизовали на фронт уже после переселения в *Хёслох-Пăвыл*. Кто не знал русский язык, отправляли в трудовую армию, где они погибали от голода, истощения и болезней. С войны в деревню вернулись искалеченными, но живыми, только четверо: Овёсов Егор Семёнович (он родился и жил в *Хёслох-Пăвыле*), Меров Прокопий Фотеевич, Лончаков Пётр Дмитриевич, Меров Василий Никитич, который служил в блокадном Ленинграде. Во время ВОВ в деревню привозили спецпереселенцев калмыков, которых расселяли по домам жителей. Манси делились с ними рыбой, мясом, крупами, мукой (хотя сами голодали). Калмыки-южане, легко одетые, в лютые морозы вместе со всеми рыбачили, возили лес для фронта. Выжили все, кроме двоих: старенькой женщины и девочки-подростка, которая тяжело болела. В *Саран-Пăвыле* 'зырянская деревня' (п. Саранпауль), наоборот, умерло много калмыков, т.к. они жили на берегу в сырых и холодных землянках-норах. После войны в 1947 г. им разрешили вернуться на родину (информанты Р.В. Меров; Е.И. Ромбандеева).

До 1953 г. в середине деревни между домами было картофельное поле. В то время над колхозом «Большевик» шефствовала Полярно-Уральская геологическая экспедиция № 105, базировавшаяся в *Саран-Пăвыле*, которая помогала посадить и выкопать картофель, построила бани (для колхозников *Хёслох-Пăвыла*), электростанцию, в дома провели электричество (но станция быстро сломалась). Школа была только для начальных классов, старшеклассники учились в п. Сосьва (в 150 км).

Не успели люди отойти от военного лихолетья, как в 1953-1955 гг. снова началась реорганизация колхозов. Хошлогский, Хурумпаульский колхозы соединили с Ломбовожским колхозом. Новые и старые дома и постройки, школу, медпункт, магазин, скотные дворы в *Хёслох-Пăвыле* разобрали и перевезли в *Лёпмұс-Пăвыл* (сокр. вар. от *Лёпың-Ұс-Пăвыл* 'деревня [возле реки] Лопынг с городищем'; древний вар. *Лапум-Ұс-Пăвыл*

‘деревня возле возвышенного городища’ (совр. д. Ломбовож), а в древности обиходно по-русски Лянинский городок) [11]. Фронтоники Е.С. Овёсов, В.Н. Меров и П.Ф. Меров отказались ехать, и их многодетные семьи остались без крова (наспех построили домики, в которых потом жили). Оставшиеся старики, кто не уехал, дожили свой век в *Хёслох-Павыле*. Теперь с названием Мунгесы, Хошлог деревни значатся только в исторических и архивных документах, да в свидетельствах о рождении бывших жителей. Однако праправнуки жителей древней деревни *Мувыңтёс-Павыл* сейчас в *Хёслох-Павыле* постепенно строят дома и на выходные приезжают домой, где родились и выросли. Уже 18 строений в деревне, а старые свои дома хозяева сохраняют, как могут, которые стоят как памятники о предках, жителях *Мувыңтёс-Павыла*. Между тем, по иронии судьбы, в списках Саранпальской территориальной администрации, куда относится *Хёслох-Павыл*, он не значится со времён «перестройки», нет такого населённого пункта в их перечне [1, 14-28].

Домики, построенный Ромбандеевым Иваном Петровичем (дедушка автора статьи) как временное жильё для сезонного лова рыбы, стоит уже сто лет. После ареста и расстрела И.П. Ромбандеева его жена М.Д. Ромбандеева с 1940-1970 гг. проживала в этой холодной времянке, т.к. дом перевезти из зимней деревни и собрать было некому (было запрещено помогать семьям репрессированных).

В итоге войны, смена власти, политические и экономические перемены, реорганизация с древности и до наших дней жестоко прошла по судьбам жителей маленьких мансийских поселений, располагавшихся локально и в отдалении друг от друга. Будем считать, что потомки сохраняют память о своих предках, сберегут в потомках память о своей малой родине. Так, саранпальские и сосвинские школьники со своими учителями вплотную занимаются восстановлением истории древних городищ и селений по рр. Ляпин и Сев. Сосьва. Уже проведён второй совместный с учёными семинар по данной теме в Саран-Павыле; восстанавливаются и проводятся национальные праздники со сценариями из истории народов манси, коми, ненцев, ханты; звучат, как и в старину, песни на родных языках в исполнении молодых и пожилых местных талантливых исполнителей, одетых в национальные костюмы; постепенно восстанавливается забытый, но востребованный фольклор северян (коми, манси, ненцев, ханты); молодёжь, уважая свой род, старается говорить на родном языке предков и гордится своим родовым кланом, особенностями его одежды, тамгой, дети которых будут изучать по учебникам историю малой родины предков. Мудрые старейшины всегда помогут им своими знаниями и опытом. Но как и многие века назад, и в будущем Святые покровители *Нёр Ойка, Пәкв Пёсы Войкан Отыр, Хёнт Тёрум Ойка, Сүй-Ур-Эква, Патум Пирва Лёлит Отыр, Я Талих Сәт Отыр, Алы Рёщ Ойка*, он же и *Йипыг Ойка, Отыр Пыг* [7, 22-80] исчезнувшего *Мувыңтёс-Павыла*

и оставшихся *Хёслох-Павыла, Хёрың-Павыла, Лёпың-Ус-Павыла* всегда будут помогать и защищать своим покровительством всех, кто бы там ни жил.

Литература

1. Слинкина Т.Д. Мансийские оронима Урала: научное издание / Т.Д. Слинкина. – Ханты-Мансийск: ОАО «Изд. дом «Новости Югры», 2011. – 480 с.
2. Гофман Э.К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой / Э.К. Гофман. – СПб., 1856. – Т. 2. – 553 с.
3. Стражеский Н.И. Дневник Стражевского // Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой / Сост. Э.К. Гофман и др. – СПб., 1856. – Т. 2. – С. 83-96.
4. Книга расстрелянных. Мартиролог погибших от руки НКВД в годы большого террора (Тюменская обл.). / Сост. Р.С. Гольдберг. В 2 т. – Т. 2. – Тюмень: Изд-во «Тюменский курьер», 1999. – 464 с.
5. Слинкина Т.Д. Героическая песня о Святом хозяине устья Сыгвы – сына Торума / Т.Д. Слинкина // Мировоззрение обских угров в контексте языка и культуры: материалы Всеросс. науч. конф. (Ханты-Мансийск, 19-22 мая 2008 г.). – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – С. 81-86.
6. Munkácsi Bernat. Vogul népköltési gyűjtemény / Bernat Munkácsi. Budapest, 1896. К. IV. – lap 432-440; К. II. – lap 256-276; 523-525.
7. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. – Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 1993. – 208 с.
8. Государственный архив Югры, фонд № 340, опись № 2 л., дело № 57, № 58.
9. Государственный архив Югры, фонд № 69, опись № 2 л., дело № 7; № 14; № 35.
10. Государственный архив Югры, фонд № 340, опись № 2 л., дела с № 1 по № 73.
11. Хромов В.В. Край запаха тайги (очерки по истории вогульских посёлков Северной Сосьвы). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 150 с.
12. Мифы, предания, сказки хантов и манси / пер. с хант., манс., немецкого языков, сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной; под общей ред. Е.С. Новик. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит. 1990. – 568 с.
13. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. Кн. 1. [Репр. воспроизведение изд.]. – М.: Либерея, 1998. – 370 с.
14. Миллер Г.Ф. История Сибири / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Вост. лит. – Т. 1. – 2005. – 630 с.; Т. 2. – 2000. – 796 с.; Т. 3. – 2005. – 598 с.
15. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. В 3 т. – М.: Либерея. – Т.1. – 1995. – 281 с.; Т.2. – 1996. – 353 с.
16. Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней) / Отв. ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург: «ИД «СОКРАТ», 2008. – 472 с.

Информанты

1. Анямов Степан Николаевич (02.12.1964), д. Тресколье Ивдельского района Свердловской области. Постоянный информант.
2. Кондина Галина Рудольфовна (27.07.1974), г. Ханты-Мансийск. Постоянный информант.
3. Меров Рудольф Васильевич (07.07.1947), житель д. Хурумпауль Берёзовского района Тюменской области.
4. Мерова Акси́нья Степановна (12.04.1932-12.04.2011), д. Хурумпауль Берёзовского района Тюменской области.
5. Мерова Мария Сергеевна (08.02.1938), бывшая жительница д. Хурумпауль и д. Хошлог Берёзовского района Тюменской обл. Живёт в г. Ханты-Мансийск. Постоянный информант.
6. Панченко Людмила Николаевна (12.06.1976), родом из д. Хурумпауль Берёзовского района Тюменской области. Постоянный информант.
7. Ромбандеева Мария Дмитриевна (02.08.1885-27.06.1979), жительница д. Мунгесы (до 1940 г.) и д. Хошлог Берёзовского района Тюменской области. Бабушка автора статьи.
8. Ромбандеева Евдокия Ивановна (22.04.1928), доктор филологических наук, г. Ханты-Мансийск. Бывшая жительница д. Мунгесы и д. Хошлог. Постоянный информант.
9. Саратина Валентина Дорофеевна (26.03.1953) из рода Волковых, п. Игрим Берёзовского района Тюменской области. Бывшая жительница д. Хурумпауль.
10. Хозумов Николай Иванович (24.03.1932), житель д. Хурумпауль, живёт у дочери в г. Ханты-Мансийск. Постоянный информант.
11. Хозумова Людмила Ивановна (30.05.1964), п. Саранпауль. Родилась и жила в д. Хурумпауль.

Есть ли будущее у традиционной экономики коренных малочисленных народов Севера (на примере Ямала)?

В.И. Смorchкова, доктор экономических наук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва

Аннотация. До 70-х годов прошлого века сельскохозяйственное производство на Ямале было основой экономики округа и опорой традиционного многовекового уклада жизни коренных народов Севера. И сегодня на Ямале выпасается свыше 650 тысяч оленей, что составляет 53% от

общероссийской численности и 30% мировой, в водоемах округа обитает треть мировых запасов рыбы ценных сиговых пород.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, традиционная экономика, оленеводство, промышленное освоение.

Ямало-Ненецкий автономный округ – единственный российский регион, где проживает около 75% всех кочующих народов Севера. Кроме того, автономный округ, является одним из 25 регионов, входящих в восьмёрку арктических государств. Одной из особенностей округа является низкий экологический потенциал природной среды, связанный с неспособностью природных вод и почв к самоочищению, замедленным самовосстановлением экосистем и неустойчивостью ландшафтов и, следовательно, высокой степенью уязвимости.

Сегодня все чаще задается вопрос: что будет, когда через 50-100 лет углеводороды перестанут быть востребованными? Что останется нашим потомкам?

Промышленное освоение ресурсной базы Ямало-Ненецкого автономного округа оказывает существенное влияние на развитие региона. Кроме строительства многочисленных инфраструктурных объектов: железных и автомобильных дорог, магистральных и промысловых трубопроводов, объектов энергетики, что создаст определенные условия для социально-экономического развития территории, предусматривается ряд компенсационных мер, направленных на минимизацию отрицательного воздействия индустриального освоения, на исконную среду обитания и традиционный уклад жизни коренных малочисленных народов Севера.

С учетом особенностей региона ОАО «Газпром» реализует программу освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающего шельфа, в зону влияния которой вовлечены два муниципальных образования – Ямальский и Приуральский районы. С целью осуществления компенсационных мероприятий ООО «Газпром добыча Надым» был подписан договор пожертвования (от 16.12.2008 г. № 2008/12/0861). Объем финансирования на 4 года составлял 7 414 62,0 тыс. рублей.

Компенсационные мероприятия предусматривали ряд проектов по ремонту, реконструкции и строительству жилищного фонда, объектов социально-бытового обслуживания, культуры, образования и здравоохранения, объектов переработки агропромышленного комплекса – всего 109 различных объектов, а также осуществление мероприятий по гармоничному сочетанию индустриального и традиционного укладов жизни, природоохранные и природовосстановительные мероприятия.

Инвестиции ОАО «Газпром» позволили обеспечить привлечение средств федерального бюджета в рамках программы «Социальное развитие

села до 2012 года», что предусматривало строительство объектов социальной сферы и улучшение жилищных условий граждан, проживающих в сельской местности, и обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов на селе.

Сегодня продовольственные ресурсы резко, буквально в геометрической прогрессии, растут в цене. Борьба за продовольственные ресурсы, наряду с борьбой за углеводородные ресурсы, приобретает особую актуальность.

Агропромышленный комплекс Ямала, базирующийся на традиционном хозяйствовании КМНС (оленоводство, рыболовство), является привлекательным для инноваций и инвестиций. На модернизацию АПК предусматриваются не только бюджетные инвестиции, но и крупного бизнеса, работающего в округе.

По расчетам ямальских специалистов в автономном округе на одно рабочее место в сельском хозяйстве приходится 1-2 рабочих места в городах. В мировой практике одно рабочее место на селе создает до 5-6 новых рабочих мест. В этой взаимосвязи виден серьезный потенциал АПК с точки зрения создания высококвалифицированных рабочих мест под производство продукции с высокой добавочной стоимостью и реализации инновационных проектов в городах.

Биологические ресурсы непосредственно связаны с экологической обстановкой и природной средой, комфортным проживанием человека, поэтому важно сохранить биологическое разнообразие Арктики. АПК – единственная, не связанная с добычей углеводородов отрасль; она, в отличие от таких секторов экономики, как строительство, инфраструктура, сервисные отрасли, не завязана на топливно-энергетический комплекс, и с её развитием реально сохраняется качество окружающей природной среды.

Оленеводство, к примеру, дает только с первичной глубокой переработки одного оленя доход до тысячи долларов США. Расчеты показывают, что при воспроизводстве домашнего оленя в 25-30%, можно иметь ежегодный доход до 150-и миллионов долларов – и это только при первичной переработке. С учётом же глубокой переработки и использования ценного биологического сырья в фармакологии объём продукции может быть значительно увеличен, стоимость продукции может вырасти на порядок (до полутора миллиардов долларов).

Переработка оленины – безотходное производство. По мнению руководителя самой крупной государственной сельскохозяйственной корпорации Китая, первичная переработка продукции оленеводства в России оценивается на уровне 5-7 долларов, а из этой же продукции при вторичной переработке можно получить лекарств на 250-300 долларов.

Применение новейших технологий увеличивает стоимость продукции в 60 раз. А это уже сопоставимо с минеральными ресурсами, которые являются невозобновляемыми.

Биоресурсы Ямала – уникальны, сегодня это уже стало брендом, хорошо известным миру. На гербе округа именно олень находится в центре. Здесь, кроме эстетики, заложен глубинный смысл. Олень (с ненецкого – дающий жизнь) на гербе как символ благополучия, самодостаточности, уверенности и инвестиционной привлекательности Ямала увенчан нефтегазовой короной.

Брендом можно сделать и самобытную культуру кочующего на протяжении тысячелетий населения. Это многовековой традиционный уклад жизни, сопровождаемый традиционной хозяйственной деятельностью, в основе которой ценнейшие биологические ресурсы планеты.

Очевидно, что с нарастанием общемировой тенденции продовольственного обеспечения, создания стратегического запаса на перспективу и обострения борьбы за экологически чистые биоресурсы, роль Ямала будет только возрастать.

Факторами, препятствующими привлечению инвестиций в АПК Ямала, являются:

1. Недостаток высококвалифицированных кадров – инновационно мыслящих и готовых системно управлять проектами развития;
2. Недостаток готовых к внедрению (коммерциализации) научных разработок на основе создания новых прорывных технологий, способных создавать продукцию с высокой добавочной стоимостью (на порядки выше сегодняшней продажи сырья);
3. Неразвитость инфраструктуры (транспортной и телекоммуникационной);
4. Высокая стоимость энергоресурсов, которая значительно повышает себестоимость продукции сельского хозяйства и снижает конкурентоспособность на рынке;
5. Несогласованность позиции государства.

Мы можем потерять имеющиеся возможности и конкурентные преимущества в будущем на мировом рынке. Так, как это получилось, когда Россия – осетровая страна – потеряла первенство по черной икре, и главным экспортером стал Китай. По сообщению управления Россельхознадзора, 24 февраля 2010 г. партию в 800 тысяч штук оплодотворённой икры сиговых рыб тобольские рыбопроизводители отправили в Китай. Икра была получена в Сузгунском рыбопроизводном цехе федерального предприятия «Госрыбцентр», и это уже не первая отправка «живого серебра». Китай стал лидером – с большим отрывом – по вылову рыбы в мире (39%) и по рыбопроизведению. В настоящее время появилась реальная угроза утраты нашей ниши на мировом рынке сиговых – по муксуну, нельме и чирю.

Ямал инвестиционно привлекателен не только в нефтегазовой промышленности, но и в АПК, благодаря уникальным биологическим и минеральным ресурсам, данными природой конкурентными преимуществами, а также активными (пассионарными) и способными людьми. В Ямало-Ненецком автономном округе есть опыт сотрудничества на международном рынке и политическая воля к формированию мощного арктического агропромышленного центра, который будет способствовать повышению инвестиционной привлекательности России в целом. Опыт Ямала необходимо тиражировать в другие арктические регионы России.

В настоящее время очень важно продолжать рассмотрение вопросов об эффективности и адекватности правового закрепления корпоративной социальной ответственности бизнеса. Востребованность и необходимость развития корпоративной социальной ответственности бизнеса, ее поддержки со стороны государственной власти не вызывают сомнений.

Помимо расширения законодательной базы, в области корпоративной социальной ответственности бизнеса необходимы изменения в действующую систему подготовки кадров.

Развитие корпоративной социальной ответственности бизнеса требует единого понимания сущности КСО, ее системного характера. Компании фокусируют свое внимание на разных элементах КСО, а их определения дефиниции различаются охватом уровней КСО, соответствующих пирамиде А. Керолла.

Интеграция принципов КСО в корпоративную стратегию долгосрочного развития компании подразумевает развитие стратегической КСО и реализацию ее инновационного потенциала.

Рассматривая состояние и перспективы развития кадрового обеспечения инновационной экономики Севера, особую озабоченность вызывает кадровый корпус прикладной науки. Если в 1992 году конструкторских бюро, выполнявших опытно-конструкторские работы, насчитывалось порядка 865, то сегодня их осталось всего 482 (сокращение почти в два раза), соответственно были потеряны их кадры [1, 249]. Сохранившиеся 50 государственных научных центров не в состоянии, по свидетельству вице-президента РАН С. Алдошина, «заполнить опустевшую нишу».

Литература

1. Матвеев А.С. Социально-экономическое положение Российского Севера: Проблемы, пути решения. – М.: Современная экономика и право, 2012. – 390 с.

Социологический анализ проблемы информированности молодежи коренных малочисленных народов Севера (на примере г. Ханты-Мансийска и сельского поселения Саранпауль)

Н.В. Ткачук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы низкой информированности, информационной доступности молодежи коренных малочисленных народов Севера (КМНС). О наличии данной проблемы в среде сельской молодежи из числа коренных народов позволяют судить результаты социологических опросов.

Ключевые слова: социологический опрос, коренные малочисленные народы Севера, молодежь, респонденты, проблемы информированности, информационная доступность, Интернет.

Информированность и владение необходимой информацией влияет на самоорганизацию человека, способствует в некоторой степени разрешению возникающих вопросов. Информация социальная несет совокупность сведений, объективно необходимых для устойчивого функционирования социального организма, необходимой для разрешения вопроса и является комплексом знаний о состоянии и взаимодействии различных институтов общества... [1, 170]. По мнению социологов, одним из условий существования и трансформаций человеческой цивилизации, бесспорно, является информационная (шире – социокультурная) среда, которая, не спрашивая на то индивидуального разрешения или согласия, окружает каждого из нас, как вода в океане, и от которой все мы, так или иначе, но зависим: узнаем новости.... И поскольку эта среда людьми же и создается, можно говорить о постоянных взаимодействиях и взаимовлияниях человека с его информационной средой... [2].

Чтобы не быть субъективными при анализе проблемы информированности, информационной доступности среди молодежи, мы рассмотрели ключевые документы, касающиеся молодежной политики, в которых наряду со значимыми проблемами затронута проблема информирования молодежи. В Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации, отмечено «...о вовлечении молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития...» Государственная молодежная политика призвана объединить государственные и негосударственные ресурсы, что предполагает межведомственный характер взаимодействия в целях: системного вовлечения молодежи в общественную жизнь и

развития навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны, информирования всех молодых людей о возможностях их развития в России [3]. В соответствии со ст. 19 окружного закона «О реализации государственной молодежной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» предусмотрено обеспечивать информационное сопровождение посредством сбора и анализа информации по всем направлениям молодежной политики, проведения мониторинга молодежных проблем, предоставления информации молодежи, издания информационных материалов для молодежи и пр. [4]. В Программе «Молодежь Югры» на 2011-2013 годы, опираясь на региональные социологические исследования, затронуты значимые для региона проблемы, среди них недостаточность информированности молодежи о проводимых государственными и муниципальными органами исполнительной власти, общественными организациями проектах, направлениях работы [5].

С целью выяснения актуальных проблем в среде молодежи из числа КМНС сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) проводятся ежегодные социологические опросы в районах компактного проживания коренных народов Югры. Опираясь на результаты социологических данных, полученных путем анкетирования, мы можем говорить о большом ряде проблем, волнующих молодое население Югры. На вопросы анкеты респондентам предлагается ответить, выбрав не более пяти вариантов ответа, таким образом, сузив обозначенный ряд проблем до проблем, имеющих в данный момент наибольшее значение.

В своих ответах, суждениях молодежь поднимает острые социальные проблемы, требующие решения: улучшение жилья, трудоустройство молодых специалистов, безработица, адаптация на рынке труда, доступность и качество медицинского обслуживания, алкоголизм и пр. В ходе опросов юношам и девушкам предлагалось ответить на ряд ключевых вопросов анкеты, среди которых: «Назовите наиболее актуальные проблемы молодежи Югры», «Как вы считаете, какие первоочередные проблемы молодежи необходимо решать в вашем населенном пункте?», «Что особенно тревожит сельскую молодежь в настоящее время?» Полученные результаты показали наличие проблемы информированности, информационной доступности в молодежной среде, что послужило основанием обратить на их внимание.

В 2011 году опрос состоялся среди студентов г. Ханты-Мансийска в возрасте от 16 лет до 30 лет ($n^1 = 78$). На вопрос об актуальных проблемах молодежи анкетирруемыми была отмечена проблема информационной

доступности. Что имели в виду молодые люди, когда говорили о недостаточной информированности? В беседах и интервью с ними мы выяснили, что 24,4% респондентов не знают о существовании и направленности работы молодежных центров, напротив, только 10,3% респондентов – знают о работе центров и обращались за консультацией, 15,4% не владеют достаточной информацией о мерах поддержки, которые касаются молодежной аудитории, и 9% от опрошенных ответили, что пытаются самостоятельно владеть необходимой информацией (табл. 1). Преобладали ответы «не знаю» (12,8%) или «затрудняюсь ответить» (59,0%) при ответе на вопрос «Какие органы государственной власти на территории Югры курируют вопросы молодежной политики?».

Таблица 1

**Ответы респондентов на вопрос
«Достаточно ли вы получаете информацию о мерах поддержки,
которые касаются именно молодежи?» (n=78) опрос 2011 г.**

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да, достаточно	0	0,0
Нет, не получаю информацию	12	15,4
Необходимую мне информацию ищу самостоятельно	7	9,0
Затруднились ответить	60	76,9

В июне 2013 года сотрудниками ОУИПИИР был проведен очередной социологический опрос на территории с.п. Саранпауль Березовского района. В данном анкетном опросе участвовали молодые семьи с детьми, представители молодежи, состоящие в браке, не состоящие в браке. В опросе участвовало 83 респондента в возрасте от 14 до 35 лет, мужчины – 39,8%, женщины – 60,2%, по национальному составу: манси – 83,1%, ханты – 2,4%, ненцы – 9,6%, другие – 2,4%. Наибольшее количество респондентов составило в возрасте от 21 до 30 лет. На вопрос «Ваш род занятий», 38,6 % респондентов указали «безработный», среди них: официально зарегистрированные в центре занятости, безработные незарегистрированные, безработные женщины по уходу за детьми. Значительная часть опрашиваемых (48,2%) указали среднее образование, далее по убывающей – 18,1% респондентов со средним специальным, 6,0% – высшее, 3,6% – незаконченное высшее, 2,4% – начальное образование. По результатам опроса выяснили, что сельскую молодежь тревожат сложности с трудоустройством, сменой профессии для дальнейшего трудоустройства, недостатком денежных доходов молодых семей и пр. На вопрос «Как вы считаете,

¹ n – количество респондентов.

какие первоочередные проблемы молодежи необходимо решать в вашем населенном пункте?» (респондентам предлагалось выбрать не более пяти вариантов ответа). Среди таких проблем, как алкоголизм и пьянство, организация рабочих мест, отсутствие рабочих мест, организация досуга, 18,1% респондентов отметили «отсутствие информации», «недостаточное владение необходимой информацией». Молодые респонденты хотят знать больше информации о мерах государственной поддержки семей с детьми, справочную информацию о поступлении в учебные заведения, о мерах поддержки молодых специалистов при трудоустройстве, о работе окружных программ (в основном жилищных), социальном законодательстве и пр. Так, например, на вопросы «Достаточно ли вы владеете информацией о работе окружных целевых программ²», «Вы самостоятельно интересуетесь государственными программами (федеральными, региональными), касающимися поддержки молодых специалистов при трудоустройстве, при решении жилищных вопросов?», преобладали ответы «нет» – 83,1%, соответственно 56,6% от числа опрошенных молодежи КМНС (табл. 2, 3).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос «Достаточно ли вы владеете информацией о работе окружных программ?» (n=83)

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да	5	6,0
Нет	69	83,1
Другое	5	6,0
Затруднились ответить	4	4,8

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос «Вы самостоятельно интересуетесь государственными программами (федеральными, региональными), касающимися поддержки молодых специалистов при трудоустройстве, при решении жилищных вопросов?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да	29	34,9
Нет	47	56,6
Другое	2	2,4
Затруднились ответить	5	6,0
Итого	83	100,0

² Целевая программа «Улучшение жилищных условий населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2011-2013 годы на период до 2015 года»; Целевая программа «Содействие занятости населения на 2011-2013 годы и на период до 2015 года».

На вопросы: «Вы являетесь участником программы по улучшению жилищных условий?», «Вы зарегистрированы в очереди на улучшение жилищных условий в своем поселке», отвечали: «Да, что-то слышала о субсидии на жилье, но точно не знаю» (респондент – девушка манси, 25 лет), «На материнский капитал не оформлялась. Надо собрать справки, если еще не опоздала...» (ответ молодой мамы, воспитывающей троих детей в возрасте 3 месяца, 2 года, 3 года).

Аналогичные случаи не частные, в большинстве своем молодые люди не владеют социальной информацией. Подобные высказывания во время интервью и суждения респондентов в личных беседах еще раз обратили наше внимание на присутствие проблемы низкой информированности среди молодого населения. Низкая информированность среди жителей отдаленных сел как одна из причин того, что в сельских поселениях округа с численностью населения 600², молодые семьи до сих пор не владеют необходимой информацией, поскольку большинство мер государственной социальной поддержки носит заявительный характер, требуют самостоятельного обращения гражданина. Также в подобных случаях не исключено, что отсутствует связь между органами местной власти и молодым населением, которая может заключаться в консультационной поддержке граждан.

В продолжение темы информированности среди молодежи, в ходе социологического опроса респондентам предлагалось ответить на вопросы доступности средств информации. На вопрос «Вы имеете свободный доступ к сети интернет-связи у себя дома?» более половины опрошенных (74,7%) не имеют свободного доступа к сети Интернет у себя дома, а 19,3% респондентов выбрали вариант ответа «да» (табл. 4.).

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос «Вы имеете свободный доступ к сети интернет-связи у себя дома?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да	16	19,3
Нет	62	74,7
Затруднились ответить	5	6,0
Итого	83	100,0

Ответы респондентов на вопрос «Из каких источников вы получаете нужную для себя информацию?» показали, что передача информации происходит, через знакомых, друзей, родственников (72,3%). Затем значимую информационную роль играют средства массовой информации (25,3%), чаще телевидение, широким спросом пользуются современные многоканальные телевизионные приставки, спутниковые антенны в основном для просмотра

фильмов, развлекательных шоу и т.п. Небольшая доля респондентов (12,0%) отметили, что в качестве источника информации служат интернет-ресурсы (табл. 5).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос «Из каких источников вы получаете нужную для себя информацию?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Интернет-ресурсы	10	12,0
От знакомых, друзей, родственников	60	72,3
Из СМИ	21	25,3
Затруднились ответить	7	8,4
Итого	83	100,0

Необходимость говорить о недостаточной, малой информированности сельской молодежи, низком использовании коммуникационных ресурсов становится более актуальной в условиях всеобщей информатизации нашего округа в рамках работы окружной Программы «Информационное общество – Югра на 2011-2015 годы». Программа включает восемь показателей конечных результатов, среди которых предусмотрено создание условий для предоставления доступа в сеть Интернет в труднодоступных населенных пунктах автономного округа с использованием спутниковых технологий, на постепенное увеличение доли населения (в 2012 г. – 88,15%, в 2013 и последующих годах – 90,36%), проживающего в населенных пунктах, подключенных по высокоскоростным линиям связи [6].

В многообразии потоков информации современный человек вынужден активно использовать сетевое пространство. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, доля россиян, пользующихся Интернетом, продолжает расти. В настоящий момент пользователями Сети являются уже 60% россиян, причем 40% выходят в Сеть ежедневно (год назад – 30%), все меньше становится доля тех, кто Интернетом не пользуется (с 50% до 40% в год) [7].

Данные социологических опросов показывают о присутствии проблемы недостаточной информированности среди молодежи КМНС, особенно в сельской местности. Целью опроса не стояло определить степень информированности среди разных молодежных аудиторий. Полагаясь на дальнейшие социологические опросы, степень информированности может быть определена по ряду факторов: роду занятий (студент, безработный, домохозяйка и др.), месту жительства (город, сельская местность), уровню

образования, кругом интересов и пр., необходимо учесть пропорциональное количество участников опроса.

Исходя из официальных документов³, решение проблемы недостаточной информированности молодежи заключается лишь в информационно-методическом обеспечении государственной молодежной политики. Но, опираясь на полученные данные, можем сказать, что низкое использование коммуникационных ресурсов, сети Интернет само собой исключает возможность воспользоваться справочными материалами официальных порталов региона, например, «Электронный гражданин Югры», «Молодежный портал Югры» и др., нацеленные для пользования молодой аудиторией.

Литература

1. Российская социологическая энциклопедия / Под общей редакцией академика РАН Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1999. – 672 с.
2. Адамьянц Т.З. Человек в информационной среде [Электронный ресурс]. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=895 (дата обращения: 01.10.2013).
3. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации утверждена распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 года № 1760-р (Изменения от 16 июля 2009 года № 997-р) [Электронный ресурс]. URL: <http://government.consultant.ru/page.aspx?895995> (дата обращения: 15.10.2013).
4. Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 апреля 2011 года № 27-оз «О реализации государственной молодежной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» // Официальный сайт органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doinhmao.ru/doc/law-Ugra/> (дата обращения: 15.10.2013).
5. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры № 268-п от 29.10.2010 «О целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Молодежь Югры» на 2011-2013 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admhmao.ru/wps/portal/hmao/dokumenty/targetp/doc> (дата обращения: 10.10.2013).
6. Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 октября 2010 г. № 265-п «О целевой программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Информационное общество – Югра» на 2011-2015 годы» [Электронный ресурс]. URL:

³ Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 30 апреля 2011 года № 27-оз «О реализации государственной молодежной политики в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре»; целевая программа «Молодежь Югры» на 2011-2013.

http://www.depit.admhmao.ru/wps/portal/it/home/celeveye-programmy/dokument/inf_ugra/ (дата обращения: 11.10.2013).

7. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113106> (дата обращения 09.10.2013).

Геоэкологические проблемы Ханты-Мансийского района Югры в разрезе социологических исследований

С.Х. Хакназаров, кандидат геолого-минералогических наук
*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. В статье обобщаются и анализируются геоэкологические проблемы Ханты-Мансийского района Югры в контексте теоретических и социологических исследований. Обобщаются результаты социологических исследований, проведенных в 2008 году на территории района. Сравнительно анализируются взгляды респондентов района с взглядами респондентов Нефтеюганского района по некоторым ключевым вопросам.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, эксперты, окружающая среда, загрязнение, экологические проблемы, экологическое состояние, ухудшение, улучшение, окружающая природная среда.

Проблемы экологии и охраны окружающей среды в наши дни играют важную роль в вопросе выживания человечества. Актуальность данной проблемы проявляется во всех климатических поясах земного шара. В условиях Крайнего Севера и приравненным к ним местностям природная среда при воздействии промышленного комплекса, особенно в ресурсодобывающих районах, трудно поддается восстановлению. Беспредельный и бесконтрольный рост потребления природных ресурсов без учета экологических ограничений и развития совершенной технологии может привести в недалеком будущем к глобальному экологическому кризису.

Известно, что промышленное освоение углеводородного сырья (нефть и газ) так или иначе затрагивает интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Это связано с тем, что месторождения углеводородного сырья, удовлетворяющие промышленные нужды, сосредоточены в основном на территориях традиционного природопользования (ТТП) КМНС. К ним относятся: родовые, общинно-семейные и пастбищные угодия. За последние три-четыре десятилетия в округе произошло значительное

сокращение ТТП КМНС. Страдают их основные традиционные виды хозяйственной деятельности, вследствие чего происходит ухудшение социально-экономического положения КМНС, требующего в настоящее время особого внимания.

Как отмечено в докладе «Об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2012 году» [1], основными источниками загрязнения атмосферы округа являются трубы печей и факелы. В докладе приводятся данные государственной статистической отчетности, где отмечено, что в 2012 году выбросы загрязняющих веществ (ЗВ) в атмосферу на территории округа составили 2 429,49 тыс. т, в т.ч.: твердых ЗВ – 119,091 тыс. т (на долю которых приходится 4,9%); газообразных и жидких ЗВ – 2 310,401 тыс. т (составляющих 95,1% от всего объема). В 2011 году при объеме выбросов 2 353,007 тыс. т на долю твердых ЗВ, пришлось 4,95% (116,514 тыс. т), а газообразных и жидких ЗВ – 95,05% (2 236,493 тыс. т),

В целом на территории округа за период 2008-2012 гг. наблюдается тенденция увеличения объемов выбросов ЗВ от стационарных источников. Так, с 2008 г. годовой объем выбросов увеличился с 2 294,23 тыс. т до 2 429,49 млн т в 2012 г. В 2011 году увеличение выбросов на 135,64 тыс. т произошло за счет основных источников ЗВ, расположенных в Нижневартовском районе, на долю которых приходится 41,6% от всего объема выбросов по округу; в 2012 году – в Ханты-Мансийском (345,82 тыс. т) и Нефтеюганском (81,87 тыс. т) районах.

Следует отметить, что основная часть трубопроводов на территории автономного округа имеет высокую степень износа. На сегодняшний день в автономном округе более 50% трубопроводов эксплуатируются сверх нормативного срока. Свидетельством этому служит большое количество аварий на трубопроводах. За 2012 год на нефтепроводах, водоводах, газопроводах и продуктопроводах автономного округа произошло 3 209 аварий [1].

Главная причина произошедших аварий является коррозия металла. Все аварии имеют категорию «локальная». Первостепенными причинами большого количества аварий на трубопроводах, эксплуатируемых на территории автономного округа, являются: эксплуатация оборудования, включая трубопроводы, сверх нормативного срока; недостаточное вложение нефтяными компаниями средств, направляемых на реконструкцию и капитальный ремонт трубопроводов, а также строительство новых.

По мнению авторов доклада, ситуацию усугубляют аварии и разливы, которые происходят не только на кустовых площадках, но и на трубопроводах различного назначения: водоводах, внутрипромысловых и межпромысловых нефте- и газопроводах. Причина высокой аварийности трубопроводов заключается в сверхнормативной эксплуатации трубопроводов и

несовершенстве технологий антикоррозийной защиты. В связи с этим подавляющее большинство аварий изношенных трубопроводов происходит из-за внутренней и внешней коррозии.

Следует подчеркнуть, что процессы естественного восстановления природной среды довольно длительны. Поэтому на территориях, на которых происходят аварии и разливы, природные компоненты требуют восстановления и рекультивации. Работы по рекультивации трудоемки и весьма дорогостоящи. Следует принимать во внимание тот факт, что рекультивационные работы зачастую проводятся с нарушением технологий. Проблема аварийных разливов нефтепродуктов и различных реагентов решается путем отсыпки песком, что является вопиющим нарушением технологий рекультивации. В таких случаях проблема не решена, и напротив, особенно усложнена, так как загрязнители остаются в почвах, попадают в поверхностные и подземные воды, мигрируют.

Далеко не последнее место занимает проблема утилизации попутного нефтяного газа, которая решается, главным образом, путем сжигания газа на факельных установках. В связи с этим увеличивается степень загрязнения воздушного бассейна промышленными выбросами, вследствие чего лесные биогеоценозы не успевают нейтрализовать различные токсичные вещества и постепенно деградируют. Данная проблема особенно актуальна для автономного округа, т.к. территория ХМАО – Югры находится в зоне южной, средней и северной тайги, где преобладающие лесные породы представлены хвойными, которые особенно чувствительны к воздействию загрязнений, в частности атмосферного.

При утилизации попутного нефтяного газа в факельных установках 65% продуктов углеводородного загрязнения рассеиваются в атмосферу, 20% поступают в водные бассейны и 15% – в почву. На подфакельных территориях, помимо химического загрязнения, присутствует шумовое и тепловое воздействие на природную среду. В связи с тепловым воздействием в осенний период с устойчивыми отрицательными температурами на древостоях подфакельных территорий наблюдаются признаки активной инвазии вредителей, что обусловлено отепляющим воздействием факела и ослабленным состоянием древостоев.

В настоящее время, несмотря на то, что автономный округ взял курс на сокращение объемов сжигания попутного нефтяного газа, проблема остается актуальной.

Основным источником загрязнения почв и земель в нефтегазодобывающей промышленности являются разливы ЗВ при авариях на трубопроводном транспорте. В 2012 году произошло 3 209 аварий, что на 11% (392 аварии) меньше по сравнению с 2011 годом.

По сведениям нефтегазодобывающих предприятий, на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 01.01.2013 г. числятся

нерекультивированными 5 138 га нефтезагрязненных земель, что на 0,6% (29 га) больше по сравнению с 2011 годом. Увеличение площади нефтезагрязненных земель связано с проведением инвентаризации нефтезагрязненных земель на части лицензионных участков недр ООО «РН-Юганскнефтегаз» (ОАО «НК «Роснефть»).

Наибольшая площадь вновь образованных нефтезагрязненных земель в 2012 году приходится на долю ООО «РН-Юганскнефтегаз» (ОАО «НК «Роснефть») – 143 га.

На территории Ханты-Мансийского района сожжено попутного газа в факелах 2406 млн м³.

Ведут промышленную разработку нефти на территории района такие крупные предприятия, как ОАО «Сургутнефтегаз», ЗАО «Назымская НГРЭ», ОАО «НАК Аки-Отыр», ОАО «РИТЭК», НГДУ «РИТЭК Ханты-Мансийскнефть», ОАО «РИТЭК», НПУ «РИТЭК Белоярскнефть», ООО НК «Сибнефть-Югра», ООО «Газпромнефть-Хантос», ООО РН «Юганскнефтегаз».

По видам экономической деятельности наибольший вклад в общий объем выбросов ЗВ вносит раздел «добыча полезных ископаемых», на долю которого за период 2008-2012 гг. приходится 70-82% выбросов, далее следует раздел «транспорт и связь» – 10-24%. При этом на фоне тенденции снижения объема выбросов от добывающей промышленности растет доля вклада от транспорта и связи [1].

Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха на территории Югры являются: факельные хозяйства предприятий нефтедобычи, котельные и технологические печи, резервуары горюче-смазочных материалов, аварии на нефтепромыслах и магистральных нефтегазопроводах.

Согласно статистической отчетности предприятий, осуществляющих свою деятельность на территории Ханты-Мансийского автономного округа, объемы выбросов ЗВ от стационарных источников на протяжении последних 3 лет имеют тенденцию к снижению. Так с 2008 г. объем выбросов с 2,3 млн т уменьшился к 2010 г. до 2,1 млн т. [2]. Наибольшее количество выбросов ЗВ наблюдается на территории Нижневартовского (2010 г. – 844,517 тыс. т, или 39,7% от общего объема) и Сургутского (2010 г. – 373,851 тыс. т, или 17,6%) районов. В Октябрьском, Белоярском и Ханты-Мансийском районах порядка 7-8% выбросов ЗВ от стационарных источников.

На долю уловленных и обезвреженных ЗВ в 2008-2010 гг. стабильно приходится 0,3-0,4% от общего количества отходящих от всех стационарных источников выбросов.

Освоение нефтяных богатств Западной Сибири внесло свои коррективы. Начало добычи нефти на территории Ханты-Мансийского района относится к 1982 году, когда в окрестностях г. Ханты-Мансийска был организован

первый нефтепромысел. Сегодня на территории района расположены 29 месторождений и участков, перспективных для нефти и газа.

Краткая характеристика района исследований. Ханты-Мансийский район расположен в ландшафтной зоне средней тайги. Площадь 46,4 тыс. км², из них 47,8% занято лесами. На территории района расположено 3014 озер общей площадью 22465 га. Протяженность рек – 16165 км. В реках района обитают ценные породы рыб: осетр, стерлядь, нельма, муксун [3].

Численность населения района составляет 20,13 тыс. чел., из них представители КМНС – 1669 чел.

Связи между населёнными пунктами и райцентром осуществляется в зимний период – автомобильным транспортом, в летний – водным, в межсезонье – вертолетами. По территории района проходит федеральная автомобильная дорога Ханты-Мансийск – Тюмень, строится федеральная дорога Ханты-Мансийск – Нягань – Урал.

Традиционными видами производственной деятельности на территории района являются: рыбодобыча, клеточное звероводство, мясомолочное животноводство, заготовка и переработка древесины.

На сегодняшний день в районе работают следующие сельхозпредприятия: 2 совхоза, 1 колхоз, 3 крестьянско-фермерских хозяйства, одно ООО, одно АО, 2 национальные общины, более 70 фермерских хозяйств, более 50 родовых угодий. Из 59864 га сельскохозяйственных угодий под пашни занято 544 га, залежей – 2169 га, сенокосов и пастбищ – 57150 га.

Согласно информации бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера [4], на территории района расположено 54 территории традиционного природопользования (родовых угодий, общин) КМНС, общей площадью 1013441 га, где проживают 5 семей (9 чел.) коренного населения. Основная их деятельность – охота, рыболовство, заготовка растительных дикоросов. Из общего количества 41 (около 76%) находится в границах лицензионных участков, общей площадью 841 408 га.

По общему уровню социально-экономического развития Ханты-Мансийский район занимает 12 место среди муниципальных образований Югры, 4 место среди муниципальных районов (поднялись с 9 места по факторам развития инвестиций и развития предпринимательства).

Природа района богата грибами, ягодами – черникой, голубикой, брусникой, морошкой, клюквой, а также кедровым орехом. На территории района располагаются Елизаровский республиканский заказник, Васьковский заказник, памятник природы «Шапшинский кедровник». В национальном поселке Кышкет действует этнографический музей, в котором можно познакомиться с самобытной культурой и традициями коренного населения. Большая площадь района и сложный ландшафт затрудняют транспортное сообщение между населёнными пунктами. Зимой приходится содержать

и обслуживать свыше 800 км зимних дорог и несколько ледовых переправ через Иртыш и Обь.

Загрязнение атмосферного воздуха на территории Ханты-Мансийского района определяется преимущественно местными источниками и, в малой степени, атмосферными переносами из других районов. Основными причинами загрязнения атмосферного воздуха являются: промышленные выбросы от предприятий, сжигание попутного нефтяного газа на факелах, испарение легких фракций углеводородов с поверхности аварийных разливов нефти, шламовых амбаров, резервуаров хранения нефти, а также выхлопные газы автотранспорта.

В 2008 г. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические исследования на территории Ханты-Мансийского района Югры. Опросы проводились в анкетной форме. Анкеты содержали вопросы с вариантами ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет, было много устных бесед по наиболее важным проблемам.

В исследованиях 2008 г. приняли участие – 354 респондента. Из них: мужчин – 31,6%, женщин – 68,4%. Из них: КМНС – 67,7%, другие национальности – 36,86%. Возраст респондентов от 18 до 60 и старше лет.

В ходе опроса, в частности, нам было необходимо узнать мнение респондентов о целесообразности и результатов разработки месторождений полезных ископаемых на территории округа.

Задавая вопрос, «Как вы относитесь к разработке полезных ископаемых в нашем регионе?», мы выяснили, что большинство респондентов (50,6%) Ханты-Мансийского района (табл. 1) отрицательно относятся к разработке месторождений полезных ископаемых на территории округа.

Таблица 1

Отношение респондентов к разработке месторождений полезных ископаемых в регионе

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Положительно	114	32,2
Отрицательно	179	50,6
Равнодушно	44	12,4
Затруднялись ответить	17	4,8
Итого	354	100

Положительно относятся к разработкам 32,2% респондентов. Доля респондентов, равнодушно относящихся к промышленным разработкам, лишь 12,4%.

Следует отметить, что отвечая на этот же вопрос в 2002 г., большинство респондентов (51,3%) Ханты-Мансийского района выразило свое положительное отношение к разработке месторождений полезных ископаемых на территории округа. Доля респондентов, отрицательно относящихся к промышленным разработкам 38,46% [5].

Как видим, мнение респондентов по данному вопросу изменилось. Мы полагаем, что это прежде всего связано с тем, что на территории Ханты-Мансийского района в последнее время (по сравнению с 2001-2002 гг.) ведется интенсивное освоение месторождений углеводородного сырья.

Для того, чтобы выяснить причину положительного отношения респондентов к промышленным разработкам полезных ископаемых (особенно углеводородного сырья), нами был поставлен вопрос следующего содержания: «Если положительно, то почему?». Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

Основные причины, по которым респонденты положительно относятся к разработке полезных ископаемых в регионе, %

Варианты ответов	Число ответивших	% от частоты ответов
Это выгодно для экономики региона	46	28,6
Это помогает улучшению и обустройству социальной инфраструктуры района	28	17,4
Создаются рабочие места	78	48,4
Затруднялись ответить	9	5,6
Итого ответивших	161	100,0

Как следует из данных, приведенных в таблице 2, значительное большинство из числа ответивших респондентов полагают, что благодаря разработкам создаются новые рабочие места (48,4%). Мысль о том, что это выгодно для экономики региона высказали 28,6% респондентов. О том, что промышленная разработка полезных ископаемых помогает улучшению и обустройству социальной инфраструктуры района, высказали 17,4% респондентов. Отметим, что при опросе в 2002 г. такую мысль поддерживали 15,38% респондентов района. 21,1% респондентов считают, что это в некоторой степени содействует улучшению и обустройству социальной инфраструктуры района [6].

В аспекте рассматриваемой темы немаловажной является и оценка респондентами экологического состояния региона. Мнение респондентов о том, что происходит в результате промышленных разработок недр, представлено в таблице 3.

Таблица 3

Мнение респондентов о результатах промышленных разработок, (n*= 354)

Варианты ответов	В % **
Улучшается экологическое состояние региона	5,6
Ухудшается экологическое состояние района	63,0
Происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания	32,2
Затруднялись ответить	5,6

* n – число респондентов.

** Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог выбрать до 2-х вариантов ответов одновременно.

Как видно из данных, приведенных в таблице 3, значительное большинство респондентов (63,0%) Ханты-Мансийского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния региона. Отметим, что по результатам предыдущих опросов, проведенных нами в 2002 г. в Ханты-Мансийском районе, 74% респондентов высказали мнение, что в результате промышленных разработок недр все-таки происходит ухудшение экологического состояния региона [6]. А 32,2% респондентов считают, что в результате разработок происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания.

Также думают респонденты из Нефтеюганского района. Большинство респондентов (60,00% и 69,02% в целом по массиву и соответственно по годам) из числа представителей КМНС и экспертов Нефтеюганского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния региона. В отличие от экспертов, респонденты из числа КМНС на второе место поставили вариант, что в результате промышленных разработок происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (30,77% и 24,51% соответственно по годам) [5].

Ответы на вопрос «Как вы оцениваете экологическое состояние региона в настоящее время?» отражены в таблице 4.

Таблица 4

**Оценка респондентами экологического состояния региона
в настоящее время**

Варианты ответов	Населения		Эксперты		В целом по массиву	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Удовлетворительно	163	46,05	23	67,65	186	47,9
Неудовлетворительно	176	49,72	10	29,41	186	47,9
Затруднялись ответить	15	4,24	1	2,94	16	4,1
Итого	354	100,00	34	100,00	388	100,0

Как ни парадоксально, значительное большинство респондентов (67,65%) из числа экспертов отметили удовлетворительное экологическое состояние региона. Неудовлетворительными считают лишь – 29,41% экспертов. Если рассматривать данный вопрос в целом по массиву, то ответы респондентов по данному вопросу распределяются поровну (по 48%).

Отметим, что отвечая на аналогичный вопрос в 2002 г., 71,8% респондентов района отметили неудовлетворительное экологическое состояние региона [5]. Чтобы поддержать или опровергнуть полученные результаты, необходимо провести повторный опрос по рассматриваемому району.

В качестве сравнения отметим, что большинство представителей КМНС и экспертов (68,42% в целом по массиву) Нефтеюганского района отметили неудовлетворительное экологическое состояние региона. Парадоксальность ситуации заключается в том, что при повторном опросе (2008 г.) взгляды респондентов по ответам расходились. Большинство экспертов и представителей КМНС считают, что экологическое состояние региона находится в удовлетворительном состоянии (55,49%). Хотя, как показывают аналитические данные, изложенные выше, на самом деле экологическая ситуация в районе явно находится в неудовлетворительном состоянии [5]. Такой расклад в ответах, даёт основание на продолжение повторных мониторинговых исследований по данным проблемам в рассматриваемых районах.

В свою очередь, отвечая на вопрос «Как вы оцениваете состояние окружающей природной среды района вашего места жительства», большинство респондентов (50,3%) отметили неудовлетворительное состояние окружающей среды района своего проживания. Удовлетворительной считают – 45,8% респондентов (табл. 5).

Таблица 5

**Распределение ответов на вопрос «Как вы оцениваете состояние
окружающей природной среды района вашего места жительства?»**

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Удовлетворительно	162	45,8
Неудовлетворительно	178	50,3
Затруднялись ответить	14	4,0
Итого	354	100,0

Чтобы выяснить причины неудовлетворительной оценки респондентов, нами был поставлен вопрос такого характера: «А если неудовлетворительно, то почему?» Ответы респондентов распределились следующим образом (табл. 6): происходит загрязнение рек и водоемов – 61,54% респондентов; уменьшается численность животных, дичи и рыбы – 57,69% и т.п.; высыхают и вырубаются леса – 43,59%; выводятся из оборота огромные территории угодий и оленепастбищ и т.п. – 43,59%.

Таблица 6

**Причины неудовлетворительной оценки экологического состояния
региона респондентами (n=78), в % от частоты ответов (2002 г.)***

Варианты ответов	Ханты-Мансийский район	
	Частота ответов	%**
Происходит загрязнение рек и водоемов	48	61,54
Высыхают и вырубаются леса	34	43,59
Выводятся из оборота огромные территории промысловых угодий и оленепастбищ	34	43,59
Уменьшается численность животных, дичи и рыбы	45	57,69
Затруднялись ответить	4	5,13

* – в опросе 2008 г. данный вопрос не рассматривалось.

** – Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог выбрать до 3-х вариантов ответов одновременно.

Ответы респондентов Нефтеюганского района на данный вопрос выглядят примерно так же и распределились следующим образом: происходит загрязнение рек и водоемов – 34,34% респондентов; высыхают и вырубаются леса – 22,89%; уменьшается численность животных, дичи и рыбы

– 24,70% и т.п.; выводятся из оборота огромные территории угодий и оленепастбищ и т.п. – 18,07% [5].

Ответы респондентов на вопрос «Какие организации являются главными загрязнителями окружающей природной среды в месте вашего проживания?» представлены в таблице 7. Респонденты отметили, что главными загрязнителями окружающей природной среды Ханты-Мансийского района являются: 1) нефтегазовые (47,6%); 2) ЖКХ (17,0%). Далее по убывающей: транспортные (9,2%), частные предприятия (2,5%).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос, «Какие организации являются главными загрязнителями окружающей среды в месте вашего проживания?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от частоты ответов
Нефтегазовые	187	47,6
Транспортные	36	9,2
Частные предприятия	10	2,5
ЖКХ	67	17,0
Рыбоперерабатывающие	0	0,0
Другие	22	5,6
Затруднялись ответить	71	18,1
Итого	393	100,0

Касаясь вопроса сохранения окружающей природной среды, респонденты района, отвечая на вопрос «Какие меры, на ваш взгляд, можно предпринять в целях сохранения окружающей природной среды?», предлагали следующие меры (табл. 8): ужесточать контроль (25,9%); посадить деревья (13,5%); утилизировать отходы (11,9%); внедрять новые технологии (7,6%) и т.д. 43,2% респондентов затруднялись ответить на данный вопрос.

Таблица 8

Распределение ответов на вопрос «Какие меры, на ваш взгляд, можно предпринять в целях сохранения окружающей природной среды?»

Варианты ответов	Частота ответов	% от частоты ответов
Посадка деревьев	25	13,5
Ужесточить контроль	48	25,9
Штрафовать	6	3,2
Утилизация отходов	22	11,9
Внедрение новых технологий	14	7,6
Создание ООПТ	0	0,0
Затрудняюсь ответить	80	43,2

Мнение респондентов Нефтеюганского и Нижневартовского районов по данному вопросу совершенно иное: 1) очистка (очистные сооружения) – 7,75%; 2) не загрязнять природу (6,76%); 3) беречь природу (5,39%); 4) убрать свалки (4,80%); 5) прекратить нефтеразработки (4,31%); 6) уделять внимание вопросам экологии и соблюдать законодательство (3,33% и 3,33% соответственно); 7) чистить русла реки и озера (2,45%); 8) наказывать за халатность (0,98%) и т.д. Самое парадоксальное заключается в том, что 61,76% представителей КМНС и 60% экспертов затруднялись ответить на данный вопрос. А вот респонденты Нижневартовского района в качестве мер обозначили следующее: 1) прекратить нефтеразработки (7,66%); не загрязнять природу (3,60%); 3) ввести экологический контроль (3,60%); беречь природу (3,15%); 4) соблюдать законодательство (1,35%); чистить реки и озера (1,35%) и т.д. И вот здесь парадоксальность заключается в том, что также большинство представителей КМНС (72,23%) и 66,06% экспертов затруднялись ответить на тот же вопрос [5].

Касаясь еще одного наиболее актуального вопроса сохранения разнообразия животного и растительного мира, нами был поставлен вопрос аналогичного характера. Отвечая на вопрос «Каким путем можно сохранить разнообразие животного и растительного мира, страдающие от промышленного освоения?» (табл. 9), относительное большинство респондентов (около 45%) полагают, что путем создания территории традиционного природопользования можно сохранить разнообразие животного и растительного мира, страдающих от промышленного освоения. 36,8% респондентов считают, что это можно делать путем создания этноприродных парков. Лишь 4,6% респондентов отметили, что это можно делать путем создания резерватов.

Таблица 9

Ответы респондентов на вопрос «Каким путем можно сохранить разнообразие животного и растительного мира, страдающих от промышленного освоения?»

Варианты ответов	Число ответов	% от числа ответов
Путем создания:		
- этноприродных парков	137	36,8
- резерватов	17	4,6
- территории традиционного природопользования (родовых угодий и общин)	167	44,9
Затруднялись ответить	51	13,7
Итого	372	100,0

Для того чтобы получить ответ на вопрос о том, участвуют ли представители КМНС в проведении экологических или других экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды, нами был поставлен схожий вопрос (табл. 10).

Таблица 10

Участвуют ли КМНС в проведении экологических или других экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды?

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Да	62	17,51
Нет	192	54,24
Затруднялись ответить	100	28,25
Итого	354	100,0

По мнению большинства респондентов (54,24%), представители КМНС в проведении экологических и других экспертиз при разработке федеральных и региональных государственных программ освоения природных ресурсов и охраны окружающей среды не участвуют. Сказали «да», лишь – 17,5% и затруднились ответить 28,2% респондентов.

Таким образом, анализ вышеизложенного материала показывает, что жители Ханты-Мансийского, как и жители других исследованных районов о последствиях разработки полезных ископаемых думают неоднозначно. И, несмотря на это, значительное большинство респондентов района отмечают, что все-таки происходит ухудшение экологического состояния региона состояние окружающей природной среды в районах их места проживания, о чем свидетельствует аналитические данные, обобщенные выше в тексте статьи. Происходит также и вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что респонденты из числа КМНС в исследованных районах к процессу разработки полезных ископаемых и их результатов относятся по-разному. Например, большинство респондентов района к процессу разработки относятся отрицательно, но с другой стороны большинство респондентов отмечают, что благодаря, тому, что ведется промышленная разработка недр, создаются новые рабочие места. Возможно, с течением определенного времени взгляды респондентов изменятся в зависимости от изменения динамики социально-экономического положения по округу и стране в целом.

Литература

1. Доклад «Об экологической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2012 году. – Ханты-Мансийск, 2013. – 178 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecology.admhmao.ru/wps/wcm/connect/04.07.2013>).
2. Состояние атмосферного воздуха за 2008-2011 гг. // Департамент экологии ХМАО – Югры [Электронный ресурс]. <http://www.econadzor.com/atm-vozduh-08-11> (дата обращения: 30.09.2013).
3. Официальный сайт административных органов государственной власти Сайт Ханты-Мансийского района [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hmrn.ru/raion/index.php> (дата обращения: 07.06.2012).
4. Раздел «Коренные народы» // Официальный сайт органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.admhmao.ru> (дата обращения: 06.04.2010).
5. Хакназаров С.Х. Нефтеюганский район Югры в аспекте геоэкологических и социологических исследований // Вестник угроведения = Vestnik Ugrovedenia. № 4 (11). – Ханты-Мансийск, 2012. – С. 81-86.
6. Хакназаров С.Х. Природные ресурсы и обские угры. – Екатеринбург: изд-во «Баско», 2006. – 152 с.

Общины коренных малочисленных народов в Республике Алтай¹

А.П. Чемчиева, кандидат философских наук

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Аннотация. В статье рассматривается процесс организации и современное положение общин коренных малочисленных народов Республики Алтай – кумандинцев, тубаларов, челканцев и теленгитов. Обращается внимание на декларативный характер Федерального закона об общинах, не позволяющего коренным малочисленным народам в полной мере реализовать свои права.

Ключевые слова: общины коренных малочисленных народов, Республика Алтай.

Общины как форма самоорганизации лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, впервые стали создаваться в северных субъектах

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-01-00170а).

Российской Федерации в начале 1990-х годов. Коренные малочисленные народы Севера в условиях социально-экономического кризиса и ликвидации совхозно-колхозной системы хозяйствования объединялись в родовые общины для закрепления за собой родовых угодий и ведения традиционно-го хозяйства – охоты, оленеводства, рыболовства. Все это стало возможным после принятия государственной программы развития экономики и культуры малочисленных народов Севера в 1991–1995 гг., издания Указа Президента Российской Федерации «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера» № 397 от 22.04.1992 г. и принятия ряда постановлений Правительства Российской Федерации.

Движение за создание общин наиболее активно проявилось в Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском автономном округе. В этих регионах общинное движение получило законодательное закрепление. В частности, в Республике Саха (Якутия) в 1992 г. был принят Закон «О кочевой родовой общине малочисленных народов Севера», в Ханты-Мансийском округе в 1992 г. было принято «Положение о статусе родовых угодий в Ханты-Мансийском автономном округе». В других северных субъектах Российской Федерации были разработаны временные законы или положения о территориях традиционного природопользования. На базе указанных законодательных актов представители коренных малочисленных народов Севера, их родовые общины имели возможность в начале 1990-х гг. бесплатно получить пастбища, охотничьи, рыболовные угодья либо в пожизненное наследуемое владение, либо в аренду. Отметим, что эта практика передачи угодий представителям коренных народов была приостановлена в 1995 году [1, 68].

В Республике Алтай первые общины коренных малочисленных народов появились только в 2001 г. Начало организации в Республике Алтай общин коренных малочисленных народов положило принятие Федерального закона «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» № 104-ФЗ от 20.07.2000 г. (далее – ФЗ об общинах).

Следует отметить, что первоначально представители коренных малочисленных народов Республики Алтай проявили к самоорганизации в форме общин большой интерес. При этом они в значительной степени представляли общину малочисленных народов в виде хозяйствующего субъекта, владеющего землей, пользующегося государственными льготами, ведущего предпринимательскую деятельность и обеспечивающего занятость своих членов.

Организация общин малочисленных народов проходила в Республике Алтай с некоторыми трудностями. Прежде всего, отсутствие на первых

порах у представителей малочисленных народов Республики необходимых правовых знаний вызвало сложности с оформлением учредительных документов общин (учредительный договор, устав). Затем созданные на местах общины столкнулись с проблемой государственной регистрации.

Следует отметить, что по закону община коренных малочисленных народов считается созданной с момента принятия учредителями решения о ее организации. В дальнейшем новообразованная община подлежит обязательной государственной регистрации. Лишь пройдя государственную регистрацию, община приобретает права юридического лица.

Проблемы с государственной регистрацией возникли в связи с тем, что российским законодательством на тот момент не был установлен специальный порядок государственной регистрации общин. Заметим, что по закону деятельность общин носит некоммерческий характер, поэтому регистрироваться они должны были в качестве некоммерческих организаций. Однако в перечне форм некоммерческих организаций, подлежащих регистрации, который содержался в тексте Федерального закона «О некоммерческих организациях» № 7-ФЗ от 12.01.1996 г., община коренных малочисленных народов не значилась. На этом основании уполномоченные регистрирующие органы по всей стране отказывали общинам малочисленных народов в регистрации. И это несмотря на то, что в Законе «О некоммерческих организациях» указывалось, что некоммерческая организация может быть создана и в других формах, предусмотренных федеральными законами.

В этой связи Ассоциация коренных малочисленных народов Республики Алтай не единожды обращалась к правительству и парламенту Республики Алтай с просьбой принять на региональном уровне законодательный акт, облегчающий регистрацию общин. По этому же поводу в Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов шли многочисленные заявления представителей коренных малочисленных народов со всей страны. Известно, что в связи со сложившейся ситуацией Комитет Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов под руководством председателя Комитета А.В. Назарова разработал в 2001 г. в порядке законодательной инициативы проект федерального закона «О внесении изменения и дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»». Законопроектом было предусмотрено внесение изменения в статью 2 указанного закона путем добавления к перечню форм некоммерческих организаций новой формы – общины коренных малочисленных народов.

Однако на разрешение проблемной ситуации вокруг государственной регистрации общин потребовалось несколько лет. Поправки в Федеральный

закон «О некоммерческих организациях» были приняты только в 2007 г. В соответствии с ними общины коренных малочисленных народов были введены в открытый перечень форм некоммерческих организаций и наделены всеми соответствующими правами и обязанностями.

Тем не менее, до принятия поправок государственная регистрация общин коренных малочисленных народов в Республике Алтай все же стала осуществляться. В 2002 г. регистрация общин малочисленных народов была возложена на инспекции Министерства Российской Федерации по налогам и сборам в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» № 129-ФЗ от 08.08.2001 г.

В Республике Алтай общины малочисленных народов стали регистрироваться с 2003 г. В числе первых были зарегистрированы семейная община Туймешевых (с. Артыбаш), «Алтын-Туу» (с. Кебезень), «Алтын-Кель» (с. Артыбаш), «Пыжа» (с. Усть-Пыжа), «Чаган» (с. Кебезень), «Биле» (с. Каракокша) и община с. Уймень. Все эти общины располагались в Турочакском и Чойском районах. В Кош-Агачском и Улаганском районах первые общины малочисленных народов были зарегистрированы в 2004 г., в Майминском – в 2009 г.

В настоящее время в Республике Алтай зарегистрировано 40 общин коренных малочисленных народов. Большинство из них располагается в Турочакском районе – 14 общин. В Кош-Агачском районе зарегистрировано 11 общин, в Улаганском – девять, в Чойском – четыре, в Майминском районе – две.

Обратим внимание, что в соответствии с российским законодательством представители коренных малочисленных народов могут объединяться в общины по кровнородственному (семья, род) и/или территориально-соседскому признакам. В Республике Алтай число территориально-соседских общин немного превышает число семейно-родовых. Так, из 40 общин, организованных в Республике, 21 является территориальной, а 19 – семейно-родовыми.

Отметим, что организованные в Республике Алтай общины малочисленных народов неоднородны по своему этническому составу и включают в себя как представителей коренных малочисленных народов, так и лиц, к ним не относящихся. Этнически смешанный состав свойственен, прежде всего, территориальным общинам Турочакского, Чойского и Майминского районов, т.е. общинам тех районов, в которых коренное население составляет этническое меньшинство и где высок процент межэтнических браков.

Этническая неоднородность общин согласуется с ФЗ об общинах, который направлен, прежде всего, на поддержание лиц, ведущих традиционный

образ жизни и осуществляющих традиционное хозяйство. Поэтому лица, не относящиеся к малочисленным народам, но осуществляющие традиционное хозяйство, могут быть приняты в общину по решению общего собрания (схода) членов общины.

Следует отметить, что развитие общинного движения в Республике Алтай сопровождалось объединением локальных общин малочисленных народов в союзы. Создание союзов общин было обусловлено единством социально-экономических интересов и целесообразностью коллективного отстаивания требований локальных общин.

Первыми объединились общины коренных малочисленных народов Турочакского района. В 2006 г. они образовали Союз общин Турочакского района «Бия». В 2008 г. в Кош-Агачском районе возникла Ассоциация общин коренного малочисленного народа – теленгитов «Эре-Чуй» («Священный Чуй»). В 2010 г. были образованы Ассоциация (союз) общин коренного малочисленного народа тубаларов, Ассоциация общин коренного малочисленного народа теленгитов Улаганского района Республики Алтай «Улу-Каан» («Великий Хан») и Этноэкологический союз общин коренного малочисленного народа тубаларов Чойского района «Ак-Тюрюк» («Священный Кедр»).

В то же время констатируем, что образование союзов общин коренных малочисленных народов (равно как и самостоятельная деятельность локальных общин) не внесло в жизнь коренных малочисленных народов Республики Алтай ожидаемых перемен. Практически все общины коренных малочисленных народов, организованные в Республике Алтай, оформленные документально, в настоящее время не функционируют. Для ведения общинных форм хозяйствования они не располагают какой-либо материально-технической базой, территории их традиционного проживания являются собственностью различных ведомственных структур. Вместе с тем, безусловно, основная причина бездействия общин коренных малочисленных народов Республики Алтай заключается в том, что ФЗ об общинах, установив общие принципы организации и порядок деятельности общин, явился лишь добрым началом. Претворение в жизнь этого закона до настоящего времени затруднено отсутствием действенного механизма его реализации – у данного закона нет необходимых подзаконных актов.

Литература

1. Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. – 184 с.

Музейная педагогика как средство изучения мансийского языка и культуры

Р.М. Гаврильчик

*Детский этнокультурно-образовательный центр «Лылынг союм»,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Музей в образовательно-воспитательном процессе играет немаловажную роль – это мир неизвестных вещей и ярких незабываемых впечатлений, ведь главной задачей музея является сохранение исторической памяти у воспитанников о своей малой родине, о своём народе, о культуре народа.

Ключевые слова: мансийский язык, музейно-образовательная деятельность, учебный диалог, декоративно-прикладное искусство.

Музейная педагогика – это область научно-практической деятельности современного музея и образовательных учреждений, ориентированная на передачу культурного опыта через педагогический процесс в условиях музейной среды.

Современный культурно-образовательный процесс имеет тенденцию широкого развития. Технический процесс, новые информационные технологии в XXI веке, вероятно, будут играть определяющую роль в формировании культурного уровня молодого человека. И здесь важно, какое место займет историческая память в его интеллектуальном и нравственном развитии.

Сегодня потребность в квалифицированных педагогических кадрах значительно возросла. Учитель как личность социально значимая постоянно нуждается в повышении своего профессионального мастерства и личных качеств, в умении правильно аргументировать историческую память в учебно-воспитательном процессе. Музеевед в педагогике – это учитель искусства, который является проводником в большой мир всемирной культуры.

В настоящее время образовательные учебные заведения для эффективной подготовки современного краеведа ставят задачу ввести новую специальность: педагога-музееведа. И хотя музейное дело в педвузе внедряется в учебный процесс уже давно, принципиально концептуального решения на правах образовательного стандарта это направление пока еще не получило.

О необходимости музейной педагогики писали К.Д. Ушинский и П.Ф. Каптерев, П.П. Блонский и С.Т. Шацкий. По их мнению, именно во временной

предметно-пространственной среде музея осуществляется трансляция духовного, культурного опыта, накопленного человечеством за многие века своего существования.

Перед нашим обществом в полный рост встала опасность потери исторической памяти, именно поэтому особую роль приобретает краеведение. В этнокультурном образовании музееведению в большей мере, чем какому-либо другому виду деятельности придается огромное значение. Именно ему необходимо восстанавливать у молодого поколения историческую память, воспитывать нравственность, гражданственность, обостренное чувство сопричастности и ответственности за всё происходящее.

Одна из главных особенностей краеведческой работы состоит в том, что она включает в себя элементы исследования. И учитель, и учащиеся имеют возможность принять участие в поисково-исследовательской работе по изучению нашего края. Атмосфера постоянного поиска, радость собственного открытия, присущие исследовательскому методу, способствуют воспитанию творческой инициативы ребят, их самостоятельности. То есть, краеведение и музееведение неразрывно связаны друг с другом.

Музей в образовательном учреждении востребован и нужен всем: от первоклассника, впервые перешагнувшего его порог, до старичка на лавочке, судьба которого – уже история. Для взрослого человека музей – это место, где хранятся бесценные коллекции, собранные человечеством за сотни лет. Роль музея в воспитании детей неоспорима: музей для детей – прежде всего мир неизвестных ему вещей и ярких впечатлений. Если мир этот станет близким и понятным с детства, то у ребенка сформируется необходимость бывать в музее, ценить музей, что, бесспорно, станет частью культурного, просвещенного, современного человека, чертой его духовного становления.

Главной задачей работы в музее является сохранение исторической памяти у учащихся о своей малой родине, развитие и укрепление связей между поколениями, воспитание чувства ответственности и любви к Родине.

Именно с этой целью в детском этнокультурно-образовательном центре был создан музей этнокраеведческого профиля «Лылынг союм», который стал творческим объединением, обеспечивающим исследовательскую, просветительскую деятельность, изучение памятников материальной и духовной культуры обских утров, а главное – центром приобщения детей к познанию окружающего мира.

Разработанная авторская образовательная программа «Интегрированный курс культуры, этнографии и краеведения» рассчитана на детей дошкольного возраста и учащихся начальных классов.

В условиях городской среды, где детям не приходится даже слышать мансийского языка, возникает проблема по его изучению. Необходимо

добиваться, чтобы дети не только знали и понимали смысл употребляемых в речи слов, но и активно использовали их в повседневной речи.

С целью создания речевой среды для обучения мансийского языка используются методы и приёмы музейной педагогики.

Успешной реализации программы для эффективного изучения мансийского языка по музейной педагогике способствует применение следующих педагогических технологий:

- технология обучения творчеству;
- технология учебного диалога;
- технология игровой деятельности;
- технология проектной деятельности.

Технология обучения творчеству – это один из интереснейших средств изучения мансийского языка и культуры. Ни один традиционный праздник у манси не проходит без музыки. Посредством введения в мир народной музыки дети приучаются к красоте звучания народных инструментов и песен. В музее и на занятиях происходит знакомство детей с такими народными инструментами, как санквылтап, нарсьюх, бубен и тумран. Дети могут не только рассматривать их, но и брать в руки, пробовать звучание, таким образом пополняется словарный запас названиями музыкальных инструментов и идет непосредственное знакомство с музыкальными произведениями.

Декоративно-прикладное искусство также используется в интересах изучения мансийской речи у детей. На занятиях по теме «Традиционный костюм» дети знакомятся с дизайном костюма, его особенностями, традициями изготовления. Дети рассматривают иллюстрации с элементами одежды разных локальных групп и кукол в народных костюмах. Знакомясь с традиционным костюмом, дети усваивают и лексику мансийского языка: *Тии м̄аныр?* ‘Это что?’ *Ты юнтуп* ‘Это игла’, *Ты т̄ор-л̄омт* ‘Это ткань’; *Наң м̄аныр в̄ар̄эгын?* ‘Что ты делаешь?’ *Ам юнт̄эгум* ‘Я шью’.

Технология учебного диалога – это обучение мансийскому языку, которое происходит в контексте ведущей предметной деятельности через организацию общения педагога с детьми, а центром внимания должен быть предмет (экспонат музея). Например, при изучении темы «рыболовство» детям предлагается макет рыболовной снасти «морда», и они сначала фантазируют, определяя назначение предмета, при этом имея возможность поддержать предмет в руках, а затем изучают лексику по данной теме: *Тии м̄аныр?* ‘Это что?’ *Ты х̄ул* ‘Это рыба’; *Х̄ул манхурипа?* ‘Рыба какая?’ *Х̄ул яныг* ‘Рыба большая’.

На занятиях, посвященные знакомству с мансийским домом, дети изучают лексику быта. Для этого сотрудники осуществляют оформление небольшого уголка музея в стиле дома с использованием экспонатов. В план

занятий входит знакомство детей с устройством дома: обстановкой, утварью, одеждой. Дети узнают о быте в мансийской семье, о том, как вели домашнее хозяйство, пасли оленей, ловили рыбу, охотились. Хорошим подспорьем для закрепления полученных знаний служит подборка загадок и пословиц, посвященных обиходу дома и труду манси. Какая же мансийская изба без чаепития? Заключительным этапом занятия становится чаепитие и беседа о традициях мансийского чаепития.

Непосредственно происходит изучение темы «посуда»: *Тии м̄аныр?* ‘Это что?’ *Ты аны* ‘Это чашка’, *Ты к̄ер-аны* ‘Это кружка’, *Ты нялы* ‘Это ложка’.

Технология игровой деятельности имеет большое значение в обучении мансийскому языку и развитию речи. Для этого используются все **виды игровой деятельности**. В работе по данному направлению используются дидактические и подвижные игры.

Дидактические игры используются с целью закрепления и обогащения мансийского словаря, навыка быстрого выбора наиболее подходящего слова, изменения и образования новых слов. Например, используется или предлагается игра «Акв л̄ат̄ңыл хомыс л̄авуңкве?» ‘Назови одним словом’: *Тии м̄аныр?* ‘Это что?’ *Ты суп* ‘Это платье’, *Ты няра* ‘Это обувь няры’, *Ты сахи* ‘Это шуба’; *Тии пуссын пормасыт, акв л̄ат̄ңыл хомыс лавиянув?* ‘Как назвать одним словом?’ *Ты маснут* ‘Это одежда’. Игра «Маныр тыт эрнын ати» ‘Что лишнее’: *Тии м̄аныр?* ‘Это что?’ *Ты х̄ап* ‘Это лодка’, *Ты к̄ёрсун* ‘Это самолет’, *Ты с̄алы* ‘Это олень’, *Ты сун* ‘Это сани (нарты)’; *Хоты л̄ат̄ңыт тыт ат эри?* ‘Что лишнее?’ *С̄алы* ‘Олень’.

Подвижные игры также способствуют обогащению словарного запаса детей, для воспитания звуковой культуры речи использую мансийские слова: *молях-молях-молях* ‘быстрее – быстрее’, *тох-тох-тох* ‘вот так – вот так’.

Детям предлагаются различные задания, например: «Придумать беседу (диалог) на мансийском языке о погоде между выбранными предметами (трава, листик березы, ветка смородины)». Во время таких игр происходит интенсивное обогащение собственного словаря: *Наң м̄аныр?* ‘Ты кто?’ *Ам х̄аль л̄упта* ‘Я листочек березы’, *Ам пум* ‘Я травка’, *Ам сосыг ийв* ‘Я ветка смородины’; *Х̄отал манхурипа?* ‘День какой?’ *Х̄отал ат посты* ‘Солнце не светит’, *Ракви* ‘Идет дождь’, *В̄от в̄оты* ‘Ветер дует’.

Одной из самых важных составляющих познавательно-речевого развития является **культурная языковая среда**. Грамотная речь педагога среди основных средств формирования языковой культуры стоит на первом месте. И это не случайно, поскольку именно педагог закладывает основы культуры мансийского языка у детей, приобщает их к правилам устного высказывания. Сам ребенок воспринимает речь взрослого как образец, педагог должен говорить правильно, не искажая звуков, четко артикулируя

каждое слово, не торопясь, не «съедая» окончаний. Особенно четко нужно произносить незнакомые и длинные слова. Одним из основных средств речевого развития является коммуникативная деятельность детей (совместная со взрослым). Живость и богатство интонаций тоже играют немаловажную роль – способствуют лучшему усвоению мансийского языка.

Технология проектной деятельности широко применяется в работе с детьми как метод интерактивной игры, где роль педагога практически сводится к направлению деятельности детей на достижение поставленных целей и к разработке плана действий. Метод проектов актуален и эффективен. Главное на этом пути учитывать возрастные особенности детей.

В этом году на базе ДОУ «Голубок» был использован исследовательский проект «Умная природа».

Создание проекта (поставленная проблема) может включать знакомство с детской энциклопедией, где детей может удивить и поразить то, что холодильник, оказывается, появился сравнительно недавно. А как же народы ханты и манси обходились без него, где хранили продукты? А что делали без телевизора? Компьютера? Чтобы ответить на вопрос детей, нужно подобрать материал для познавательной беседы и наблюдения.

На первом этапе может быть проведена игра «подбери пару» (холодильник – снег (тўйт), плита – костер (нāй), телевизор – игра (ёнг) на природе, пылесос – веник или метла (хосгын ййв), стиральная машина – таз, ведро (вётра). Эта дидактическая игра формирует у детей правильное отношение к явлениям общественной жизни, предметам окружающего мира, систематизирует и углубляет знания детей.

На втором этапе работы по проекту намечается совместный план действий: побольше узнать о чудо-технике, о ее значении, о людях, создавших ее.

Третий этап проектной деятельности предполагает реализацию всего задуманного. На этом этапе возможно привлечение родителей. Каждому ребенку даётся задание рассказать о пользе окружающей среды (о воде (где её взять?), деревьях, снеге, ягодах, земле, животном мире и т.д.). Дети могут представить свою работу в виде рассказа, с задачей представления названия своего слова на мансийском языке. Например: Вода – вит, нужна для того-то и т.д.

Опираясь на работы из природных материалов (работы могут быть представлены в качестве музейных экспонатов), дети воочию могут увидеть, какие предметы делают из природных материалов, получить наглядную информацию.

Когда у детей накоплен достаточный запас знаний теоретического и наглядного характера, можно активизировать внимание детей на поделках своими руками – изготовление туеска из картона, где дети могут почувствовать себя мастерами своего дела, у которых «чудные руки и умные головы».

Результаты реализации программы подтверждают эффективность работы в данном направлении. На основании диагностических данных осуществляется мониторинг динамики развития как коллектива, в котором сосуществует, творит и совершенствуется ребенок, так и уровень развития специальных навыков. За год обучения обучающиеся осваивают основы разговорной речи.

Детский этнокультурно-образовательный центр «Лылынг союм» можно по праву назвать школой с музейной атмосферой, где музей стал предметом всеобщего интереса к истории края, приобщения детей к традиционной культуре и языкам народов ханты и манси.

Музей – это живой организм. В настоящее время, когда происходят глубокие и стремительные изменения всей общественно-культурной жизни, следует признать необходимым новый подход к трактовке понятия «музей». «Музей образовательного учреждения» определяет не место расположения, а его специфику. Он нужен школе для реализации творческой активности детей как средство обогащения учебного процесса. Музей – это кладовая истории, где хранится накопленный опыт предыдущих поколений. Как важно на раннем этапе рассказать ребенку о том, где он живет, кто его предки, какова его малая родина, какая великая держава его страна! Из этих маленьких звеньев складывается любовь к Отечеству. Обогащение словаря детей словами языка народов, издавна живущего на своей территории, – это и есть воспитание любви к родному языку, родному краю.

Психология здоровья подрастающего поколения коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

В.А. Лобова, кандидат психологических наук

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск*

Аннотация. Для улучшения и развития психологического здоровья детей коренных малочисленных народов требуется комплексный подход. Программы профилактики эмоциональных и когнитивных нарушений у школьников коренных национальностей, построенных с учетом состояния здоровья, являются эффективным средством организации и разработки многоуровневой межведомственной стратегии повышения качества жизни детей, проживающих в северных регионах.

Ключевые слова: психология здоровья, подрастающее поколение, коренные народы.

В течение последнего десятилетия интерес педагогов, социологов, медиков вызывают психологические проблемы, связанные с взаимовлиянием образа жизни людей и их здоровья. Среди факторов, определяющих здоровье нации в целом, ВОЗ называет здоровье подрастающего поколения, поэтому проблема формирования здорового образа жизни у молодежи является одной из актуальнейших проблем современности.

В современных школах увеличивается количество детей, получивших различные заболевания за период обучения. В частности, в докладе «О реализации Российской Федерацией конвенции ООН о правах ребенка (2003-2009 гг.)» констатируется, что на каждую тысячу детей (от 0 до 14 лет) приходится 1162 заболевания с впервые установленным диагнозом. К 2009 году, по данным ежегодной диспансеризации, среди 13,58 миллиона детей, обучающихся в общеобразовательных учреждениях, только 20,8% имеют первую группу здоровья, а 20,7% – хронические, в том числе инвалидизирующие заболевания [1].

В 2011 году общая заболеваемость детского населения Ханты-Мансийского автономного округа составляла 2361,8 (2455) на 1000 человек, в том числе заболеваемость детей в возрасте: – от 0 до 14 лет – 2455,7 на 1000 человек (по Российской Федерации – 2336,4 на тыс.), – от 15 до 17 лет – 1877,2 на 1000 человек (по Российской Федерации – 1944,3)[2]. Это свидетельствует о том, что экстремальные климато-географические условия северного региона не являются безразличными для детского организма. На здоровье детей оказывает воздействие высокая активность гелиокосмических факторов (напряженность магнитного поля, полярная ночь, частые возмущения в ионосфере), а также длительное наличие снежного покрова.

Формирование организма детей в критических, сензитивных периодах индивидуального возрастного развития в северных регионах отличается от такового в условиях средних широт. Наблюдается замедление темпов роста, снижение тотальных размеров тела и крепости телосложения, рост отклонений и общая задержка физического развития, задержка полового созревания, смещение вегетативного баланса в сторону усиления симпатических влияний, низкие величины аэробной производительности, указывающие на повышенное расходование и снижение функциональных резервов организма.

Физическое развитие обследованных школьников ханты свидетельствовало о преобладании мезоморфных процессов в младшем школьном возрасте и возрастании числа случаев умеренно брахиморфных пропорций в старшем школьном возрасте. Низкие показатели по весоростовым признакам и интегральным параметрам у современного подрастающего поколения ханты указывают на процесс грацилизации уже в 7-10 лет [3, 47-48].

В 7-летнем возрасте (критический период онтогенеза, совпадающий с началом школьного обучения) у детей обнаружены снижение окружности грудной клетки и длины тела при высокой массе тела. В функциональном отношении – гипервентиляция и тахикардия, снижение аэробной производительности организма, что расценивается как дополнительная «плата» за сочетанную адаптацию к условиям экстремальной среды. В подростковом возрасте, так называемом «узловом» периоде онтогенеза, у детей Севера выявлены нарушения основных закономерностей роста и развития. Они заключаются в снижении амплитуды ростового максимума у мальчиков и отсутствии пубертатного «скачка роста» у девочек. Причем у детей ханты и манси брахиморфия телосложения более выражена, чем у этнических русских.

Детей северных регионов отличают дисгармоничность физического развития, пролонгированность возрастных гематологических изменений, более частый дисбаланс иммунологического статуса, снижение неспецифической резистентности организма, незначительные годовые приросты продольных размеров тела. Пребывание на Севере способствует формированию у детей и подростков ряда достаточно устойчивых факторов риска. Длительное пребывание в помещениях (в условиях долгой и суровой зимы) создает условия для гипоксии и гиподинамии.

Недостаток движения наряду с разбалансированным питанием приводит к нарушениям в липидном обмене и повышению массы тела за счет избыточного отложения жира в подкожной клетчатке. У жителей высоких широт по сравнению с населением средней полосы болезни сердечно-сосудистой системы отмечаются чаще, рост распространенности сердечно-сосудистых заболеваний напрямую связывают с длительностью проживания на Севере [3, 6-55].

Климатогеографические условия Севера повышают потребность организма в кислороде, вызывают более частое усиление деятельности аппарата внешнего дыхания у детей. Низкая способность детей переносить гипоксические состояния связана с тем, что их органы и ткани хуже, чем у взрослых, утилизируют кислород. Поэтому снижение напряжения кислорода в крови приводит у них к кислородному голоданию тканей быстрее, чем у взрослых. Если учесть отсутствие депо кислорода, то становится очевидной и исключительно высокая чувствительность организма детей к малейшим нарушениям поступления и транспорта кислорода к тканям, особенно в регионах Севера. Повышение основного обмена, нарастание энергетических затрат организма, снижение концентрации кислорода в атмосфере, уменьшение насыщения крови кислородом – все это вызывает нарастание минутного объема крови и соответствующие изменения во всех отделах аппарата кровообращения и функционально связанных с ним органов.

Жизнь ребенка в суровых климатических условиях должна рассматриваться как жизнь при дополнительных функциональных нагрузках, которые могут создавать ситуацию повышенного риска для здоровья. Все это диктует необходимость активизации усилий органов образования и здравоохранения, направленных на оздоровление детской популяции ХМАО – Югры.

За последние десять лет показатели общей заболеваемости коренных малочисленных народов Севера и Сибири превышают общероссийские в среднем на 20-30%. Среди патогенных факторов отмечены нарушения биологических и функциональных процессов в организме, связанные с изменением в социально-профессиональной структуре и нарушением социально-культурных и этнических ритмов.

Нарушение биологических и функциональных процессов в организме детей выражается в изменении ряда биохимических показателей, белкового, липидного, минерального и витаминного обмена, антиоксидантного и тиреоидного статусов. Дефицит йода в северных регионах для детей особенно опасен [3, 58-59]. Гипотиреоз у детей проявляется не только в деформации скелета, но и в сильной задержке умственного развития. В условиях йодного дефицита, помимо нарушений психических функций, у детей повышается заболеваемость, ухудшается состояние репродуктивной системы у подростков, снижаются антропометрические показатели. Даже при наличии незначительного йодного дефицита, показатель интеллекта всего населения снижается на 10-15 позиций, т.е. это выливается в проблему общенационального интеллекта.

Наблюдаются дисбаланс перекисных процессов, антиокислительной активности и изменение реологических свойств крови [3, 109-156]. К дисбалансу психического здоровья приводит смена сложившегося устойчивого жизненного стереотипа, утрата привычных социокультурных традиций, отрыв от семейного окружения (обучение в школе-интернате, приобретение профессии, не соответствующей типологическому складу).

Изменился один из ведущих критериев состояния здоровья детей – физическое развитие. Характерным стало отклонение от физиологической нормы различных систем организма из-за родового травматизма (в виде последствий натальных травм). У детей ханты выявлена высокая частота (12%) врожденных пороков сердечно-сосудистой системы [3, 21-42]. Выявлена высокая распространенность геморрагических синдромов.

У детей коренной национальности установлена зависимость уровня физического развития от пищевых факторов и особенностей содержания и поступления в организм витаминов и химических элементов [3, 72-77]. Приспособленность детей к условиям среды происходит за счет соблюдения основных ритмов биологического развития: адаптированности к

белково-жировому типу питания, сбалансированности функциональной активности полушарий головного мозга, синхронности индивидуальных биоритмов с ритмами внешней среды.

Частота когнитивных нарушений среди детей 7-11 лет коренных национальностей Севера составляет 46%: задержка психического развития – 31%, умственная отсталость – 15% [4, 455]. Среди детей с низким уровнем здоровья мальчики страдают задержкой психического развития в 6 раз чаще, чем девочки. Кроме того, болезни органов пищеварения у детей, имеющих когнитивные нарушения, выявляются в 3 раза чаще, чем у детей, не имеющих таковых [5, 3-56]. Ведущим прогностическим фактором формирования когнитивных нарушений является отставание в развитии ребенка на 1 году жизни, которое в 106 раз повышает риск развития этой патологии; а также злоупотребление родителями алкоголем, неготовность ребенка к школьному обучению, близкородственные браки, условия проживания в лесу, отсутствие дошкольного образования, многодетность семьи [6, 43-45]. Этнические особенности проявляются в снижении темпов и уровня психомоторного развития.

В целом среди психических расстройств у школьников умственная отсталость занимает второе место, а в структуре инвалидности – первое место. Число детей-инвалидов остается стабильно высоким и составляет 85,6% от общего числа детей, состоящих на инвалидности по психическим расстройствам. Программы профилактики когнитивных нарушений у школьников коренных национальностей являются эффективным средством организации и разработки многоуровневой межведомственной стратегии повышения качества жизни детей, проживающих в северных регионах.

Для улучшения и развития здоровья детей коренных малочисленных народов требуется комплексный подход. Учитывая этнические особенности состояния организма детей коренных малочисленных народов, необходимо разработать комплекс профилактических мероприятий по сохранению и укреплению их здоровья. Должен быть пересмотрен и систематизирован комплекс лечебных и профилактических мероприятий для каждой территории с учетом морфофункциональных особенностей различных систем организма человека и клинических проявлений заболеваний.

К основным можно отнести мероприятия по улучшению генетического здоровья, разработку эффективного мониторинга и регистра врожденных пороков развития, использование научно обоснованных нормативов питания детей, использование информационного банка по методам народной медицины Севера. При этом формированию профилактических программ должна предшествовать совокупная оценка экологических рисков. На сегодняшний день этот подход важен, поскольку, как показывают исследования, большинство детей имеют отклонения в состоянии здоровья.

По результатам осмотров в Югре имеют первую группу здоровья – 11,8% детей, вторую – 70%, третью – 16,3%, четвертую и пятую – 1,9%. С пониженной остротой зрения выявлены 8,7% детей. Имеют нарушения осанки 7,9%. Состоят на учёте с дефектом речи 5,9% детей от 0 до 14 лет [2]. Известно, что процесс обучения в школе несет в себе факторы отрицательного воздействия на организм ребенка: зрительное утомление, статические позы, гиподинамия, эмоциональные и интеллектуальные перегрузки вследствие интенсификации учебного процесса и стрессовой педагогической тактики. Внедрение информационных технологий также приводит к дополнительным нагрузкам на зрительный и опорно-двигательный аппарат. Эти факторы усугубляются наличием специфических природных факторов Севера: короткий световой день, длительный холодный период, факторы, способствующие развитию полярной гипоксии, факторы специфики геомагнитного фона, специфических особенностей питьевой воды и преимущественно углеводного питания.

Наряду с вышеперечисленными природными и социальными факторами северного региона актуален фактор особенности онтогенетического развития современных детей. Если мы раньше говорили об ускоренном созревании детского организма – акселерации, то сегодня речь идет о замедлении этого процесса – ретардации. Кроме того, по данным психофизиологов, 85% детей, рожденных после 1991 года, имеют нейропсихологические проблемы. Мозг этих детей работает за счет компенсаторных механизмов. Традиционные психолого-педагогические методы коррекции не приносят желаемых результатов. Речь идет не просто о замедлении онтогенеза, а отклоняющемся развитии психических и вегетативных функций, т.е. о дизонтогенетическом развитии детей как младшего, так и школьного возраста. Вышеназванные факторы объясняют актуальность интеграции специальной коррекционной педагогики I-VIII вида обучения в общеобразовательных школах северного региона.

В связи с вышеобозначенными проблемами учеными Обско-угорского института прикладных исследований и разработок и Ханты-Мансийской государственной медицинской академии ХМАО – Югры, а также сотрудниками Центра психологической реабилитации и коррекции подготовлена комплексная здоровьесберегающая программа для детей и подростков коренных народов Севера. Образовательная программа этнического характера на основе здоровьесберегающих технологий для детей и подростков коренных малочисленных народов Севера (КМНС) включает разработку шести модулей, в том числе диагностического, консультативного, оздоровительного и профилактического. Все модули интегрируются в образовательном процессе и разработаны с учетом этнической культуры и традиционных подходов к формированию здоровья.

Диагностический модуль включает в себя методы нейропсихологической диагностики, позволяющие оценить состояние речевых и неречевых функции (гностических, практических, символических). Семинары по итогам нейропсихологической диагностики для педагогов, психологов, социальных работников позволяют специалистам школ осуществлять индивидуально-ориентированный подход (ЗСТ ИП), включающий разработку педагогами стратегии деятельности на фронтальных и индивидуально-групповых занятиях; выбор коррекционной мишени и коррекционного маршрута и т.д.

Проведение мониторинговых исследований состояния здоровья детей из числа КМНС и создание компьютерных баз данных (антропометрических, функциональных, психофизиологических) нацелены на создание антропометрических стандартов учащихся КМНС разных возрастов и формирование групп риска по показателям физического и психического развития. Выявление отставания на ранних стадиях позволяет разработать конкретные рекомендации оптимизации режима дня, питания, физического развития на каждого учащегося.

По данным ученых, исследовавших состояние здоровья детей этнических групп в Америке, на ростовые процессы оказывает влияние не только качество, но и способ приготовления пищи. Диагностика пищевого поведения и макро-, микроэлементного статуса (по 25 показателям) направлена на выявление и последующую коррекцию данных показателей у учащихся, что позволяет позитивно влиять на память, интеллект, способность детей КМНС к обучению. В частности, восполнение недостаточности кальция и цинка способствует укреплению иммунитета, позволяет снизить заболеваемость простудными болезнями, в том числе верхних дыхательных путей, стимулировать физическое развитие. Коррекция недостаточности селена приводит к улучшению защитных сил организма, профилактике более чем 100 заболеваний, включая сердечно-сосудистые, что повышает устойчивость к влиянию низких температур и т.д.

Модуль оздоровительный среди основных мероприятий включает организацию кабинета здоровья, на базе которого скоординированы основные направления терапевтической дидактики, пронизывающие весь образовательный процесс и учитывающие этнические особенности детей: научно-методические, просветительские, реабилитационные. Введение учебных программ, программ профилактики, программ элективных курсов по формированию здорового и безопасного образа жизни позволяет учащимся освоить навыки здорового образа жизни, а педагогам внедрять элементы здоровьесберегающих технологий в учебный и воспитательный процесс.

Важными в рамках медицинского и психологического подходов представляются мероприятия по общей и индивидуальной витаминизации учащихся

КМНС, а также точечной коррекции нарушений макро-, микроэлементного статуса. Психологический блок включает сказкотерапию и элементы психодрамы с использованием фольклорных сюжетов народов ханты и манси [7, 36-39]7. Целительное воздействие сказок на детей признается психологами различных школ и убеждений, независимо от этнической принадлежности. Специалисты, работающие с детьми, используют сказки и метафоры как средство для установления контакта с детьми. Педагоги включают сказки и метафоры в различные школьные проблемные ситуации. Так же как и в случае с отдельным ребенком, они позволяют классу обсуждать трудные и щекотливые темы «безопасным» путем.

Сказки и метафоры – это один из самых эффективных способов применения методики для социального моделирования. Они включают увлекательные методы обучения поведенческим моделям. На ребенка, участвующего в психотерапевтическом процессе, благотворно сказывается процесс отождествления, идентификации слушателя с удачливым героем в сказке или истории. Катарсический эффект «безопасного» признания ребенком подавляемых чувств и эмоций связан с наблюдением за вымышленными героями. Комплексная реализация данных мероприятий позволяет сократить пропуски уроков учащимися КМНС по состоянию здоровья, уменьшить детский травматизм и снизить школьную тревожность.

Достаточная доля учащихся КМНС охвачена организованными формами досуга по вопросам здорового и безопасного образа жизни. Так, модуль консультативный включает мероприятия медицинского и психологического консультирования. Медицинское консультирование предполагает очные и дистанционные консультации педиатров, пульмонологов, окулистов, отоларингологов, инфекционистов, медицинских психологов и других необходимых специалистов. Проводятся групповые консультации в форме лектория для врачей, педагогов, работников столовой, обслуживающего персонала по вопросам здорового питания, витаминов и микроэлементам.

Психологическое консультирование включает работу с учащимися, педагогами, воспитателями и другими лицами, занимающимися вопросами образования и воспитания детей КМНС. Мероприятия содержат профконсультирование учащихся с нарушениями здоровья (раннего по формированию положительного отношения к труду; диагностико-корректирующего по самоопределению и готовности к профессии и профконсультирование лиц с ограниченными возможностями). Важной составляющей реализации поставленных целей является Программа логопедического профиля, учитывающая особенности речевого развития детей КМНС и составленная на основе материалов национальных фольклорных сюжетов народов Севера.

Модуль профилактический включает следующие направления работы. В рамках медицинского подхода входят мероприятия по коррекции и

профилактике факторов риска неинфекционных заболеваний для детей и подростков КМНС, включающие динамический контроль за физической подготовленностью, контроль и нормализацию основных физиологических и антропометрических показателей. Осуществляется оптимизация учебной нагрузки с целью проведения ее в соответствии с функциональными возможностями организма ребенка на каждом возрастном этапе. В модуль включены мероприятия по борьбе с поведенческими факторами риска и вредными привычками.

В рамках психологического подхода проводятся психогигиенические мероприятия (обучение релаксации), профилактика суицидального поведения у детей КМНС и работа по профилактике эмоционального выгорания у педагогов в форме проведения лектория из 5-7 лекций и групповой и индивидуальной коррекции. В рамках данного направления открыта горячая линия по проблемам факторов риска и оздоровлению подрастающего поколения КМНС с активным привлечением современных информационных технологий (телемедицина, интернет, электронная почта).

Важно подчеркнуть, что комплексность данной программы есть необходимое условие её реализации. Только при таком подходе в результате мы сможем получить запланированные результаты, а именно:

- снижение уровня заболеваемости учащихся КМНС;
- улучшение психофункционального статуса, повышение двигательной активности;
- формирование у учащихся КМНС достаточного уровня знаний по осмысленному отношению к своему здоровью;
- положительная динамика показателей психоэмоциональной комфортности учащихся;
- активизация творческих ресурсов личности; обретение оптимизма и жизнестойкости;
- повышение мотивации учащихся КМНС к чтению и речевому общению;
- повышение коммуникативной компетентности, эмоциональной отзывчивости и толерантности.

Реализация данной Программы с проведением долгосрочных перспективных исследований позволяет реализовать систему активных здравоохранительных мероприятий учащихся в ХМАО – Югре.

Литература

1. Сводный четвертый и пятый периодический доклад о реализации Российской Федерацией конвенции ООН о правах ребенка (2003-2009 гг.) URL:<http://www.rosminzdrav.ru/docs/others/29/DokladOON.doc> (дата обращения: 25.11.2013).

2. Доклад о соблюдении прав, свобод и законных интересов ребенка в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2011 году. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-562489.html> (дата обращения: 27.12.2013).
3. Эколого-физиологический портрет коренного населения ХМАО – Югры / О.Л. Нифонтова, В.И. Корчин, С.В. Власова, Т.Я. Корчина, И.В. Корчина, Н.Н. Меркулова, В.А. Лобова. – Ханты-Мансийск: Изд-во «Юграфика», 2012. – 209 с.
4. Шипулина Т.Я. Интеллектуальная недостаточность у коренных детей младшего школьного возраста в ЯНАО / Шипулина Т.Я., Мальцева Т.В., Токарев С.А. // Сборник материалов XVI Съезда педиатров России «Актуальные проблемы педиатрии». – М., 2009. – С. 455.
5. Шипулина Т.Я. Психическое здоровье детей на Крайнем Севере: проблема когнитивных нарушений у младших школьников / Шипулина Т.Я., Мальцева Т.В. // Здоровоохранение Ямала. – 2007. – № 1-2 (12-13). – С. 53-56.
6. Шипулина Т.Я. Факторы риска формирования психического здоровья детей коренной национальности Ямала / Шипулина Т.Я., Мальцева Т.В., Буганов А.А. // Российский педиатрический журнал. – 2009. – № 3. – С. 43-45.
7. Лобова В.А. Этнопсихологическое сопровождение подростков: методическое пособие. – Ханты-Мансийск: ООО «Доминус», 2011. – 117 с.

Формирование навыков личной безопасности дошкольников как психолого-педагогическая проблема

О.Б. Тихомирова, кандидат педагогических наук

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Арзамас*

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования навыков личной безопасности у дошкольников. Изучение работ известных педагогов и психологов в области дошкольного образования показало, что в воспитании дошкольников, его организации ключевым положением является опора на ведущий вид деятельности – игру. Сквозь призму игровых действий ребенок познает основы личной безопасности.

Ключевые слова: личная безопасность дошкольников, ведущий вид деятельности, игра, персональная безопасность.

Личность человека формируется и развивается в результате воздействия многочисленных факторов, объективных и субъективных, природных и

общественных, внутренних и внешних, независимых и зависимых от воли и сознания людей, действующих стихийно или согласно определенным целям. При этом человек не мыслится как пассивное существо, которое фотографически отображает внешнее воздействие. Он выступает как субъект своего собственного формирования и развития.

Многочисленные педагогические и психологические исследования подтверждают, что при условии целенаправленного воспитания уже в дошкольном возрасте закладываются основные качества личности. Труды таких великих педагогов и психологов, как К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, Е.А. Аркин, Т.А. Маркова, Л.А. Пенневская, В.К. Котырло и других посвящены изучению этой проблемы. Однако нельзя не заметить, что проблема формирования навыков личной безопасности у дошкольников в имеющихся научных публикациях не получила развернутого конкретного анализа и изложения. Эта проблема ассимилировалась в других направлениях воспитания: социализации личности, нравственном воспитании и т.д.

В то же время в современных исследованиях все чаще стали появляться публикации программного характера. Среди авторов можно назвать таких исследователей, как Н. Авдеева, О. Князева, Р. Стеркина [1], В. Алямовская, Ш. Амонашвили [2] и многих других. Основное направление этих работ касается охраны здоровья детей. В данном контексте можно заметить и наличие компонента безопасности детей как составляющей проблемы здоровья. Вместе с тем в психолого-педагогической литературе слабо представлена методическая разработка этой проблемы, в частности, формирование навыков личной безопасности у дошкольников.

Формирование навыков жизни у ребенка осуществляется в процессе усвоения ценностей, традиций, культуры общества, в котором ему предстоит жить. Общаясь с взрослыми и сверстниками, обучаясь, он учится жить рядом с другими, учитывать их интересы, правила и нормы поведения, к которым мы относим правила и нормы личной безопасности.

Известно, что в воспитании дошкольников, его организации, ключевым положением является опора на ведущий вид деятельности, которым в дошкольном возрасте является игра. Отечественные психологи Л.С. Выготский [3], А.В. Запорожец [4], А.Н. Леонтьев [5], А.А. Люблинская, Д.Б. Эльконин и педагоги А.С. Макаренко [6], В.А. Сухомлинский, Е.А. Аркин [7] и др. уделяли игре ребенка большое внимание.

Исследования В.П. Залыгиной, Д.В. Менджерицкой, А.Н. Острогорского и др. показали, что игра социальна по своим мотивам, структуре и функциям. В ней отражается содержание окружающего ребенка социального мира, существующих в нем норм и правил.

Исследование заявленной в работе проблемы мы сочли невозможным вне изучения этой проблемы, так как самым существенным в воспитании у

детей навыков личной безопасности является непосредственное проявление их в деятельности, в поведении и поступках.

В настоящее время приоритетным направлением, по которому организуется работа всех дошкольных образовательных учреждений, и основной задачей дошкольного образования является охрана и укрепление здоровья детей. Решение ее, в свою очередь, невозможно без обеспечения безопасности жизнедеятельности каждого ребенка.

Во всей вселенной властвует насилие, и в этом порядке вещей, который мы с некоторой видимостью справедливо осуждаем, как раз и проявляется самый общий, низменный, изначальный закон природы. Эта мысль присутствует в различных философских работах «Сильный всегда подминает под себя слабого», – пишет в своей книге «Введение в познание человеческого разума» маркиз де Вовенарг. Однако сложность современной ситуации состоит в том, что человечество встало перед необходимостью разрешения нравственного кризиса, который затрагивает не просто отдельные культуры и цивилизации, но и каждого отдельного человека. В этой связи с еще большей силой возрастает роль педагогов и воспитателей. Особое место как по содержанию, так и по формам и методам воспитания, занимает личная безопасность детей.

Следует иметь в виду, что агрессия свойственна всему живому. Однако любую агрессию и ее признаки можно затормозить, подавить. Определяющая роль в этом принадлежит, прежде всего, воспитанию – в семье, обществе, коллективе. Ребенок еще не знает «меры реакции», не знает, как поступить, как ответить. Мы обязаны учить детей вести себя разумно в этом мире, уметь отвечать за свои поступки, которые в противном случае могут привести к плачевным последствиям.

Казалось бы, роль воспитания детей, в том числе антиагрессивного, могли бы взять на себя средства информации. Ставшие массовыми, приходящие в каждый дом с утра до вечера, СМИ могли бы показывать высокие примеры, говорить об общечеловеческих ценностях, о пользе добра и наказаниях, в том числе нравственных, за преступления, «поднимать» человека к высокой музыке, литературе. И чем чаще повторялась бы такая информация, тем крепче было бы полученное знание (не убей, не обижай слабого, будь человеком).

А в действительности – убийства и самое изощренное насилие обрушивается на нас с экрана ежедневно. Нельзя оставаться равнодушными к тому, как дети мучают животных, топчут клумбы, придумывают способы отпущения. Мы не можем отменить естественную безусловную агрессию. Но мы можем ее ограничить.

Слова, внушение, подкрепленные личным примером, положительными поступками других людей необходимы в воспитании детей. У Анатолия

Франса в сказке «Пчелка» есть очень простой рецепт, использовавшийся герцогиней Кларидской для воспитания дочери: «Внушить ей, что удовольствие можно находить только в хороших поступках, она никогда не отказывала ей в удовольствиях...»

Истинно порядочных людей надо воспитывать, и если человечество ценой собственных усилий создало такое серьезное оружие (слово – действительно оружие, вспомните хотя бы у Лермонтова: «пал, оклеветанный молвой»), способное ежедневно и повсеместно действовать на массовое сознание (радио, печать, телевидение), то мы должны использовать это оружие во благо и уж никак не наоборот.

Актуальной проблемой современного детства является защищенность ребенка от посягательств людей. Похищение детей и насилие над ними определяют и содержание воспитания культуры здоровья, связанной с поведением ребенка, реакцией на окружающих.

Наряду с искренним дружелюбием и открытостью под маской отдельных личностей скрываются агрессия, цинизм, корысть... Уместно вспомнить детскую порнографию. Качества асоциальной направленности, присущие взрослым, проникают в детский мир с целью реализации их преступных замыслов.

Сформировать правильную адекватную реакцию ребенка в подобных ситуациях и на каждый конкретный случай сложно или даже невозможно. Но универсальные правила усвоить можно и необходимо:

1. Сформировать (на образцах) навыки установления рамок ограничения в общении;
2. Сформировать понимание, что дружелюбное поведение взрослых отнюдь не обязывает их трогать его;
3. Внушить ребенку, чтобы он не позволял незнакомцам трогать его.

Это тот минимум самозащиты, который необходимо воспитывать в процессе формирования основ здорового образа жизни.

Существует мнение, что не следует омрачать ранние годы детства разговорами на неприятные темы типа сексуального насилия. К сожалению, в этом случае дети получают единственную информацию о сексуальном насилии (от самого насильника). Ребенок заключает, что поскольку взрослые, педагоги, родители не говорят об этом, значит, это «плохая» тема. Поэтому он и сам не говорит об этом. На это рассчитывает и насильник, зная, что ребенку не дают информацию о сексуальном домогательстве, и поэтому он не станет рассказывать об этом родителям.

Поскольку у детей нет опыта противостояния сексуальному насилию, они уязвимы, а значит, нуждаются в педагогически целесообразной информации от взрослых, готовности к сопротивлению своим адекватным поведением.

Другая сторона вопроса – страх. Манипулирование детьми с целью заставить их повиноваться определенным правилам с помощью внушения страха не только неверно, педагогически нецелесообразно, но может привести к серьезным последствиям. Страх обезоруживает. Он может парализовать малышей. Запугивая их, мы подрываем у детей способность правильно реагировать в опасной ситуации, вместо того, чтобы защитить, обезопасить себя.

Совет взрослых «не разговаривать с незнакомыми» не совсем отвечает безопасности, поскольку в экстремальной ситуации ребенок должен попросить о помощи именно у незнакомых людей.

Рассматривая способность ребенка к обучению, необходимо принять в расчет и его социальную зрелость. Умение ребенка эффективно пользоваться информацией о персональной безопасности частично зависит и от его готовности вести себя в манере, не совсем для него комфортной.

Чтобы дети смогли распознать недостойное поведение взрослых, им необходимо вначале понять, что представляет собой достойное поведение. Дошкольнику чрезвычайно трудно отличить недостойное поведение взрослых и определиться в своем поведении.

От детей следует ожидать лишь запоминания нескольких безопасных концепций типа разницы между оттенками «хорошо» и «плохо». Нельзя ожидать от малышей эмоциональной гибкости, не следует обучать их фактам, способным лишь смутить и расстроить их.

Обучение – процесс, требующий длительного времени. Дети не могут выучить все необходимое о персональной безопасности за один урок. Они выучат, запомнят правила, лишь повторяя их, за свои навыки безопасности, а значит эти правила, иначе уроки с их содержанием должны быть вплетены в общий целостный педагогический процесс.

Детям дошкольного возраста крайне тяжело даются исключения и их часто сбивают с толку общие правила типа: «Не разговаривай с незнакомцами». Дети этого возраста не усваивают смысла общего правила, запрещающего им говорить с людьми, которых они не знают, при одновременном требовании «говорить вежливо с продавцом», «говорить спасибо» и т.д. Детей защитят положительные установки о том, что надо делать, а не то, что им всегда возбраняется. Поэтому вместо приказа «не разговаривать с незнакомцами» необходимо внушить детям понятные правила, типа: «Всегда подходи к опекающему тебя взрослому, прежде чем пойти куда-то с кем-либо».

Вторая особенность развития детей состоит в том, что им трудно понять, как это взрослые, которым они доверяют, могут чем-то обидеть их. Они уверены, что взрослые заботятся о них и желают им только добра.

Самое главное преимущество дошкольников в обучении персональной безопасности состоит в том, что они любят правила. Фактически они

полагаются на правила. Большинство детей обожают действовать по правилам, особенно им нравится управлять своими приятелями по игре королевскими повелениями типа «Мама сказала...».

Дошкольники быстро подмечают, когда что-то нарушает заведенный порядок вещей. Хорошие наблюдательные способности прекрасно помогают детям заметить необычное или подозрительное поведение, и их следует поощрять за это. Необходимо помнить, что каждый ребенок постигает навыки персональной безопасности по-разному: одни навыки усваиваются быстрее других, другие медленнее.

Литература

1. Авдеева Н., Князева О., Стеркина Р. Основы безопасности детей дошкольного возраста: Программа для дошкольных образовательных учреждений // Дошкольное воспитание. – 1997. – №3. – С. 32-40; № 4. – С. 5-13.
2. Амонашвили Ш.А. и др. Педагогика здоровья / Ш.А. Амонашвили и др. – М.: Педагогика, 1990.
3. Выготский Л.С. Развитие личности и мировоззрение ребенка // Собр. соч. В 6 т. Т.3. – М.: Педагогика, 1983. – С. 314-336.
4. Игра и ее роль в развитии ребенка дошкольного возраста / Науч. ред. А.В. Запорожец, Т.А.Маркова. – М.: НИИ общ. пед., 1978. – 155 с.
5. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2-х т. / Под ред. В.В. Давыдова и др. Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 318 с.
6. Макаренко А.С. Книга для родителей: Лекции о воспитании. – М., 1985. – 448 с.
7. Аркин Е.А. Ребенок в дошкольные годы / Под ред. А.В. Запорожца, В.В. Давыдова. – М.: Просвещение, 1968. – 445 с.

НАШИ АВТОРЫ

Бабушкина Олеся Михайловна, студентка Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Красноярск

Боровинская Юлия Сергеевна, аспирант, старший преподаватель Тюменской государственной академии мировой экономики управления и права, Тюмень

Вафеев Равиль Айсович, доктор филологических наук, профессор Югорского государственного университета, Ханты-Мансийск

Гаврильчик Раиса Мартыновна, педагог детского этнокультурно-образовательного центра «Лылынг союм», Ханты-Мансийск

Герляк Наталья Андреевна, научный сотрудник отдела хантыйской филологии и фольклористики Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Дядюн Светлана Даниловна, старший научный сотрудник фольклорного отдела Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Енов Владимир Егорович, корреспондент объединённой редакции национальных газет «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос», Ханты-Мансийск

Зазулина Мария Рудольфовна, кандидат философских наук, младший научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск

Исламова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Кашлатова Любовь Васильевна, начальник Березовского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Берёзово

Корнилов Виктор Викторович, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, Красноярск

Косинцева Елена Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии ФГБОУ ВПО «Югорский государственный университет», Ханты-Мансийск

Кумаева Мария Владимировна, научный сотрудник отдела мансийской филологии и фольклористики Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Куриков Владимир Михайлович, доктор экономических наук, советник Председателя Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск

Лельхова Федосья Макаровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела хантыйской филологии и фольклористики, Ханты-Мансийск

Лобанова Ольга Вячеславовна, аспирант Научно-исследовательского института сельского хозяйства Крайнего Севера, Норильск

Лобова Вера Александровна, кандидат психологических наук, заведующая лабораторией системных психологических и психофизических исследований Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Максимов Александр Анатольевич, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Мальчакитова Наталья Юрьевна, ассистент кафедры языков коренных народов Сибири Бурятского государственного университета, Улан-Удэ

Маслова Надежда Константиновна, преподаватель изобразительного искусства по классу ДПИ Хулимсунтской детской школы искусств, Хулимсунт

Михнева Оксана Ивановна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе Советского профессионального колледжа, Советский

Нечипоренко Ольга Владимировна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск

Николаева-Ойнетс Вера Александровна, учитель эстонского языка воскресной школы при Красноярской эстонской национально-культурной автономии «ЭЭСТИ», Красноярск

Панченко Людмила Николаевна, научный сотрудник отдела мансийской филологии и фольклористики Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Партанов Никита Калистратович, научный сотрудник Этнографического музея под открытым небом «Торум маа», Ханты-Мансийск

Прокаева Елена Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, Саранск

Рандымова Зинаида Иосифовна, старший научный сотрудник Приуральского районного краеведческого музея, Аксарка

Рыжкова Оксана Сергеевна, помощник Депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск

Слинкина Татьяна Дмитриевна, научный сотрудник отдела мансийской филологии и фольклористики Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Сморчкова Вера Ивановна, доктор экономических наук, профессор, руководитель программы подготовки управленческих кадров для Севера и Арктики РАНХиГС при Президенте РФ, Москва

Ставропольский Юлий Владимирович, кандидат социологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Энгельсского технологического института Саратовского государственного технологического университета им. Ю.А. Гагарина, Саратов

Тихомирова Ольга Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Арзамас

Ткачук Наталья Витальевна, научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Хазанкович Юлия Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Амосова, Якутск

Хакназаров Саидмурод Хамдамович, кандидат геолого-минералогических наук, заведующий отделом социально-экономического развития и мониторинга Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

Чемчиева Аржана Петровна, кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск

Шиянова Анастасия Антоновна, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией по разработке учебно-методических комплексов для изучения языка и литературы КМНС Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск

**Проблемы и перспективы этнокультурного
и социально-экономического развития
коренных малочисленных народов Севера:**
Материалы Всероссийской научно-практической конференции
(31 октября 2013 г., Ханты-Мансийск).
Формат А5. Бумага матовая 80 г/м². Тираж 150 экз.

Дизайн, вёрстка и печать выполнены ООО «ФОРМАТ», г. Тюмень.
Тел. 8-919-931-17-04. E-mail: format-72@yandex.ru
2014 г.